

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОСОФИЯ ПСИХОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOSOPHY and PSYCHOLOGY

Издается с 2007 г.
(до 2017 г. – под названием
«Философия и социальные науки»)

Выходит три раза в год

3

2023

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор   **РУБАНОВ А. В.** – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: sociology@bsu.by

**Заместители
главного
редактора**   **ЛЕГЧИЛИН А. А.** – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: liahchylin@bsu.by

ФУРМАНОВ И. А. – доктор психологических наук, профессор; заведующий кафедрой психологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: fourmigog@gmail.com

**Ответственный
секретарь**   **ДОБРОРОДНИЙ Д. Г.** – кандидат философских наук, доцент; директор Института социально-гуманитарного образования Белорусского государственного экономического университета, Минск, Беларусь.
E-mail: danila_dobr@mail.ru

- Агилера М.* Малагский университет, Малага, Испания.
Андрющенко В. П. Национальный педагогический университет им. М. П. Драгоманова, Киев, Украина.
Бабосов Е. М. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Водопьянов П. А. Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь.
Вольферт П. Билефельдский университет прикладных наук, Билефельд, Германия.
Гигин В. Ф. Национальная библиотека Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Данилов А. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Журавлев А. Л. Институт психологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Зеленков А. И. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Иванчич П. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Карамушка Л. Н. Институт психологии им. Г. С. Костюка Национальной академии педагогических наук Украины, Киев, Украина.
Кирвель Ч. С. Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Гродно, Беларусь.
Козловский В. В. Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.
Королева И. Институт философии и социологии Латвийского университета, Рига, Латвия.
Купченко В. Е. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия.
Лазаревич А. А. Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Лапте́нок А. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Мазилев В. А. Ярославский государственный педагогический университет, Ярославль, Россия.
Порус В. Н. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия.
Ротман Д. Г. Центр социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Румянцева Т. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Сайганова В. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Слепович Е. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Стелинговска Б. Естественно-гуманитарный университет, Седльце, Польша.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Шатравский С. И. Институт теологии им. святых Мефодия и Кирилла Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
Якубовска В. Нитрянский университет им. Константина Философа, Нитра, Словакия.
Янчук В. А. Независимый исследователь, Минск, Беларусь.
Яскевич Я. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

- Editor-in-chief**   **RUBANAU A. V.**, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: sociology@bsu.by
- Deputy editors-in-chief**
- LIAHCHYLIN A. A.**, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: liahchylin@bsu.by
- FOURMANOV I. A.**, doctor of science (psychology), full professor; head of the department of psychology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: fourmigor@gmail.com
- Executive secretary**   **DABRARODNI D. G.**, PhD (philosophy), docent; director of the Institute of Social and Humanities Education, Belarus State Economic University, Minsk, Belarus.
E-mail: danila_dobr@mail.ru
- Aguilera M.** University of Malaga, Malaga, Spain.
- Andryushchenko V. P.** National Pedagogical M. P. Dragomanov University, Kyiv, Ukraine.
- Babosov Y. M.** Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Beznyuk D. K.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Danilov A. N.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Hihin V. F.** National Library of Belarus, Minsk, Belarus.
- Ivanic P.** Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
- Jakubovská V.** Constantine the Philosopher University in Nitra, Nitra, Slovakia.
- Karamushka L. M.** N. S. Kostyuk Institute of Psychology of the National Academy of Educational Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
- Kirvel C. S.** Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus.
- Koroleva I.** Institute of Philosophy and Sociology of the University of Latvia, Riga, Latvia.
- Kozlovski V. V.** Saint Petersburg University, Saint Petersburg, Russia.
- Kupchenko V. E.** Omsk F. M. Dostoevsky State University, Omsk, Russia.
- Laptenok A. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Lazarevich A. A.** Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
- Mazilov V. A.** Yaroslavl State Pedagogical University, Yaroslavl, Russia.
- Porus V. N.** National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russia.
- Rotman D. H.** Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Rumyantseva T. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Sayganova V. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Shatrauski S. I.** Institute of Theology named after Sts. Methodius and Cyrill of the Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Slepovich E. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Stelingowska B.** Siedlce University of Natural Sciences and Humanities, Siedlce, Poland.
- Titarenko L. G.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Toshchenko Zh. T.** Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Vodopyanov P. A.** Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus.
- Wolfert P.** University of Applied Sciences, Bielefeld, Germany.
- Yanchuk V. A.** Independent researcher, Minsk, Belarus.
- Yaskevich Y. S.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.
- Zhuravlev A. L.** Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
- Zelenkov A. I.** Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1(091)1

МУДРОСТЬ ЗОЛОТОГО ВЕКА ИСЛАМА

А. В. РУБАНОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены основные мировоззренческие взгляды и жизненные ценности ислама: преданность Богу как первый принцип, а также наиболее значимые правила поведения и нормы морали, взятые из жизненных образцов и высказываний пророка Мухаммеда, которые зафиксированы в Сунне. Показано, что конкретное воплощение и развитие эти взгляды и ценности получили в трудах таких видных мыслителей золотого века ислама, как аль-Кинди, Рудаки, аль-Фараби, Фирдоуси, Авиценна, Омар Хайям, аль-Газали, Аверроэс и Руми. Особо в них выделены ценности гуманизма и знаний, идеи духовного совершенствования человека и жизнеутверждающего отношения к миру.

Ключевые слова: мудрость; ислам; Коран; Сунна; золотой век ислама.

THE WISDOM OF THE GOLDEN AGE OF ISLAM

A. V. RUBANAU^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article discusses the basic worldview and life values of Islam: the first principle is devotion to God and the most significant rules of conduct and morality, taken from the life patterns and sayings of the Prophet Muhammad, which are recorded in the Sunnah. It is shown that these views and values were concretely embodied and developed in the works of the most prominent thinkers of the golden age of Islam as al-Kindi, Rudaki, al-Farabi, Ferdowsi, Avicenna, Omar Khayyam, al-Ghazali,

---

Образец цитирования:

Рубанов АВ. Мудрость золотого века ислама. Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2023;3:4–12.
EDN: WBOMSC

For citation:

Rubanau AV. The wisdom of the golden age of islam. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2023;3:4–12. Russian.
EDN: WBOMSC

Автор:

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Anatoly V. Rubanau, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
rubanov.bsu@gmail.com

Averroes and Rumi. The values of humanism and knowledge, the ideas of spiritual perfection of a person and a life-affirming attitude to the world are highlighted in them.

Keywords: wisdom; Islam; Koran; Sunnah; golden age of Islam.

Золотой век ислама (с середины VIII до середины XIII в.) – это время, когда были сформулированы основные идеи (истины) и ценностные принципы ислама. Первая истина ислама состоит в том, что Бог сотворил мир и правит им. Все зависит от Бога, сам он не зависит ни от чего. «Он – первый и последний, явный и тайный, и Он о всякой вещи знающ» (Коран, 57:3)¹.

Бог определяет судьбы людей и непосредственно участвует во всех их делах. «И Он – тот, который успокаивает вас ночью и знает, что вы добываете днем, потом Он оживляет вас в нем, чтобы завершился назначенный срок. Потом – к Нему ваше возвращение, потом Он сообщит вам, что вы делали» (Коран, 6:60). Сила Аллаха настолько велика и всеобъемлюща, что человек может сказать: «Довольно мне Аллаха! Нет божества, кроме Него; на Него я положился, ведь Он – Господь великого трона!» (Коран, 9:130).

Первая заповедь мусульманина, выражающая суть отношения человека к Богу, заложена в самом слове «ислам», что в переводе с арабского языка означает «покорность, предание себя Богу»². Свои проповеди пророк Мухаммед начинал с изъявления полной покорности Богу: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!» Следуя его примеру, каждое дело мусульмане предваряют этими словами в их первоначальном арабском звучании.

Отдавшие себя Богу будут щедро награждены, а неверующие – жестоко наказаны: «Те, которые уверовали и были благочестивы, – для них – радостная весть в ближайшей жизни и в будущей» (Коран, 10:64–65). А «те, которые измышляют на Аллаха ложь, не будут счастливы!» (Коран, 10:70).

Правила жизненного поведения и нормы морали не представлены в Коране в виде систематизированного свода (кодекса). Они даны на примере жизни пророка Мухаммеда. В Коране сказано: «Был

для вас в посланнике Аллаха хороший пример тем, кто надеется на Аллаха и последний день и поминает Аллаха много» (Коран, 33:21). Поступки и высказывания Мухаммеда зафиксированы в Сунне, которая состоит из хадисов (преданий) его сподвижников.

Первый ценностный принцип ислама – преданность Богу. Согласно 11-му хадису от аль-Бухари на вопрос о том, что такое ислам, Мухаммед ответил: «Суть ислама в том, чтобы ты поклонялся лишь Аллаху»³. Этот ценностный принцип лежит в основе мировоззренческих и жизненных установок исламских мудрецов. У Авиценны есть следующие высказывания на этот счет: «Душа вселенной – истина: то Бог» [1]; «Мир – это тело мироздания, душа которого – Господь»⁴; «Первопричина является предметом любви для обожествившихся душ»⁵. Аверроэс говорил, что «Аллах есть причина причин, приводящая к бытию все мироздание в целом» [2, с. 136]. Более раннее высказывание можно найти у Рудаки: «Господь не забывает зла и воздает стократ»⁶.

В суфизме также прослеживается преданность первому принципу ислама. В этом направлении искреннее, самозабвенное служение Богу является смыслом жизни человека и основой совершенствования его духовного мира. Один из основателей суфизма аль-Газали писал: «Самым мудрым из людей считай того, кто не забывает о Боге»⁷; «Когда воинство дьявольское нападает, вспоминай Бога»⁸.

Идеи суфизма в XIII в. развивал богослов и поэт Руми: *Хотя ты увечен и прихрамываешь, / хотя тело твое согбенно и неуклюже, / неустанно волочи ноги к Единому. / Сделай Единое своим священным поиском. / И в речи, и в молчании, и в ароматах – / повсюду улавливай благоухание Царя*⁹. Он также указывал: «Все, отличное от Бога, водит вас в заблуждение»¹⁰; «Забудь все, что ты узнал от людей. Будь тем, что бы ты ни узнал от Бога»¹¹; «Мир – это яд. Лишь Бог один

¹Здесь и далее мы ссылаемся на Коран в переводе И. Ю. Крачковского (см. Коран / пер. И. Ю. Крачковского, М. : СПИКПА, 1990. 512 с.).

²Ислам [Электронный ресурс]. URL: <https://znanierrussia.ru/articles/%D0%98%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC#:~:text=%D0%98%D1%81%D0%BB%D0%B0%D0%BC%20%E2%80%94%D0%BE%D1%82%20%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%B1,%D0%B%D1%8E%D0%B4%D0%B8%20%D0%B2%D0%B5%D1%80%D1%8F%D1%82%20%D0%B2%20%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B3%D0%BE%20%D0%91%D0%BE%D0%B3%D0%B0> (дата обращения: 14.05.2022).

³Сунна пророка Мухаммеда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.omkara.ru/library/sunna> (дата обращения: 14.05.2022).

⁴Авиценна: афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс]. URL: <https://aforisimo.ru/autor/Авиценна/> (дата обращения: 18.07.2022).

⁵Авиценна. Трактат о любви [Электронный ресурс]. URL: http://www.argo-school.ru/biblioteka/ideya_mirovoj_simpatii1/avitsenna_traktat_o_lyubvi/avitsenna_traktat_o_lyubvi/ (дата обращения: 10.07.2022).

⁶Цитаты Рудаки [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.citaty.net/avtory/rudaki/> (дата обращения: 10.06.2022).

⁷аль-Газали: афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс]. URL: <https://aforisimo.ru/autor/Аль-Газали/> (дата обращения: 23.07.2022).

⁸Там же.

⁹Руми. Сокровища воспоминания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/dzhalaladdin-rumi/sokrovishcha-vspominaniya/chitat-onlayn/> (дата обращения: 29.07.2022).

¹⁰Суфизм [Электронный ресурс]. URL: <https://woodweend.livejournal.com/8633.html> (дата обращения: 11.05.2022).

¹¹Там же.

противоядие»¹². Кроме того, он связывал свое поэтическое творчество с идеями суфизма: «Только Бог может дать смысл моим стихам»¹³.

Базовые принципы поведения правоверного мусульманина и его отношение к другим людям заложены в Коране: «О вы, которые уверовали! Кланяйтесь и падайте ниц, поклоняйтесь вашему Господу и творите добро, – может быть, вы будете счастливы!» (Коран, 22:77); «И скажут богобоязненным: “Что такое ниспослал вам Господь?” Они скажут: “Благо!” Для тех, кто делал добро в этом мире, – добро. А жилище будущее – лучше, и прекрасно обиталище боящихся!» (Коран, 16:30).

В хадисах исламские мудрецы уделяли внимание теме взаимоотношений с другими людьми, прежде всего с единоверцами: «Не уверует никто из вас по-настоящему, пока не станет желать брату своему того же, чего желает самому себе»¹⁴; «Любите ли вы своего Создателя? Если да, то любите прежде всего людей, своих братьев»¹⁵; «Вы не войдете в рай, пока не уверуете, а не уверуете, пока не полюбите друг друга. Не сообщите ли вам то, сделав которое, вы полюбите друг друга? Разнесите между собой салям (пожелание мира)»¹⁶.

Отказ от насилия является одним из главных принципов межличностных отношений, проповедуемых в хадисах: «Вера есть отказ от всякого насилия»¹⁷; «Нельзя ни причинять зло, ни возмещать злом»¹⁸; «Милосердие несвойственно только тем, кто отправится в ад»¹⁹.

Персидский поэт Фирдоуси обосновывал природу, разумность и целесообразность гуманных, ненасильственных действий: *От злобы, что направлена на людей, / Как правило, страдает сам злодей*²⁰. По этому поводу писал и Омар Хайям: *Не делай зла – вернется бумерангом, / Не плюй в колодезь – будешь воду пить, / Не оскорбляй того, кто ниже рангом, / А вдруг придется что-нибудь просить*²¹.

Другим проповедуемым базовым принципом межчеловеческих отношений стала справедливость: «Пророк привел такие слова от своего Господа: “Я запретил несправедливость Себе и сделал ее запретной для вас, так не поступайте же несправедливо между собой”»²². Фирдоуси по данному поводу писал следующее: *Лишь тот судьбою одарен счастливой, / Тот радостен, чье сердце справедливо!*²³. Кроме того, в его высказываниях встречается своеобразное уточнение этой мысли: *Чтоб быть справедливым возмездье могло, / Лишь злом воздавать подобает за зло*²⁴.

В исламе объектом душевного почтения является отношение к родителям, особенно к матери, и жене: «Рай находится у ног вашей матери»²⁵; «Один человек сказал посланнику Аллаха: “Кто из людей более достоин быть моим лучшим другом?” Он сказал: “Твоя мать”. Тот сказал: “А потом кто?” Он сказал: “Твоя мать”. Тот сказал: “А потом кто?” Он сказал: “Твоя мать”. Тот сказал: “А потом кто?” Он сказал: “Твой отец”»²⁶; «Даже малейшее выражение почтения к родителям соединяет вас с Богом»²⁷; «Лучший из вас тот, кто лучше всех обходится с женою своею»²⁸.

В хадисах проповедуются и другие нравственные нормы межчеловеческих отношений: «Доверяй доверяющим тебе и не обмани обманывающих тебя»²⁹; «Говорите истину, если даже она горька и приятна для людей»³⁰. В них же речь идет о человеческих пороках, например лицемерии, и подробно разъясняется то, в чем они проявляются: «Лицемера отличаются три признака: если он рассказывает о чем-либо, то лжет; если обещает что-нибудь, то не сдерживает своего обещания; если ему доверяют в чем-то, то он предает»³¹.

Мыслители и поэты золотого века ислама признавали ценность и душевную красоту искренней дружбы. Рудаки писал: *Нет в этом мире радости сильней, / Чем лицемерье близких и друзей. / Нет на земле мучительнее муки, / Чем быть с друзьями*

¹² Суфизм [Электронный ресурс]. URL: <https://woodweend.livejournal.com/8633.html> (дата обращения: 11.05.2022).

¹³ Там же.

¹⁴ Сунна пророка Мухаммеда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.omkara.ru/library/sunna> (дата обращения: 14.05.2022).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Цитаты и высказывания Фирдоуси [Электронный ресурс]. URL: <https://cityat.su/cityat-i-vyskazyvaniya-firdousi> (дата обращения: 23.05.2022).

²¹ Омар Хайям. Не делай зла, вернется бумерангом [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/omar-hajyam-ne-delaj-zla-vernetsya-bumerangom/> (дата обращения: 14.06.2022).

²² Сунна пророка Мухаммеда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.omkara.ru/library/sunna> (дата обращения: 14.05.2022).

²³ Цитаты Фирдоуси [Электронный ресурс]. URL: <https://cityat.su/cityat-i-vyskazyvaniya-firdousi> (дата обращения: 23.05.2022).

²⁴ Там же.

²⁵ Сунна пророка Мухаммеда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.omkara.ru/library/sunna> (дата обращения: 14.05.2022).

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

славными в разлуке³². В свою очередь, Авиценна утверждал, что «...в одиночестве человек не выжил бы. Все то, в чем он нуждается, он получает лишь благодаря обществу»³³.

В рассматриваемых преданиях излагаются конкретные нормы и правила искренних отношений друзей. Так, например, у Фирдоуси встречается следующее выражение: *Уж если оказал кому-нибудь услугу, / Не поминай о ней ты ни врагу, ни другу*³⁴. У Авиценны есть такие слова: «Если друг мой дружит с моим врагом, то мне не следует водиться с другом»³⁵. Омар Хайям в своих произведениях тоже затрагивал данную тему: *Как часто, в жизни ошибаясь, теряем тех, кем дорожим. / Чужим понравиться стараясь, порой от ближнего бежим. / Возносим тех, кто нас не стоит, а самых верных предаем. / Кто нас так любит, обижаем и сами извинений ждем*³⁶. По этому поводу аль-Газали писал: «Если хочешь узнать, что в сердце другого человека – любовь к тебе или ненависть, посмотри, что в твоём сердце – любовь или ненависть к нему»³⁷; «Настоящий друг – тот, кто не скучает в общении. И не забывает в разлуке. И не меняется ни в трудностях, ни в радости. И не изменяется ни в присутствии, ни в отсутствии»³⁸; «У того, кто ищет друзей без недостатков, мало друзей»³⁹; «У того, кто упреком встречает каждый промах друзей, много врагов»⁴⁰.

Конкретные нормы поведения и пути совершенствования духовного мира человека раскрываются в первую очередь на примере жизни пророка Мухаммеда. В хадисах отражены основные ценности (добродетели), которым он следовал. Самыми важными из них являются следующие: «Богатство не в изобилии мирских благ, однако богатство – это богатство души»⁴¹; «Тот, кто жаждет знаний, их познает, познавший же их, – побоится грешить»⁴²; «Пусть тот, кто верит в Аллаха и Судный день, либо говорит правду, либо молчит»⁴³; «Пророк сказал: “Не войдет в рай тот, в сердце у которого гордыня весом хотя бы с пылинку”. На что один из присутствующих сказал:

“Ведь человек любит, чтобы у него была красивая одежда и красивая обувь”. На что пророк ответил: “Аллах красив и любит красоту. Гордыня же – надменность перед истиной и пренебрежение людьми”»⁴⁴; «Сильный не тот, кто силен в единоборстве, но тот сильный, кто владеет собой в гневе»⁴⁵.

В трудах исламских мудрецов развивалась тема добродетелей человека. Например, у Рудаки есть ряд стихов, прославляющих лучшие личные качества, включая стремление человека к знаниям: *Всевышний спас меня от горя, четыре качества мне дав: / Прославленное имя, разум, здоровье и хороший нрав. / Любой, кому даны всевышним четыре качества такие, / Пройдет свой долгий путь без горя, людских печалей не узнав*⁴⁶; *С тех пор как существует мироздание, / Такого нет, кто б не нуждался в знании. / Какой мы ни возьмем язык и век, / Всегда стремился к знанию человек. / А мудрые, чтоб каждый услышал их, / Хваленья знанию высекали на скалах. / От знания в сердце вспыхнет яркий свет, / Оно для тела – как броня от бед*⁴⁷.

А вот строки аль-Фараби касаются, по его выражению, «людей с больной душой», которые «находят удовлетворение в дурных положениях и действиях, страдая при этом от вещей прекрасных и добродетельных или вовсе не представляя их себе» [3, с. 333]. Раскрывая эту мысль, он писал: «Злым и порочным людям, когда они больны душой, злые дела кажутся добрыми, а добрые – злыми» [4, с. 208]. Кроме того, аль-Фараби называл некоторые людские пороки и отмечал их взаимосвязь: «Хитрый и лживый человек является злым и порочным» [4, с. 208]; «Часто люди, охваченные гневом, стремясь убийством утолить этот гнев, убивают не тех, кто разгневал их, а тех, кто к этому не причастен» [4, с. 232].

В своей работе аль-Фараби писал о глупости и характеризовал глупого человека: «Глупость – это когда человек имеет здоровое представление об общеизвестных вещах, накопленный опыт, здоровое представление о целях, достижения которых он желает

³² Цитаты Рудаки [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.citaty.net/avtory/rudaki/> (дата обращения: 10.06.2022).

³³ Авиценна: афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс]. URL: <https://aforisimo.ru/autor//Авиценна/> (дата обращения: 18.07.2022).

³⁴ Цитаты и высказывания Фирдоуси [Электронный ресурс]. URL: <https://citaty.su/citaty-i-vyskazyvaniya-firdousi> (дата обращения: 23.05.2022).

³⁵ Авиценна. Трактат о любви [Электронный ресурс]. URL: http://www.argo-school.ru/biblioteka/ideya_mirovoj_simpatii1/avitsenna_traktat_o_lyubvi/avitsenna_traktat_o_lyubvi/ (дата обращения: 10.07.2022).

³⁶ Омар Хайям. Как часто в жизни ошибаясь [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/omar-hajyam-kak-chasto-v-zhizni-oshibayas/> (дата обращения: 18.07.2022).

³⁷ аль-Газали: афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс]. URL: <https://aforisimo.ru/autor/Аль-Газали/> (дата обращения: 23.07.2022).

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Сунна пророка Мухаммеда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.omkara.ru/library/sunna> (дата обращения: 14.05.2022).

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Цитаты Рудаки [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.citaty.net/avtory/rudaki/> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴⁷ Там же.

и жаждет, но обладает [неправильным] рассуждением, и из-за этого рассуждения то, что не ведет к цели, ему кажется ведущим к ней, а... то, что ведет к цели, ему кажется не ведущим к ней. <...> По этой причине глупец на первый взгляд имеет вид разумного человека с правильным устремлением, но часто его рассуждение приводит его к тому, чего он не намеревался совершить» [4, с. 212].

Вместе с тем аль-Фараби упоминал объективность в оценке себя: «Правдивость по отношению к самому себе возникает только тогда, когда человек приписывает самому себе благие качества, добрые поступки, которые у него имеются. Когда же человек приписывает себе благие качества, добрые поступки, которых у него нет, то в нем вырабатывается ложное самомнение» [4, с. 19]. Сила правды утверждается и в афоризме Фирдоуси: «Где правда проступает сквозь туман, там терпит поражение обман»⁴⁸.

Видные мыслители исламского мира говорили об особой жизненной ценности – стремлении человека к знаниям и постижению мудрого отношения к жизни. Арабский философ аль-Кинди выделял два типа знания – божественное и человеческое. Первый тип знания Аллах дает в откровении. Таким знанием он наделил своих посланников, например пророка Мухаммеда. Оно, как писал аль-Кинди, «не требует ни исканий, ни трудов, ни человеческой сообразительности, ни времени». Это знание «достигается ими по воле Его, Великого и Всевышнего, путем очищения и освещения собственных душ для истины благодаря Его помощи, наставлению и внушению» [5, с. 46].

Все то, в чем не нуждается божественное знание, требуется для второго типа знания – человеческого. Причем «...ни одному из людей еще не удавалось надлежащим образом постичь истину собственными силами, а каждый из них либо вообще не обретал ни единой доли истины, либо из того, что достойно быть названо истиной, обретал лишь самую малую толику. Однако если собрать все эти крупинки, добытые каждым, кто добивается истины, то в итоге получится нечто внушительное по своему объему» [6, с. 58]. Так, аль-Кинди сделал следующий вывод: «Нам не следует стыдиться одобрения и обретения истины, откуда бы она ни исходила – пусть даже от далеких от нас племен и от народов, несопредельных с нами стран. Для искателя истины нет ничего луч-

ше самой истины, и не следует пренебрегать истинной и свысока смотреть на тех, кто ее высказал или передал: истиной никого нельзя унижить – наоборот, истина облагораживает всякого» [6, с. 59].

Схожим образом рассуждал Аверроэс: «Коран – наша единственная опора в тех случаях, когда разум бессилён, ибо есть знания, которые превосходят возможности научных изысканий и могут быть дарованы только посредством откровений. Так, невозможно постигнуть разумом вещи, связанные с происхождением, жизнью и судьбой человека, равно как и с его душой – это все выше всяческого разума, а потому все, что нам об этом известно, дано милостью Милостивого через откровения пророков» [6, с. 223].

Произведение Фирдоуси «Шахнаме» начинается со Слова в похвалу разума: *Из всех даров что разума ценней? / Хвала ему – всех добрых дел сильней. / Венец, краса всего живого – разум, / Признай, что бытия основа – разум. / Он – твой вожатый, он – в людских сердцах, / Он с нами на земле и в небесах. / От разума – печаль и наслажденье, / От разума – величье и паденье. / Для человека с чистою душой / Без разума нет радости земной...*⁴⁹.

Авиценна, развивая тему разума, знаний и мудрости, писал: «Душа похожа на стеклянный светильник, знание есть свет, дающий огонь, а мудрость Бога – масло. Если светильник горит, ты жив, если он погас – ты мертв»⁵⁰; «Мудрость – это то, что подготавливает нас к величайшему счастью в горней жизни»⁵¹. В своих трудах он также выделял стремление к самопознанию и трудности, возникающие на пути к нему: *Все, что сокрыто в словах, мне подвластно. / Тайны вселенной постиг я прекрасно. / Ну, а себя хорошо ли познал я? / Стало мне ясно, что все мне неясно*⁵².

Жизненную ценность знаний и мудрости, а также некоторые особенности познавательного процесса (позитивную роль сомнений и опыта, практическую значимость знаний и др.) отмечал аль-Газали: «Знание и мудрость – красота человека»⁵³; «Опыт – это приобретенный разум твой»⁵⁴; «Разум не притесняет ничье сердце. Он никогда не славословит и не злословит из алчности»⁵⁵; «Не считай ложным то, чего ты не в состоянии понять»⁵⁶; «Сомнение есть путь к истине: кто не сомневается – не видит, кто не

⁴⁸ Цитаты и высказывания Фирдоуси [Электронный ресурс]. URL: <https://citaty.su/citaty-i-vyskazyvaniya-firdousi> (дата обращения: 23.05.2022).

⁴⁹ Фирдоуси. Шахнаме. Вступление: стих [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/firdousi-shahname-vstuplenie/> (дата обращения: 16.07.2022).

⁵⁰ Авиценна: афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс]. URL: <https://aforisimo.ru/autor//Авиценна/> (дата обращения: 18.07.2022).

⁵¹ Там же.

⁵² Там же.

⁵³ аль-Газали: афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс]. URL: <https://aforisimo.ru/autor/Аль-Газали/> (дата обращения: 23.07.2022).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же.

видит – не понимает, кто не понимает – пребывает в слепоте и заблуждении»⁵⁷; «Знания искреннего человека – у него в душе, знания двуличного – на его языке»⁵⁸; «Если знание служит людям, оно награждает знающего»⁵⁹; «Двое зря промучились и без пользы печалились: первый – тот, кто собирал богатство и не попробовал его, а второй – тот, кто обучался знаниям и не применил их в деле»⁶⁰; «Наука имеет пользу только в связи с действием, а без него является самоцелью»⁶¹. Так же размышлял и Руми, когда говорил: «О человек без мудрости, не будь тем пьяницей, что, приходя в себя, испытывает сожаление»⁶².

В жизненной позиции людей подчеркивается необходимость самообладания, самовоспитания и постоянного духовного роста. Особый акцент сделан на этом в суфизме. У аль-Газали можно найти различные сюжеты самовоспитательного процесса: «Все миры вселенной ты подчинишь себе, если преодолешь свою страсть»⁶³; «Тот пес, что всегда с тобой, на самом деле в тебе, под твоей кожей, и имя ему – негативные эмоции»⁶⁴; «Дьявол нашептывал ученикам: вы должны приукрашивать свои мысли приятной речью и впечатляющим самомнением»⁶⁵; «Раскаяние есть корень доброй судьбы, первый шаг ученика, ключ к наставлению на прямой путь»⁶⁶; «Духовный рост до благородных степеней требует больших трудов. А спуск вниз со степени почтения происходит из-за малого усилия»⁶⁷; «Развитие человека – это развитие того, кому дана запечатанная книга, написанная до его рождения. Он носит ее внутри себя до своей смерти»⁶⁸. Вслед за ним продолжал такую линию рассуждений суфист Руми: «Умный желает владеть собой – ребенок хочет сладостей»⁶⁹. Свою позицию по поводу роли постоянного неутомимого стремления к духовному росту на пути к Богу он рас-

крывал следующим образом: «Бога ради, не застрейвай на каком бы то ни было духовном обретении, но тоскуй о большем – как от болезни страждущий, чья жажда никогда не утолена. Божественный двор – сфера бесконечного. Оставь почетное место позади; пускай путь будет твоим почетным местом»⁷⁰.

Как уже отмечалось, исламские мыслители золотого века в своих произведениях особо выделяли важные мотивы и нормы поведения, на которые людям следует ориентироваться в повседневной жизни (помощь другим, справедливость, трудолюбие и др.). Параллельно подвергались осуждению их антиподы. У Рудаки есть следующие строки: *Да, верно: к мудрецу наш мир несправедлив. / От мира благ не жди, а будь трудолюбив. / Бери и отдавай, затем что счастлив тот, / Кто брал и отдавал, богатства накопив*⁷¹; *Судьбу свою благослови и справедливо ты живи, / Оковы горя разорви, вольнолюбиво ты живи, / Ты не горюй, когда себя среди богатых не найдешь, – / Найдя себя среди бедняков, легко, счастливо ты живи*⁷²; *Слепую прихоть подавляй – и будешь благороден! / Калек, слепых не оскорбляй – и будешь благороден! / Не благороден, кто на грудь упавшему наступит. / Нет! Ты упавших поднимай – и будешь благороден*⁷³. В свою очередь, Фирдоуси отмечал: *Изгони из сердца жадность, ничего не жди от мира, / И тотчас безмерно щедрым мир весь станет для тебя*⁷⁴. Омар Хайям по этому поводу написал несколько стихов: *Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало, / Два важных правила запомни для начала: / Ты лучше голодай, чем что попало есть, / И лучше будь один, чем вместе с кем попало*⁷⁵; *Говорят, человек ремесло должен знать, / С идеалом отца все деянья сверять. / В наше время, однако, иначе считают: / «Пустяки! Надо золотом лишь обладать!»*⁷⁶; *Красивым быть – не значит им*

⁵⁷ аль-Газали: афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс]. URL: <https://aforisimo.ru/autor/Аль-Газали/> (дата обращения: 23.07.2022).

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ Там же.

⁶² Руми. Сокровища воспоминания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/dzhalaladdin-rumi/sokrovishcha-vspom-inaniya/chitat-onlayn/> (дата обращения: 29.07.2022).

⁶³ аль-Газали: афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс]. URL: <https://aforisimo.ru/autor/%D0%90%D0%BB%D1%8C-%D0%93%D0%B0%D0%B7%D0%B0%D0%BB%D0%B8/page/2/> (дата обращения: 23.07.2022).

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Руми [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inpearls.ru/author/dzhalaladdin+rumi/page/4> (дата обращения: 10.07.2022).

⁷⁰ Руми. Сокровища воспоминания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/dzhalaladdin-rumi/sokrovishcha-vspom-inaniya/chitat-onlayn/> (дата обращения: 29.07.2022).

⁷¹ Цитаты Рудаки [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.citaty.net/avtory/rudaki/> (дата обращения: 10.06.2022).

⁷² Там же.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Цитаты и высказывания Фирдоуси [Электронный ресурс]. URL: <https://citaty.su/citaty-i-vyskazyvaniya-firdousi> (дата обращения: 23.05.2022).

⁷⁵ Омар Хайям. Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/omar-hajyam-chtob-mudro-zhizn-prozhit-znat-nadobno-nemalo/> (дата обращения: 18.07.2022).

⁷⁶ Омар Хайям. Говорят, человек ремесло должен знать [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/omar-hajyam-govoryat-chelovek-remeslo-dolzhen-znat/> (дата обращения: 18.07.2022).

родиться, / Ведь красоте мы можем научиться. / Когда красив душою человек – / Какая внешность может с ней сравниться?⁷⁷. На эту тему также высказывался аль-Газали: «Комар живет меньше слона: это потому, что кровопийцы недолговечны»⁷⁸; «Для невежды нет ничего лучше молчания. А если он это понял, то он уже не невежда»⁷⁹.

В своих стихах Авиценна давал простые практические советы врача, касающиеся здорового поведения: *Умерен будь в еде – вот заповедь одна, / Вторая заповедь – поменьше пей вина*⁸⁰. Особо он касается употребления алкогольных напитков: *Вино – наш друг, но в нем живет коварство: / Пьешь много – яд, немного пьешь – лекарство. / Не причиняй себе излишеством вреда, / Пей в меру – и продлится жизни царство*⁸¹. Он также отмечал пользу физических упражнений для поддержания здоровья, поскольку их своевременное выполнение позволяет избежать возникновения болезни.

Говоря о разумной стратегии и тактике действий, мыслители настраивали человека на целеустремленную осмысленную активность и инициативность в делах, а также настаивали на достижении поставленных целей. Например, у аль-Кинди есть следующее высказывание: «Поистине, кто знает цель, к которой он стремится, тот, двигаясь к ней, напрягает все силы свои и все свои мысли. Решимость такого человека двигаться к намеченной цели и его усердие никогда не ослабевают; он не дает себя сбить с пути и не теряет надежды на то, что обязательно достигнет своей цели... <...> Тот же, кто не ведает, к чему он стремится, кто остается в этом неведении даже тогда, когда его цель уже достигнута им, такой человек, достигнув цели, не обретет от этого предмета своих исканий» [5]. Авиценна написал несколько выражений на этот счет: «Камень не может не достичь своей цели»⁸²; «Безделье и праздность не только рождают невежество, они в то же время являются причиной

болезни»⁸³. О действиях рассуждал и Фирдоуси: *Не решай ничего опрометчиво, / Не подумавши – действовать нечего*⁸⁴; *Дела переносят назавтра неумно; / Что завтра может быть, нам знать не суждено*⁸⁵; «Не усердствуй некстати»⁸⁶; «Не уколотившись шипами, розу не сорвешь»⁸⁷; «Нет победы без терпения, находки без потери, облегчения без трудности»⁸⁸. Кроме того, аль-Фараби говорил, что «человек нападает, но делает вид, будто цель его – иная, чем та, которую он действительно преследует; его не будут опасаться, остерегаться и ему не будут противодействовать, и он легко таким образом достигнет своей цели» [3, с. 359]. В свою очередь, Омар Хайям отметил: *Кто жизнью бит, тот большего добьется. / Пуд соли съевший выше ценит мед. / Кто слезы лил, тот искренней смеется. / Кто умерал, тот знает, что живет!*⁸⁹.

Наиболее критически оценивает реальное состояние людей аскетический суфизм. Можно привести следующие слова аль-Газали: «Удовольствие в этом мире, как блеск молнии, не бывает полезным»⁹⁰; «Избранные Аллахом – едят, чтобы жить. А простолюдины живут, чтобы есть»⁹¹; «То, что увеличивается и не уменьшается – это жадность людей»⁹²; «Зачем тебе вино? Ведь твоя жизнь и без того представляет собой путь по обледенелой дороге с хрупкой стеклянной поклажей и с хромым ослом»⁹³. Руми по этому поводу писал: «Людей сбивают с толку объекты желаний, и потом они сожалеют, что поддались вожделению, ведь они поддались фантому и оказались еще дальше от реальности, чем раньше. Твое желание иллюзорного – крыло, посредством которого искатель может подняться в реальность. Когда ты поддаешься вожделению, твои крылья отваливаются, ты превращаешься в калеку, а фантом исчезает. Предохраняй крыло и не удовлетворяй вожделение, чтобы крыло желания могло донести тебя до Рая. Люди воображают, что испытывают наслаждение, тогда как на самом деле вырывают себе крылья

⁷⁷ Омар Хайям. Красивым быть – не значит им родиться [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/omar-hajyam-kraivym-byt-ne-znachit-im-roditsya/> (дата обращения: 18.07.2022).

⁷⁸ аль-Газали: афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс]. URL: <https://aforisimo.ru/autor/Аль-Газали/> (дата обращения: 23.07.2022).

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Авиценна: афоризмы. Страница 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://aforisimo.ru/autor/%D0%90%D0%B2%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0/page/2/> (дата обращения: 18.07.2022).

⁸¹ Там же.

⁸² Там же.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Цитаты и высказывания Фирдоуси [Электронный ресурс]. URL: <https://citaty.su/citaty-i-vyskazyvaniya-firdousi> (дата обращения: 23.05.2022).

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Сунна пророка Мухаммеда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.omkara.ru/library/sunna> (дата обращения: 14.05.2022).

⁸⁹ Омар Хайям. Кто жизнью бит, тот большего добьется [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/omar-hajyam-kto-zhiznyu-bit-tot-bolshego-dobetsya/> (дата обращения: 18.07.2022).

⁹⁰ аль-Газали: афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс]. URL: <https://aforisimo.ru/autor/Аль-Газали/> (дата обращения: 23.07.2022).

⁹¹ Там же.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

ради иллюзии»⁹⁴. Делая заключение о необходимости постоянного самосовершенствования, он отметил: «Много ли одержано побед без духовной борьбы и терпения? Претерпевать ради чаши Божественного знания не тягостно; будь терпелив, ибо терпение – ключ к радости»⁹⁵.

Отношение человека к жизни с акцентом на его позитивную созидательную сторону стало главным предметом размышлений исламских мудрецов. Раскрывая эту тему, они часто употребляли слово «счастье», которое рассматривалось ими как явление многогранное, в значительной мере личностное по восприятию. Стоит отметить несколько выражений аль-Фараби на этот счет: «...счастье мнится каждым человеком именно таким, каковым оно является в его представлении. Некоторые считают счастьем богатство, другие видят счастье в [чем-то] другом, и каждый убежден, что его представление об абсолютном счастье и есть наиболее предпочтительное и величайшее или совершеннейшее [благо]» [4, с. 5]; «Добровольные действия, помогающие достижению счастья, – это прекрасные действия» [3, с. 289]; «Невежественным городом является тот, жители которого никогда не знали счастья, и им и в голову никогда не приходило к нему стремиться. Они никогда его не ведали и никогда в него не верили» [3, с. 322]. У Авиценны есть еще один обобщающий вывод: «Кто счастья не ценил, тот близится к несчастью»⁹⁶.

О различных проявлениях самооценности человеческой жизни и жизнеутверждающего отношения к миру часто писал Омар Хайям: *Кто понял жизнь, тот больше не спешит, / Смакует каждый миг и наблюдает, / Как спит ребенок, молится старик, / Как*

*дождь идет и как снежинки тают. / В обыкновенном видит красоту, / В запутанном – простейшее решение, / Он знает, как осуществить мечту, / Он любит жизнь и верит в воскресенье*⁹⁷; *Скупец, не причитай, что плохи времена. / Все, что имеешь, – трать. Запомни: жизнь одна*⁹⁸; *Эту жизнь тебе дали, мой милый, на время, – / Постарайся же времени не упустить*⁹⁹; *Мы больше в этот мир вовек не попадем, / вовек не встретимся с друзьями за столом. / Лови же каждое летящее мгновение – / его не подстеречь уж никогда потом*¹⁰⁰.

Как считал Омар Хайям, от жизненной позиции человека в решающей степени зависит характер восприятия мира: *В одно окно смотрели двое. / Один увидел дождь и грязь. / Другой – листы зеленой вязь, весну и небо голубое. / В одно окно смотрели двое*¹⁰¹.

Ярким выражением жизнеутверждающей, оптимистической мудрости исламского мировоззрения стали сказки «Тысяча и одна ночь» и фольклорный образ Ходжи Насреддина.

Таким образом, в основе мировоззренческих взглядов и жизненных ценностей исламских мудрецов лежит первый принцип ислама – преданность Богу, а наиболее значимые правила поведения и нормы морали взяты преимущественно из жизненных примеров и высказываний пророка Мухаммеда, зафиксированных в Сунне. Конкретное воплощение и развитие эти взгляды и ценности получили в трудах таких видных мыслителей золотого века ислама, как аль-Кинди, Рудаки, аль-Фараби, Фирдоуси, Авиценна, Омар Хайям, аль-Газали, Аверроэс и Руми. Особо в них выделена ценность гуманизма и знаний, духовного совершенствования человека и жизнеутверждающего отношения к миру.

Библиографические ссылки

1. Танеева В, Арутюнова Л, составители. *Поэзия народов СССР XIV–XVIII веков. Том 55*. Москва: Художественная литература; 1972. 864 с. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая: литература до XVIII века).
2. Аверроэс. *Опровержение опровержения*. Еремеев СИ, переводчик. Киев: УЦИММ – Пресс; 1999. 688 с.
3. аль-Фараби. *Философские трактаты*. Ошеревич БЯ, Иванов АС, Ильяс Омар Мохаммед, Сагадеев АВ, переводчики. Алма-Ата: Наука; 1972. 430 с.
4. аль-Фараби. *Социально-этические трактаты*. Есенов ШЕ, редактор. Алма-Ата: Наука; 1973. 400 с.
5. аль-Кинди. Трактат о количестве книг Аристотеля и о том, что необходимо для усвоения философии. Сагадеев АВ, переводчик. В: Григорян СН, редактор; Григорян СН, Сагадеев АВ, составители. *Избранные произведения мыслителей*

⁹⁴Руми. Сокровища воспоминания [Электронный ресурс]. URL: <https://www.litres.ru/dzhalaladdin-rumi/sokrovishcha-vspom-inaniya/chitat-onlayn/> (дата обращения: 29.07.2022).

⁹⁵Там же.

⁹⁶Авиценна: афоризмы, цитаты, высказывания [Электронный ресурс]. URL: <https://aforisimo.ru/autor/%D0%90%D0%B2%D0%B8%D1%86%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D0%B0/> (дата обращения: 18.07.2022).

⁹⁷Омар Хайям. Кто понял жизнь тот, больше не спешит [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/omar-hajyam-kto-ponyal-zhizn-tot-bolshe-ne-speshit/> (дата обращения: 18.07.2022).

⁹⁸Омар Хайям. Скупец, не причитай, что плохи времена [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/omar-hajyam-skupec-ne-prichitaj-chto-ploxi-vremena/> (дата обращения: 18.07.2022).

⁹⁹Омар Хайям. Не смешно ли весь век по копейке копить [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/omar-hajyam-ne-smeshno-li-ves-vek-po-korejke-kopit/> (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁰⁰Омар Хайям. Мы больше в этот мир вовек не попадем [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/omar-hajyam-my-bolshe-v-etot-mir-vovek-ne-popadem/> (дата обращения: 18.07.2022).

¹⁰¹Омар Хайям. В одно окно смотрели двое [Электронный ресурс]. URL: <https://rustih.ru/omar-hajyam-v-odno-okno-smotrelidvoe/> (дата обращения: 18.07.2022).

стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв. Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1961. с. 41–56.

6. аль-Кинди. О первой философии. Сагадеев АВ, переводчик. В: Григорян СН, редактор; Григорян СН, Сагадеев АВ, составители. *Избранные произведения мыслителей стран Ближнего и Среднего Востока IX–XIV вв.* Москва: Издательство социально-экономической литературы; 1961. с. 57–106.

References

1. Taneeva V, Arutyunova L, compilers. *Poeziya narodov SSSR XIV–XVIII vekov. Tom 55* [Poetry of the peoples of the USSR of the 14th–18th centuries. Volume 55]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1972. 864 p. (Biblioteka vsemirnoi literatury. Seriya pervaya: literatura do XVIII veka). Russian.

2. Averroes. *Oproverzhenie oproverzheniya* [Refutation of refutation]. Eremeev SI, translator. Kyiv: UTsIMM – Press; 1999. 688 p. Russian.

3. al-Farabi. *Filosofskie traktaty* [Philosophical treatises]. Osherovich BYa, Ivanov AS, Il'yas Omar Mokhammed, Sagadeev AV, translators. Alma-Ata: Nauka; 1972. 430 p. Russian.

4. al-Farabi. *Sotsial'no-eticheskie traktaty* [Social and ethical treatises]. Esenov ShE, editor. Alma-Ata: Nauka; 1973. 400 p. Russian.

5. al-Kindi. [A treatise on the number of books of Aristotle and what is necessary for mastering philosophy]. Sagadeev AV, translator. In: Grigoryan SN, editor; Grigoryan SN, Sagadeev AV, compilers. *Izbrannye proizvedeniya myslitelei stran Blizhnego i Srednego Vostoka IX–XIV vv* [Selected works of thinkers of the countries of the Near and Middle East of the 9th–14th centuries]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1961. p. 41–56. Russian.

6. al-Kindi. [About first philosophy]. Sagadeev AV, translator. In: Grigoryan SN, editor; Grigoryan SN, Sagadeev AV, compilers. *Izbrannye proizvedeniya myslitelei stran Blizhnego i Srednego Vostoka IX–XIV vv* [Selected works of thinkers of the countries of the Near and Middle East of the 9th–14th centuries]. Moscow: Izdatel'stvo sotsial'no-ekonomicheskoi literatury; 1961. p. 57–106. Russian.

Статья поступила в редколлегию 31.08.2023.

Received by editorial board 31.08.2023.

К. МАРКС: ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

И. Н. СИДОРЕНКО¹⁾, В. С. САЙГАНОВА¹⁾, А. А. ЛЕГЧИЛИН¹⁾¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрыты жизненный путь и научная деятельность К. Маркса. Проанализированы основные социально-философские идеи немецкого мыслителя, задавшего главные векторы развития интеллектуальной мысли в XX – начале XXI в. Основной акцент сделан на раскрытии и осмыслении роли и места человека в обществе, проблемы его отчуждения и пути ее разрешения. Показано, что положение человека целиком подчинено регламентациям, ведущим к отчуждению и дегуманизации – обязательным атрибутам капиталистического общества. Отражены актуальность и значимость философских и социально-политических идей в творчестве К. Маркса, раскрыты причины ренессанса марксистской философии в современном мире. Отмечена правомерность перенастройки заданных марксизмом интеллектуальных рамок для осмысления современного глобального капитализма и тотального отчуждения.

Ключевые слова: К. Маркс; марксизм; общество; отчуждение; человек.

K. MARX: MAN AND SOCIETY

I. N. SIDORENKO^a, V. S. SAIGANOVA^a, A. A. LIAHCHYLIN^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. A. Liahchylin (liahchylin@bsu.by)

The article is devoted to the disclosure of life and scientific work, as well as the analysis of the main socio-philosophical ideas of the great German thinker K. Marx, who had set the main vectors of intellectual thought in the XX – early XXI centuries. The main accent in the article is made on the disclosure and comprehension of the role and place of man in society, the problem of his alienation and ways to resolve it. It is stated that the position of the modern man was entirely subordinated to the regulations that lead to alienation and dehumanisation – the obligatory attributes of capitalist society. For the authors of this article it seems not only possible, but also expedient to turn to the creative heritage of K. Marx in order to show the relevance and significance of philosophical and sociopolitical ideas, to reveal the reasons for the renaissance of Marxist philosophy in the modern world, and to note the legitimacy of readjustment of the Marxist intellectual framework for understanding modern global capitalism and total alienation.

Keywords: K. Marx; Marxism; society; alienation; man.

Образец цитирования:

Сидоренко И.Н., Сайганова В.С., Легчилин А.А. К. Маркс: человек и общество. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;3:13–19. EDN: RCBVTB

For citation:

Sidorenko IN, Saiganova VS, Liahchylin AA. K. Marx: man and society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;3:13–19. Russian. EDN: RCBVTB

Авторы:

Ирина Николаевна Сидоренко – доктор философских наук, доцент; заведующий кафедрой философии культуры факультета философии и социальных наук.

Вероника Святославовна Сайганова – кандидат философских наук, доцент; декан факультета философии и социальных наук.

Анатолий Александрович Легчилин – кандидат философских наук, доцент; профессор кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук.

Authors:

Irina N. Sidorenko, doctor of science (philosophy), docent; head of the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

Iri_na2000@rambler.ru

<https://orcid.org/0000-0001-7792-0102>

Veronika S. Saiganova, PhD (philosophy), docent; dean of the faculty of philosophy and social sciences.

saihanava@bsu.by

Anatoly A. Liahchylin, PhD (philosophy), docent; professor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.

liahchylin@bsu.by

<https://orcid.org/0000-0002-7644-9985>

И, право, философия достаточно знает жизнь,
чтобы понимать, что ее выводы не потворствуют жажде
наслаждений и эгоизму – ни небесного,
ни земного мира.
К. Маркс

В 2023 г. исполняется 140 лет со дня смерти К. Маркса и 205 лет со дня его рождения. Еще при жизни К. Маркса единомышленники объявляли его идеи гениальными, а оппоненты критиковали их. В последовавшей культуре оценки марксизма практически не изменились. Сам К. Маркс и его идеи либо боготворились, либо тотально не принимались. Что касается периода конца XX – начала XXI в., то идеи немецкого философа были не просто актуальными – они переживали своеобразный ренессанс. Подтверждением этого стали слова автора концепта «магический марксизм» Э. Мерифилда: «Мысль Маркса никогда не казалась мне застылой догмой или бесплодной формулой. Напротив, я убежден, что она является щедрым источником идей и образцом острокритической (в том числе самокритической) культуры, допускающим бесчисленные ответвления и толкования, самые неожиданные и провокационные адаптации» [1, с. 10]. В начале XXI в. мы являемся свидетелями того, как марксизм продолжает рождаться заново. Например, теоретики марксистского толка С. Жижек, К.-Х. Рот, Р. Курц и Д. Харви в своем анализе современной ситуации пытались критически осмыслить феномен глобализации (глобализированный капитализм) и проблематизировать сам марксизм как «рамку», предписывающую определенный способ восприятия мира. С позиции современности избавление от нынешней ценностной парадигмы в границах современного капиталистического общества видится как невозможное. Это подтверждается каскадом его идеологических ориентиров: надежды социалистической революции, доказав свою несбыточность, уступили место социал-демократии, онтологически обусловленной капитализмом. В результате положение современного человека оказалось целиком подчинено регламентациям, ведущим к отчуждению и дегуманизации – обязательным атрибутам капиталистического общества. Таким образом, отчуждение – это не только бич рабочего индустриального общества, но и экзистенциальная и социально-политическая проблема человека информационного мира. Именно поэтому так значимы философские идеи К. Маркса о человеке и обществе.

Судьба людей, подобных К. Марксу, всегда интересует исследователей. Это исторический пример того влияния, которое оказал немецкий философ на современный мир, на силу своей практической философии и аналитической прозорливости для эпигонов марксизма (вне зависимости от их расы), под которыми выступали приверженцы пропагандируемого К. Марксом образа жизни и мысли.

Известный русский интеллектуал П. В. Анненков, будучи лично знакомым с К. Марксом, так оценил его кредо: «Сам Маркс представлял из себя тип человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимого убеждения. Он имел вид человека, имеющего право и власть требовать уважения, каким бы ни являлся перед вами и что бы ни делал. Все его движения были смелы и самонадеянны. Все приемы были горды и как-то презрительны, а резкий голос, звучавший как металл, шел удивительно к радикальным приговорам над лицами и предметами, которые он проносил» [2, с. 168]. Современный французский экономист, писатель и политический деятель Ж. Аттали в книге «Карл Маркс. Мировой дух» отметил: «Ни один писатель не имел большей аудитории, ни один революционер не вселил больших надежд, ни один идеолог не спровоцировал большего количества толкований и, если не считать основателей некоторых религий, ни один человек не оказал на мир большего влияния, чем Карл Маркс в XX веке» [3, с. 12].

Мировая пресса часто создает различные опросы по поводу личности К. Маркса. Так, согласно интернет-опросу, проведенному в 1999 г. «Би-би-си» в канун предстоящего тысячелетия, К. Маркс был назван величайшим мыслителем прошедшего тысячелетия, а по данным каталога Библиотеки конгресса США, ему посвящено больше научных трудов, чем любому другому человеку. По этому критерию он возглавляет список 100 самых изученных личностей в истории. Его идеи исследуют в университетах, научных центрах Европы и Америки, Азии и Африки, а также восточных регионов планеты, особенно Китая.

Почти юбилейные даты, зафиксированные в 2023 г., вновь привлекают внимание к фигуре К. Маркса. Достаточно привести несколько цитат из работ немецкого мыслителя касательно общественных отношений, когда не было еще глобализации, эмиграции и прочих форм человеческих взаимоотношений, рожденных современностью, и можно увидеть не только конгениальность его идей, но и эвристический потенциал в понимании сути общественного развития. Как говорил К. Маркс, «...наше время, цивилизация... отделяет от человека, – как нечто только внешнее, материальное, – его предметную сущность. Оно не считает содержание человека его истинной действительностью» [4, с. 313]. Он усматривал причину данности: «Частная собственность сделала нас столь глупыми и односторонними, что какой-нибудь предмет является нашим лишь тогда, когда мы им обладаем, т. е. когда он существует для нас как капитал или когда мы им непосредственно владеем, едим его, пьем,

носим на своем теле, живем в нем и т. д., – одним словом, когда мы его *потребляем*... Поэтому на место всех физических и духовных чувств стало простое отчуждение всех этих чувств – чувство *обладания*» [5, с. 120].

Однако сама суть проблемы общественного устройства, по мысли К. Маркса, намного глубже: «*Практическая потребность, эгоизм – вот принцип гражданского общества, и он выступил в чистом виде, как только гражданское общество породило из своих собственных недр политическое государство. Бог практической потребности и своекорыстия – это деньги*» [6, с. 410]. В обществе эгоизма и потребления человек и все, что он производит, превращаются «в *отчуждаемые* предметы, предметы купли-продажи, находящиеся в рабской зависимости от эгоистической потребности, от торгашества». Заклучая своеобразный силлогизм по данной проблеме, он писал: «Отчуждение вещей есть практика самоотчуждения человека» [6, с. 412].

К. Маркс действительно открыл суть отчужденного труда в обществе и его перспективы. Концепцию отчуждения многие считают важнейшим достижением его философии. На протяжении всей жизни философа волновали общественные отношения и место человека в них. В произведениях мыслителя имеется немало важных идей о сложной природе человека. К сожалению, особого трактата о человеке немецкий философ не оставил, т. е. этого учения не существует в чистом виде (в отдельном философском произведении). На разных этапах своей творческой деятельности немецкий философ подчеркивал то одни, то другие стороны многогранной проблемы человека. При внимательном анализе трудов можно проследить его понимание природы человека. В данной работе изложены взгляды К. Маркса на проблему человека устами самого мыслителя и засвидетельствовано его понимание сути человека, т. е. предложен очерк философской антропологии К. Маркса.

Юный К. Маркс выражал идею признания ценности человека как личности уже в 1835 г. (ему было 17 лет). В его стихотворении показан образ молодого человека, неудовлетворенного действительностью и стремящегося к активной деятельности и борьбе. Он еще не знает, как действовать, но всем своим существом чувствует, что нельзя прозябать, довольствоваться судьбой, идти по проторенному пути. К. Маркс отразил высокий моральный облик юноши, благородство и широту его стремлений, а также показал романтический дух личности, готовой ринуться в борьбу: *Не могу я жить в покое, / Если вся душа в огне, / Не могу я жить без боя / И без бури в полусне*... [7, с. 372].

Школьное сочинение «Размышления юноши при выборе профессии» К. Маркс написал под влиянием идей французских просветителей XVIII в., немецкого романтизма и литературы И. К. Ф. Шилле-

ра, И. В. Гёте и Х. И. Г. Гейне. В нем юный мыслитель патетически размышлял о смысле человеческой деятельности: «...человеку божество указало общую цель – облагородить человечество и самого себя, но оно предоставило ему самому изыскание тех средств, которыми он может достигнуть этой цели; оно предоставило человеку занять в обществе то положение, которое ему наиболее соответствует и которое даст ему наилучшую возможность возвысить себя и общество. <...> Серьезно взвесить этот выбор – такова, следовательно, первая обязанность юноши, начинающего свой жизненный путь и не желающего предоставить случаю самые важные свои дела» [8, с. 3].

Если личность служит человечеству, она совершенствуется сама. Такой тип связи между личным и общечеловеческим установил К. Маркс. Совершенствуя мир, человек совершенствует себя – данная мысль стала одной из главных линий в философии марксизма. Вместе с тем эти идеальные отношения совсем не коррелируют с действительностью, с которой столкнулся К. Маркс. Пройдя непростую школу жизни и оказавшись за стенами университета, он увидел совершенно другие взаимоотношения человека и общества сначала в прусской действительности, а затем, будучи изгнанным из своей родины, во Франции и Англии, где ему не были рады. Все это он излагал фрагментарно в своих произведениях.

Начиная с работ «Экономическо-философские рукописи 1844 г.», «Тезисы о Фейербахе», «Немецкая идеология», «К критике политической экономии» и «Капитал», К. Маркс стремился ответить на вопрос о том, что такое человек и какова его сущность.

Мыслитель усвоил понимание человека, которое доминировало во французской и немецкой философии первой половины XIX в. Это прежде всего учения И. Канта, И. Г. Фихте, Г. В. Ф. Гегеля, Л. А. Фейербаха и М. Штирнера. По поводу каждого из этих учений он неоднократно выражал свое мнение – положительное или достаточно критическое.

К. Маркса в процессе обучения в берлинском университете заинтересовали Г. В. Ф. Гегель и младогегельянец. В письме отцу он подробно писал на эту тему: «...я ознакомился с Гегелем, от начала до конца, а также с работами большинства его учеников. <...> И мне не нравилась ее причудливая дикая мелодия. Я захотел еще раз погрузиться в море, но с определенным намерением – убедиться, что духовная природа столь же необходима, конкретна и имеет такие же строгие формы, как телесная... <...> Я написал диалог почти в 24 листа: “Клеант, или об исходном пункте и необходимом развитии философии”. <...> Мой последний тезис оказался началом гегелевской системы... <...> Это мое любимое детище, взлелеянное при лунном сиянии, завлекло меня, подобно коварной сирене, в объятия врага» [9, с. 15–16]. Философ принял гегелевское понимание сути человека как целепологающего духа,

самосознания. Однако чем больше К. Маркс постигал суть данного понимания сквозь призму феномена отчуждения, тем больше критиковал его. К. Маркс не раз замечал, что человеческая сущность, по мысли Г. В. Ф. Гегеля, равнозначна самосознанию: «Так как Гегель приравняет человека к самосознанию, то отчужденный предмет человека, его отчужденная сущностная действительность есть не что иное, как сознание отчуждения, всего лишь мысль об отчуждении, его абстрактное и потому бессодержательное и недействительное выражение-отрицание» [5, с. 170].

Молодой К. Маркс, постигая действительность Германии в качестве редактора «Рейнской газеты», а затем Франции, будучи в изгнании, начал проявлять интерес ко взглядам Л. А. Фейербаха. Ф. Энгельс в работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» вспоминал о том, какое глубокое впечатление произвели на них в то время идеи Л. А. Фейербаха: «Тогда появилось сочинение Фейербаха “Сущность христианства”. <...> Надо было пережить освободительное действие этой книги, чтобы составить себе представление об этом. Воодушевление было всеобщим: все мы стали сразу фейербаховцами. <...> С каким энтузиазмом приветствовал Маркс новое воззрение и как сильно повлияло оно на него...» [10, с. 280–281]. К. Маркс, соотнося учения Г. В. Ф. Гегеля и Л. А. Фейербаха, писал: «Фейербах – единственный мыслитель, у которого мы наблюдаем серьезное критическое отношение к гегелевской диалектике; только он сделал подлинные открытия в этой области и вообще по-настоящему преодолел старую философию» [5, с. 154].

Действительно, в своей антропологии Л. А. Фейербах акцентировал внимание на человеке как «начале и конце философии»: «Новая философия превращает человека, включая и природу как базис человека, в единственный, универсальный и высший предмет философии...»; «Истинная диалектика не есть монолог одинокого мыслителя с самим собой, это диалог между Я и Ты» [11, с. 202–203]. В работе «Святое семейство» К. Маркс отметил: «Кто поставил на место... “бесконечного самосознания” – не “значение человека”... а самого человека? Фейербах и только Фейербах» [12, с. 102]. Но чем глубже К. Маркс постигал суть понимания человека Л. А. Фейербахом, тем больше понимал ее ограниченность.

Наиболее отчетливо К. Маркс выразил свои мысли о сущности человека в работах «Немецкая идеология» и «Тезисы о Фейербахе». В шестом тезисе он заметил, что «...сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [13, с. 3]. А в работе «Немецкая идеология» он уже констатировал, что «не сознание определяет жизнь, а жизнь определяет сознание» [14, с. 25]. Здесь же в резкой форме молодой К. Маркс раскритиковал понимание Я, которое М. Штирнер интерпретировал в популярной в то время книге «Единственный и его собственность», посвятив анализу

философии чистого эгоизма Штирнера целую главу. «Так как святой Макс не обращает внимания на физическую и социальную “жизнь” индивида и вообще не говорит о “жизни”, то он вполне последовательно отвлекается от исторических эпох, от национальности, класса и т. д.» [14, с. 114].

Со второй половины XIX в. начинает доминировать точка зрения К. Маркса о том, что с трансформацией общественно-экономических условий изменяются и формы человеческого бытия.

В работе «Святое семейство», написанной в 1844 г., К. Маркс отметил: «История – не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [12, с. 102]. Полгода спустя в труде «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» он подчеркнул, что «вся так называемая всемирная история есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом» [5, с. 126]. Кроме того, в 1845 г. в книге «Немецкая идеология» К. Маркс четко написал: «Предпосылки, с которых мы начинаем, – не произвольные, они – не догмы; это – действительные предпосылки, от которых можно отвлечься только в воображении. Это – действительные индивиды, их деятельность и материальные условия их жизни, как те, которые они находят уже готовыми, так и те, которые созданы их собственной деятельностью» [14, с. 18]. Эта же мысль стала одной из центральных в работе уже зрелого К. Маркса «Капитал»: «Процесс труда... есть целесобразная деятельность... всеобщее условие обмена веществ между человеком и природой, вечное естественное условие человеческой жизни, и потому он не зависит от какой бы то ни было формы этой жизни, а, напротив, одинаково общ всем ее общественным формам» [15, с. 195]. Философ подчеркнул, что органы, с помощью которых человек воздействует на мир, сводятся далеко не к его индивидуальным органам. На ранних этапах развития индивид использовал свои естественные органы (руки и ноги, голову и пальцы и т. д.). В дальнейшем он «...пользуется механическими, физическими, химическими свойствами вещей для того, чтобы в соответствии со своей целью применить их как орудия воздействия на другие вещи. <...> Так, данное самой природой становится органом его деятельности, органом, который он присоединяет к органам своего тела, удлинняя, таким образом, вопреки библии, естественные размеры последнего», т. е. «воздействуя... на внешнюю природу и изменяя ее, он в то же время изменяет свою собственную природу» [15, с. 188–190]. Создать и привести в движение эти разросшиеся искусственные органы человек в одиночку не может. Он способен это сделать тогда, когда соединится определенным образом с другими людьми, т. е. вступит с ними в отношения, среди которых главными являются производственные. Таким образом, общественные отношения – это тоже средство, своеобразные органы, с помощью которых человек воздействует на мир. Именно в совокупности общественных отношений К. Маркс усматривал сущность человека.

Главный вывод заключается в следующем: если мы хотим понять человека, нам и придется изучать всю эту сложную и разветвленную систему его «органов», или, как писал немецкий философ, «мир человека». «Человек – это не абстрактное, где-то вне мира ютящееся существо. Человек – это *мир человека*, государство, общество» [16, с. 414]. «Человек сам является основой своего материального, как и всякого иного осуществляемого им производства. Поэтому все те обстоятельства, которые воздействуют на человека, этого *субъекта* производства, модифицируют в большей или меньшей степени все его функции и виды деятельности, а значит, и те его функции и виды деятельности, которые он выполняет как создатель материального богатства, товаров. В этом смысле можно действительно доказать, что *все* человеческие отношения и функции, в какой бы форме и в чем бы они ни проявлялись, влияют на материальное производство и более или менее определяющим образом воздействуют на него» [17, с. 283].

В работе «Капитал» К. Маркс, размышляя о человеческой природе в контексте ее понимания с точки зрения И. Бентама и его принципа полезности, т. е. утилитаризма, писал: «Принцип полезности не был изобретением Бентама. Он лишь бездарно повторил то, что даровито излагали Гельвеций и другие французы XVIII века. Если мы хотим узнать, что полезно, например, для собаки, то мы должны сначала исследовать собачью природу. Сама же эта природа не может быть сконструирована “из принципа полезности”. Если мы хотим применить этот принцип к человеку, хотим по принципу полезности оценивать всякие человеческие действия, движения, отношения и т. д., то *мы должны знать, какова человеческая природа вообще и как она модифицируется в каждую исторически данную эпоху* (курсив наш. – И. С., В. С., А. Л.). Но для И. Бентама этих вопросов не существует. С самой наивной тупостью он отождествляет современного филистера с нормальным человеком вообще. Все то, что полезно этой разновидности нормального человека и его миру, принимается за полезное само по себе. Этим масштабом он измеряет затем прошедшее, настоящее и будущее» [15, с. 623].

Следовательно, человеческая природа в понимании К. Маркса не представляет собой некую неизменную сущность, данную раз и навсегда, а напротив, она является открытой, динамичной, подвергающейся непрерывным историческим преобразованиям (эластичной), т. е. человеческая природа «*модифицируется в каждую исторически данную эпоху*» [15, с. 623].

К. Маркс подчеркивал, что поскольку человеческая природа подвергалась непрерывным изменениям, то, соответственно, изменялись и представления о человеческой природе. Эту мысль он проиллюстрировал в работе «Капитал»: «Аристотелевское определение утверждает, строго говоря, что человек по самой своей природе есть гражданин городской республики. Для классической древности это столь же характерно, как для века янки определе-

ние Франклина, что человек есть создатель орудия» [15, с. 338]. Таким образом, согласно К. Марксу, чтобы понять человека, постичь его сущность, необходимо понять его деятельность и мир, в котором эта деятельность осуществляется, в том числе мир, созданный самим человеком, его вторую природу.

В контексте понимания сущности человека формировались и взгляды К. Маркса о предназначении человека в обществе. «Для себя или для других?» – так звучит проблема на философскую тему личного и общего, которая волновала мыслителя на протяжении всей его жизни. Уже в первом дошедшем до нас сочинении «Размышления юноши при выборе профессии» К. Маркс обратил внимание на то, что служение человечеству, оторванное от личного интереса, становится ложной деятельностью. Он в полной мере осознал именно ошибочность противопоставления «для себя» и «для других», личного и общественного интереса. По этому поводу он говорил: «Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой». Далее мыслитель развивал центральную и удивительно глубокую мысль, заключающую все его рассуждения по этому вопросу: «...человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего усовершенствования, только работая для усовершенствования своих современников, во имя их блага» [8, с. 7]. В достаточно зрелом возрасте К. Маркс в письме З. Мейеру (1876 г.), находясь в критическом материальном и финансовом положении, «принося в жертву здоровье, счастье жизни и семью», подтверждал подлинно экзистенциальную суть человека в обществе следующими словами: «Я смеюсь над так называемыми “практичными” людьми и их премудростью. Если хочешь быть скотом, можно, конечно, повернуться спиной к мукам человечества и заботиться о своей собственной шкуре» [18, с. 454]. Это заключение К. Маркса является результатом не только его реальной сложной личной жизни, но, пожалуй, и философских изысканий места и роли человека в мире. Совершенствуя мир, человек тем самым совершенствует себя, потому что «люди в одно и то же время как авторы и как действующие лица их собственной драмы» [19, с. 138]. Такова связь индивидуального и общественного в понимании К. Маркса. Отсюда и высоко патетическое кредо немецкого философа о предназначении сути человека в обществе: «Если человек трудится только на себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком. История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей... <...> Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем,

потому что оно – жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей» [8, с. 7].

В контексте этой проблематики особый интерес вызывают вопросы о том, почему согласно К. Марксу только путем совершенствования человечества человек способен усовершенствовать самого себя и в чем закономерность и необходимость такой связи. Когда философы хотели понять, в чем состоит сущность (или, как они выражались, природа) человека, то обычно рассматривали человека как индивида, изучая его интересы, стремления, потребности и т. д. Из природы индивида они стремились определить смысл и задачи человеческой жизни и деятельности. К. Маркс, напротив, показал, что невозможно прийти к пониманию человеческой сущности через изучение индивида. По его мнению, чтобы понять сущность, или природу, человека, надо понять то, как он действует, как он влияет на окружающий мир в целях удовлетворения своих потребностей. «Так как человеческая сущность является истинной общественной связью людей, то люди в процессе деятельного осуществления своей сущности творят, производят человеческую общественную связь, общественную сущность, которая не есть некая абстрактно-всеобщая сила, противостоящая отдельному индивиду, а является сущностью каждого отдельного индивида, его собственной деятельностью, его собственной жизнью, его собственным наслаждением, его собственным богатством» [20, с. 23]. Однако это вовсе не значит, что человеческий индивид растворяется в общем, что человеческая индивидуальность целиком сводится к этому всеобщему и что вследствие этого невозможно никакое разнообразие индивидуальностей. «Категорическим императивом, пове-

левающим ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом» [16, с. 422], должна стать следующая формула: «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [21, с. 447]. Именно в этом К. Маркс видел содержание деятельности, достойной человека в обществе.

Данные слова немецкого философа, высказанные почти 200 лет назад, пожалуй, вполне соответствуют всей его жизни и деятельности, но еще более актуальны в современную эпоху первой четверти XXI в., когда человечество стоит перед нравственным выбором, влияющим на перспективы цивилизационного развития, и столкнулось с проблемой выживания. Отчуждение – состояние, возникающее в результате неспособности к операциональному воздействию на трудовую деятельность и ее продукты, оно становится тотальным, захватывая не только сферу производственных отношений, но и политическую жизнь, а также пространство повседневного. По выражению Э. З. Фромма, человек из-за безоговорочного стремления к культивации объектов, созданных рукотворно, «становится слугой Голема», тем самым теряя все большее количество сил. Капиталистическая доминанта современного общества инициирует агонистическое состояние общественного субъекта, случившееся в результате усугубления технологических сил и соответствующего роста производительности труда. Соразмерно уменьшается ценность человеческой жизни. В итоге человек самолично обращается в товар, чья полезность и представительность определяется совокупным характером навыков и умений. Актуализация философских идей К. Маркса вызвана угрозой тотальности и перманентности отчужденности современного человека. По этой причине поставить не точку, а запятую в настоящей статье хочется лозунгом «Назад к Марксу!».

Библиографические ссылки

1. Меририлд Э. *Магический марксизм. Субверсивная политика и воображение*. Софронов В, переводчик. Москва: Ад Маргинем пресс; 2021. 280 с.
2. Степанова ЕА, редактор. *Воспоминания о Марксе и Энгельсе*. Москва: Госполитиздат; 1956. 423 с.
3. Аттали Ж. *Карл Маркс. Мировой дух*. Колодочкина ЕВ, переводчик. Москва: Молодая гвардия; 2018. 447 с.
4. Маркс К. К критике гегелевской философии права. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 1*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 219–368.
5. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 42*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1974. с. 41–174.
6. Маркс К. К еврейскому вопросу. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 1*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 382–413.
7. Маркс К. Литературно-поэтические опыты молодого Маркса (1833–1837). В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 40*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1975. с. 333–586.
8. Маркс К. Размышления юноши при выборе профессии В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 40*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1975. с. 3–7.
9. Маркс К. Письмо к отцу. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 40*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1975. с. 8–18.
10. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 21*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1961. с. 269–317.
11. Фейербах Л. *Избранные философские произведения. Том 2*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. Основные положения философии будущего; с. 134–204.

12. Маркс К, Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 2*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 3–230.
13. Маркс К. Тезисы о Фейербахе. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 3*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 1–4.
14. Маркс К, Энгельс Ф. Немецкая идеология. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 3*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 7–544.
15. Маркс К. Капитал. Книга первая. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 23*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1960. с. 5–40.
16. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 1*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 414–429.
17. Маркс К. Теории прибавочной стоимости. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 26, часть 1*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1962. с. 3–352.
18. Маркс К. Маркс – Зигфриду Мейеру в Нью-Йорк. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 31*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1963. с. 453–455.
19. Маркс К. Нищета философии. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 4*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 65–185.
20. Маркс К. Конспект книги Джемса Милля «Основы политической экономии». В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 42*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1974. с. 5–40.
21. Маркс К, Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии. В: Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 4*. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1955. с. 419–459.

References

1. Merrifield E. *Magicheskii marksizm. Subversivnaya politika i voobrazhenie* [Magical Marxism. Subversive politics and imagination]. Sofronov V, translator. Moscow: Ad Marginem Press; 2021. 280 p. Russian.
2. Stepanova EA, editor. *Vospominaniya o Markse i Engel'se* [Memories of Marx and Engels]. Moscow: Gospolitizdat; 1956. 423 p. Russian.
3. Attali J. *Karl Marks. Mirovoi dukh* [Karl Marx. The world spirit]. Kolodochkina EV, translator. Moscow: Molodaya gvardiya; 2018. 447 p. Russian.
4. Marx K. [Toward a critique of Hegel's philosophy of right]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 1* [Works. Volume 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 219–368. Russian.
5. Marx K. [Economic-philosophical manuscripts of 1844]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 42* [Works. Volume 42]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1974. Russian.
6. Marx K. [On the Jewish question]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 1* [Works. Volume 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 382–413. Russian.
7. Marx K. [Young Marx's literary and poetical experiments (1833–1837)]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 40* [Works. Volume 40]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1975. c. 333–586. Russian.
8. Marx K. [Young man's reflections on the choice of profession]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 40* [Works. Volume 40]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1975. p. 3–7. Russian.
9. Marx K. [Letter to Father]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 40* [Works. Volume 40]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1975. p. 8–18. Russian.
10. Engels F. [Ludwig Feuerbach and the end of classical German philosophy]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 21* [Works. Volume 21]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1961. p. 269–317. Russian.
11. Feuerbach L. *Izbrannye filozofskie proizvedeniya. Tom 2* [Selected philosophical works. Volume 2]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1995. [The basic statements of future philosophy]; p. 134–204. Russian.
12. Marx K, Engels F. [The holy family, or critique of critical Criticism. Against Bruno Bauer and company]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 2*. [Works. Volume 2]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 3–230. Russian.
13. Marx K. [Theses on Feuerbach]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 3* [Works. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 1–4. Russian.
14. Marx K, Engels F. [The German ideology]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 3* [Works. Volume 3]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 7–544. Russian.
15. Marx K. [Capital. Book I]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 23* [Works. Volume 23]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1960. p. 5–40. Russian.
16. Marx K. [To the critique of Hegel's philosophy of law]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 1* [Works. Volume 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 414–429. Russian.
17. Marx K. [Theories of surplus value]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 26, chast' 1* [Works. Volume 26. Part 1]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 3–352. Russian.
18. Marx K. [Marx to Siegfried Meyer in New York]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 31* [Works. Volume 31]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1963. p. 453–455. Russian.
19. Marx K. [The poverty of philosophy]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 4* [Works. Volume 4]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 65–185. Russian.
20. Marx K. [A primer of J. M. Mill's «The fundamentals of political economy»]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 42* [Works. Volume 42]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1974. p. 5–40. Russian.
21. Marx K, Engels F. [Manifesto of the Communist Party]. In: Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 4* [Works. Volume 4]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1955. p. 419–459. Russian.

Статья поступила в редколлегию 03.05.2023.
Received by editorial board 03.05.2023.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАГМА-ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ РАЗУМНОСТИ КАК ОСНОВЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

А. В. САРЫЧЕВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Осуществлена историко-философская реконструкция трех этапов формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности. Выявлены и эксплицированы доминирующие на каждом этапе критерии разумности. Объяснена специфика каждого этапа моделирования разумности – геометрического, антропологического и критического. Геометрическое моделирование разумности раскрыто в соотношении с классическим типом рациональности, характеризующимся преобладанием формальных критериев разумности в изучении простых систем, а антропологическое моделирование – в соотношении с неклассическим типом рациональности, для которого характерно доминирование критериев, отражающих ценностно-целевые аспекты в саморегулирующихся системах. Критическое моделирование разумности осмыслено в рамках постнеклассической рациональности и синергетической методологии, что делает возможным синтез формальных и антропологических критериев разумности применительно к условиям саморазвивающихся систем.

Ключевые слова: геометрическое моделирование разумности; антропологическое моделирование разумности; критическое мышление; прагма-диалектическая модель разумности; саморазвивающиеся системы; постнеклассическая рациональность.

THE FORMATION OF A PRAGMA-DIALECTICAL MODEL OF REASONABLENESS AS THE BASIS OF RATIONALITY

A. V. SARYCHEVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article carries out a historical and philosophical reconstruction of the three stages of formation of the pragma-dialectical model of reasonableness as the basis of rationality, and identifies and explicates the dominant criteria of reasonableness at each stage. The specificity of each stage of reasonableness modelling – geometrical, anthropological and critical – is explained. Geometrical modelling of reasonableness is revealed in correlation with the classical type of rationality, characterised by the prevalence of formal criteria of reasonableness in the study of simple systems, anthropological modelling – in correlation with the non-classical type of rationality, characterised by the prevalence of criteria reflecting the value-purpose aspects in self-regulating systems. Critical modelling of reasonableness is revealed within the framework of post-non-classical rationality and synergetic methodology, which makes possible the synthesis of formal and anthropological criteria of reasonableness as applied to the conditions of self-developing systems.

Keywords: geometrical modelling of reasonableness; anthropological modelling of reasonableness; critical thinking; pragma-dialectical model of reasonableness; self-developing systems; post-non-classical rationality.

Образец цитирования:

Сарычева АВ. Формирование прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;3:20–25.
EDN: MNFKCB

For citation:

Sarycheva AV. The formation of a pragma-dialectical model of reasonableness as the basis of rationality. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;3:20–25. Russian.
EDN: MNFKCB

Автор:

Анна Владимировна Сарычева – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент С. В. Воробьева.

Author:

Anna V. Sarycheva, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
phs.kupriyanav@gmail.com

Введение

Формирование прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности – это значимый процесс в контексте истории философии. Изучение рассматриваемого вопроса актуально по причине того, что данное формирование является одним из современных трендов в изучении человека, которые затрагивают анализ дискурсивных и коммуникативных практик, соотношенных с развитием культурных, политических и социальных систем. В истории философии проблема реконструкции процесса формирования прагма-диалектической модели как основы рациональности связана со становлением постнеклассической рациональности. Развитие последней является ответом на вызовы, требующие поиска методологии для изучения сложных саморазвивающихся систем, а также пересмотром роли ценностно-целевых ориентаций человека в его взаимо-

действии с миром и другими людьми. Это становится возможным в рамках развития трансдисциплинарного подхода, включающего элементы синергетического направления и ориентирующегося на синтез формальных и антропологических критериев разумности. Обращение к анализу данного подхода способствует конкретизации этапов формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности при определении критериев, позволяющих рассматривать человека как разумного участника дискуссии, который обосновывает свое мнение и критически оценивает информацию.

Цель статьи заключается в историко-философской реконструкции основных этапов формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности.

Материалы и методы исследования

Материалы исследования включают труды Платона [1; 2], Аристотеля [3; 4], Б. Паскаля [5], С. Тулмина [6], Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Титеки [7], а также ряд работ, в которых излагаются результаты уже проведенных исследований [8–12].

В качестве научных методов использована историческая и логическая реконструкция, а также си-

стемный анализ. Метод исторической и логической реконструкции позволил проследить преемственность идей. Системный анализ обеспечил целостный подход при рассмотрении способов концептуального осмысления процесса формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности.

Результаты и их обсуждение

Процесс формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности прошел определенные этапы в рамках истории философии. Реконструкция данных этапов должна включать в себя, во-первых, описание видов моделей разумности, во-вторых, экспликацию критериев разумности, которые обусловлены доминирующими подходами к выявлению рациональности. При решении данной проблемы следует указать на особенности прагма-диалектического направления, становление которого сопряжено с анализом моделей разумности. Оно начало формироваться в начале XX в. Это направление, ассимилируя идеи предшествующих философских концепций, ставит своей целью изучение прагматических и диалектических аспектов во взаимодействии людей. В контексте прагма-диалектики моделирование разумности начинается с попытки экспликации понятий «рациональный» (*rational*) и «разумный» (*reasonable*) [8, p. 124]. Представители данного направления указывают на тесную связь рациональности и прагма-диалектической модели разумности со способностью рассуждать, однако их толкование требует уточнения. В частности, необходимо проследить этапы, на которых формулируются критерии, предопределяющие моделирование

разумности. В таком контексте прагма-диалектики ученые признают влияние идей С. Тулмина и Х. Перельмана, имплицитно содержащихся в концепции этих философов и требующих содержательного объяснения. В связи с этим актуальным становится обращение к идеям данных авторов и определение их значения при раскрытии этапов формирования прагма-диалектической модели разумности.

Значение идей С. Тулмина можно выявить с помощью анализа моделей разумности в контексте различных исторических периодов. Результатом такого исследования становится описание геометрического, антропологического и критического подходов, которые определяют критерии разумности на разных этапах развития философии. Истоки прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности обнаруживаются в рамках древнегреческой философии. С. Тулмин подчеркивал, что древнегреческие мыслители «сформулировали определенные “формальные” идеалы»¹, повлиявшие на последующее развитие геометрии и логики [6, p. 62].

Первый этап, на котором можно обозначить критерии, выработанные для моделирования разумности, связан с развитием геометрического подхода (С. Тулмин) [6]. Анализируя данный этап, С. Тулмин

¹Здесь и далее перевод наш. – А. С.

обращал внимание на то, что его становление связано с первоначальной программой философии, представляющей объективный подход. Стремление использовать «формальные процедуры греческой философии» обусловило описание этой программы как «логико-математической или, точнее, “геометрической”» [6, р. 62–63]. В исследовании данного периода значимым является обращение к трудам Платона и рассмотрение роли идей Сократа, которые становятся началом для философствования, затрагивающего «общие принципы, обязательные для всех людей» [6, р. 63].

Важное значение при изучении формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности имеет артикуляция двух тенденций в понимании процесса взаимодействия, которые отражают становление полемической и дискуссионной моделей разумности. Первая модель базируется на софистических практиках, включающих элементы манипулятивной коммуникации, а вторая является примером рационального рассуждения. Истоки выделенных тенденций обнаруживаются в древнегреческой философии. По мнению С. Тулмина, интерес представляют сократические диалоги, в которых прослеживается стремление выявить противоречивые высказывания в целях дальнейшей корректировки посредством установления логических связей.

Полемическая модель разумности может быть эксплицирована при анализе диалога «Горгий» [1]. Проблема обнаружения критериев разумности в полемике становится значимой в контексте определения роли, которую может играть словесная деятельность в достижении целей. В частности, в данном произведении рассматривается роль красноречия в процессе поиска истины. Сократ последовательно выяснял, что необходимо более подробно изучать суть феномена красноречия, и впоследствии пришел к выводу о том, что оно может принимать форму софистического обсуждения, в основе которого лежит «способность убеждать словом» различные группы людей [1, с. 484]. При этом Сократ, будучи человеком, который «тщательно анализировал политическую и этическую риторику своего времени» [6, р. 62], замечал, что в процессе полемики оратор «не покупает, что справедливо, а что нет, но лишь внушает веру» [1, с. 487], а софисты не являются наставниками добродетели. Полемическая модель разумности в таком ракурсе рассмотрения направлена не на истинность, а на убедительность информации. Вторая модель, напротив, предполагает совместный поиск истины в дискуссии, поэтому необходимо проанализировать особенности этой тенденции.

Роль дискуссионной модели в формировании прагма-диалектической модели разумности обусловлена становлением формы обсуждения, ориентированной на достижение истины. В качестве примера можно рассмотреть ограниченный характер риторического искусства, обозначенный в диалоге Платона «Федр».

Если искусство красноречия основано на правдоподобии и умении «увлекать души словами», то дискуссия нацелена на установление истины [2, с. 170]. Например, полемическая модель разумности в судебной речи может проявлять себя в позиции «никому нет никакого дела до истины», а в некоторых речах вовсе «следует умолчать о том, что было в действительности, если это неправдоподобно» [2, с. 184]. Таким образом, вместо красноречия на первый план должно выступить искусство диалектики.

Для диалектиков не приемлема позиция софистов, считающих, что один и тот же предмет обсуждения может быть «подобным и неподобным, единым и множественным, покоящимся и несущимся». Диалектики обладают способностью «охватывать взглядом единое и множественное», что позволяет эксплицировать общие принципы, которые реализуются в частных ситуациях. По этой причине в процессе становления дискуссионной модели разумности формируется следующая позиция: «...кто не знает истины, а гоняется за мнениями, у того искусство речи будет, видимо, смешным и неискusstvenным» [2, с. 172]. Эта позиция отражает ориентацию на поиск существенных, неизменных паттернов, которые противопоставлены изменчивости субъективных позиций. Несмотря на разногласия «по поводу основных аксиом, постулатов или данных» [6, р. 81], которые должны быть основой любых рассуждений, геометрический подход долгое время являлся привлекательным для философов [6 р. 85].

Формирование прагма-диалектической модели разумности связано с дальнейшим развитием геометрического подхода, а именно с идеями Р. Декарта и Б. Паскаля. С. Тулмин подчеркивал, что, «как и Платон до него, Декарт рассматривал геометрию как инструмент интеллектуального строительства» [6, р. 84]. Х. Перельман указывал на роль учения Р. Декарта, который сделал «самоочевидное признаком разума» [7, р. 1]. Это стало возможным благодаря развитию концепта методического сомнения, которое направлено на поиск ясных и отчетливых идей. Вместе с тем рассуждение, характеризующееся как более геометрическое, не должно быть основано на вероятных суждениях и призвано быть полезным для развития науки.

Вклад в формирование модели разумности, характеризующейся как геометрическая, внесли идеи Б. Паскаля. Он рассмотрел геометрическую демонстрацию в качестве шаблона строгих доказательств в рамках искусства убеждения. По его мнению, в древнегреческой философии «ничто не разоблачает столь быстро и решительно коварные уловки софистов, как этот метод», т. е. метод геометрии [5, с. 436]. В процессе поиска истины данному методу следует отдать предпочтение исходя из особенностей интерпретации действия человека, которые зависят от разума и воли. Разум должен играть главную роль, поскольку он определяет «естественные и всем известные ис-

тины» [5, с. 450]. Воля, отражающая «естественные и общие всем людям желания», напротив, может затруднять действия, поскольку не дает прислушаться к рассудку [5, с. 450].

На первом этапе, который повлиял на формирование прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности, зарождаются критерии, относящиеся к классическому типу рациональности. Сравнивая классический, неклассический и постнеклассический типы рациональности, В. С. Стёпин провел разграничение, которое зависит от системной организации исследуемого объекта, средств и операций деятельности, опосредованных идеалами и нормами науки, а также от «ценностно-целевых ориентаций субъекта деятельности и рефлексии над ними» [9, с. 250]. Геометрический подход позволил подойти к исследованию критериев разумности, включающих следующие черты. Во-первых, доминирующее положение занимает анализ простых объектов, в котором «свойства системы однозначно определяются свойствами составляющих ее элементов» [9, с. 253]. Во-вторых, базисом развития стратегий теоретического исследования должны выступать «очевидные и наглядные принципы» [9, с. 279]. Стоит отметить, что ценностно-целевые ориентации субъектов исключаются из рассмотрения. Исходя из этого, первый этап характеризуется разработкой и применением формальных критериев разумности.

Второй этап, определивший формирование прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности, связан с развитием антропологического подхода. Актуальность данного направления в историко-философском контексте обусловлена выработкой критериев в рамках неклассической рациональности. В таком ракурсе рассмотрения подход, предполагающий доминирование формальных критериев и общих принципов, претерпевает изменения. В частности, «полифония классической рациональности и истины заменена в ней интенцией дискурсных практик и доксы (мнения)», что влечет за собой сдвиг в сторону антропологической модели разумности [10, с. 246]. По мнению С. Тулмина, период «растущего осознания культурного разнообразия и политического многообразия» выдвигает новые требования к интерпретации мышления и системы понятий [6, р. 148]. По этой причине прослеживается тенденция смещения акцента с вопросов о строгости, четкости доказательств и объективности истины в сторону убеждения аудитории, неформальной аргументации и экспликации субъективных позиций.

Антропологический подход к формированию прагма-диалектической модели разумности связан с развитием идей Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Гиттеки. Важной работой является книга «Новая риторика. Трактат об аргументации». В ней обозначен переход от рассмотрения аналитики к анализу диалектики, истоки которой авторы нашли у Аристотеля [7]. Для Аристотеля диалектика выступа-

ет «как искусство рассуждать на основе общепринятых мнений», что не исключает необходимости приводить доказательства тезисов. В трактате «Топика» обнаруживается значение общих мест (топосов) в диалектическом взаимодействии, а диалектический силлогизм выстраивается исходя из учета мнений. Например, основой взаимодействия может стать предмет, по поводу которого «ни одна из сторон не имеет определенного мнения» или по поводу которого «мудрые имеют мнение, противное мнению большинства людей» [4, с. 360]. Соответственно, это качественно иной подход к моделированию разумности в сравнении с формальными тенденциями, обозначенными в геометрической модели разумности. В этой связи следует обратиться к труду Аристотеля «Риторика», в котором описывается, что взаимодействие зависит не только от силы аргументов, но и от характера говорящего (этоса) и настроения слушателя (пафоса), и это подчеркивает важность субъективно-личностных аспектов в определении разумного поведения [3].

Роль антропологического подхода в формировании прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности обусловлена разработкой критериев в рамках неклассической рациональности. Для их конкретизации необходимо вслед за В. С. Стёпиным учесть следующие особенности неклассического периода. Объектом исследования выступает сложная, саморегулирующаяся система, состоящая из подсистем. Выбор средств и действий включает «элементы случайности», он «обусловлен свойствами социальной системы как целого» [9, с. 252]. Основной отличительной чертой, опосредованной становлением неклассического периода, является рассмотрение ценностно-целевых структур в моделировании разумности. Это продиктовано тем, что на первый план выступает «необходимость экспликации связей фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с внеаучными ценностями общесоциального характера» [9, с. 291]. В связи с этим критериями рациональности в данный период становятся ценностно-целевые критерии, которые могут варьироваться в рамках целостности социальной системы.

Третий этап – критический – не отрицает наличия формальных и антропологических критериев, выдвигая на первый план идею критической оценки. Данный этап нацеливает, с одной стороны, на сдерживание догматизма, присущего геометрическому подходу и осуществляемого при помощи критического анализа, с другой – на ограничение релятивизма антропологического подхода посредством выдвижения требований к обоснованию любой позиции.

В формировании критической модели разумности роль играет развитие концепции критического рационализма Поппера [8; 11]. Согласно ей, во-первых, процесс взаимодействия между людьми имеет диалектический характер, т. е. происходит столкновение

противоположных позиций, претендующих на соответствие критериям разумности. Во-вторых, обозначается необходимость разрешения противоречий посредством модификации исходного тезиса [11]. Дальнейшее развитие связано с рецепцией критического рационализма. Так, Х. Альберт указывал на необходимость взять в качестве отправной точки немецкого критического рационализма «идею критической проверки, критической дискуссии всех принимаемых во внимание высказываний на основе рациональных аргументов» [12, с. 61].

Исходя из идей К. Поппера и Х. Альберта, можно утверждать, что критическое моделирование разумности сопряжено с представлениями о критическом мышлении. Такое мышление концептуально раскрывается как «рефлексия конструируемых рассуждений», обусловленная «синергетическим взаимодействием логических, эпистемологических и когнитивных факторов» [13, с. 71]. Логические факторы критического мышления отражают его инструментальные ресурсы, эпистемологические факторы – ресурсы отношений «между элементами человеческого опыта и реальным миром», когнитивные факторы – ресурсы информационно-познавательных способностей в контексте идентичности [13, с. 69]. По этой причине критическое мышление следует рассматривать в качестве коррелята прагма-диалектической модели разумности, так как оно, во-первых, воплощает представления о синкретическом единстве геометрического и антропологического подходов,

во-вторых, является соизмеримым с трансдисциплинарной исследовательской стратегией, развивающей целостное видение (холизм).

Формирование прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности на критическом этапе связано с достижением концептуального единства при учете различных критериев разумности. Это обусловлено приверженностью прагма-диалектиков трансдисциплинарному подходу, для которого характерна ориентация на постнеклассическую рациональность. В связи с этим разработка критериев разумности соотнесена с объектом, представляющим сложную, самоорганизующуюся систему, включающую различные уровни, взаимодействие которых образует новые типы связей. Поиск подходящих средств анализа феноменов на критическом этапе связан с синтезом достижений гетерогенных подходов, а также со становлением концептуальной матрицы в синергетике. При этом анализ объективных аспектов должен быть дополнен аксиологическим измерением, поскольку проблемы определения ценностного статуса феноменов обостряют «этические, социально-экономические ситуации современного общества знаний» [9, с. 292]. Критический этап указывает не только на необходимость синтеза формальных и антропологических аспектов, но и на важность критической оценки информации, что на современном этапе является значимым аспектом в определении прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности.

Заключение

Историко-философская реконструкция этапов формирования прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности была осуществлена с помощью выявления отличительных признаков, позволяющих их обоснованно разграничить. К ним отнесены различия в исследуемых объектах, различия в средствах и операциях деятельности, а также различия отношений к определению роли ценностно-целевых аспектов. В результате были реконструированы три этапа и уточнены критерии разумности, свойственные каждой из ступеней.

Первый этап в формировании прагма-диалектической модели разумности связан с конструированием геометрического подхода к моделированию разумности, реализованного в контексте становления классической рациональности. Сущность такого подхода заключается в разработке логико-методологического анализа, который применим к объектам, представляющим собой простые системы. Очевидные и наглядные принципы выступают основой для определения средств деятельности, а ценностно-целевые ориентации субъектов исключаются из рассмотрения. По этой причине на первом этапе ключевыми являются формальные критерии разумности.

Второй этап представляет собой антропологический подход, связанный со становлением неклассического типа рациональности и переосмыслением роли формальных критериев. Объектом рассмотрения становятся саморегулирующиеся системы, в исследовании которых акцент смещен на средства, позволяющие анализировать элементы, имеющие множественный и случайный характер. Особую роль на данном этапе моделирования разумности приобретают ценностно-целевые аспекты, а доминирующими критериями разумности выступают антропологические.

На третьем этапе разрабатывается критический подход к моделированию разумности. Он связан с нарастающим вниманием к постнеклассической рациональности в рамках трансдисциплинарного подхода, объектом изучения которого являются самоорганизующиеся системы. На данном этапе при выборе средств исследования предпочтение отдается ориентации на достижения синергетической методологии, а также учету синтеза знаний из различных дисциплинарных направлений. Такой подход сопряжен с концептом критического мышления как коррелятом прагма-диалектической модели разумности, предполагающей комбинирование формальных и антропологических критериев.

Библиографические ссылки

1. Платон. *Собрание сочинений. Том 1.* Маркиша СП, переводчик; Лосев АФ, Асмус ВФ, редакторы. Москва: Мысль; 1990. Горгий; с. 477–574.
2. Платон. *Собрание сочинений. Том 2.* Маркиша СП, переводчик; Лосев АФ, Асмус ВФ, редакторы. Москва: Мысль; 1993. Федр; с. 135–191.
3. Аристотель. Риторика. В: Платонова Н, переводчик; Тахо-Годи АА, редактор. *Античные риторика.* Москва: Издательство Московского университета; 1978. с. 15–166. (Университетская библиотека).
4. Аристотель. *Сочинения. Том 2.* Микеладзе ЗН, редактор. Москва: Мысль; 1978. Топика; с. 347–532.
5. Паскаль Б. О геометрическом уме и об искусстве убеждать. В: Стрельцова ГЯ, редактор. *Паскаль и европейская культура.* Москва: Республика; 1994. с. 453–456.
6. Toulmin S. *Knowing and action an invitation to philosophy.* London: Macmillan Publishing Company; 1976. 310 p.
7. Perelman Ch, Olbrechts-Tyteca L. *The new rhetoric: a treatise on argumentation.* Indiana: University of Notre Dame Press; 1971. 576 p.
8. van Eemeren FH, Grootendorst R. *A systematic theory of argumentation: the pragma-dialectical approach.* New York: Cambridge University Press; 2004. 224 p.
9. Стёпин ВС. Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения. В: Киященко ЛП, редактор. *Постнеклассика: философия, наука, культура.* Санкт-Петербург: Мир; 2009. с. 249–295.
10. Воробьева СВ. Конфигурации этоса в концепциях риторической коммуникации Э. Левинаса и Х. Перельмана. В: Бендин АЮ, редактор. *Кирилло-Мефодиевские чтения, посвященные Дням славянской письменности и культуры. Материалы VII Международной конференции. Часть 1, книга 2; 22–24 мая 2002 г.; Минск, Беларусь.* Минск: Ковчег; 2002. с. 243–251.
11. Поппер КР. Что такое диалектика? Новичкова ГА, переводчик. *Вопросы философии.* 1995;1:118–138.
12. Альберт Х. *Трактат о критическом разуме.* Шишкова ИЗ, переводчик. Москва: Едиториал УРСС; 2003. 264 с.
13. Воробьева СВ. Критическое мышление: взаимодействие логических, эпистемологических и когнитивных факторов. *Философия и социальные науки.* 2015;1:67–71.

References

1. Plato. *Sobranie sochinenii. Tom 1* [Collected Works. Volume 1]. Markisha SP, translator; Losev AF, Asmus VF, editors. Moscow: Mysl'; 1990. [Gorgias]; p. 477–574. Russian.
2. Plato. *Sobranie sochinenii. Tom 2* [Collected Works. Volume 2]. Markisha SP, translator; Losev AF, Asmus VF, editors. Moscow: Mysl'; 1993. [Phaedrus]; p. 135–191. Russian.
3. Aristotle. [Rhetoric]. In: Platonova N, translator; Taho-Godi AA, editor. *Antichnye ritoriki* [Antique Rhetoricians]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1978. p. 15–166. Russian. (Universitetskaya biblioteka).
4. Aristotle. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Volume 2]. Mikeladze ZN, editor. Moscow: Mysl'; 1978. [Topica]; p. 347–532. Russian.
5. Pascal B. [On the geometrical mind and the art of persuasion]. In: Strel'tsova GYa, editor. *Paskal' i evropeiskaya kul'tura* [Pascal and European culture]. Moscow: Respublika; 1994. p. 453–456. Russian.
6. Toulmin S. *Knowing and action an invitation to philosophy.* London: Macmillan Publishing Company; 1976. 310 p.
7. Perelman Ch, Olbrechts-Tyteca L. *The new rhetoric: a treatise on argumentation.* Indiana: University of Notre Dame Press; 1971. 576 p.
8. van Eemeren FH, Grootendorst R. *A systematic theory of argumentation: the pragma-dialectical approach.* New York: Cambridge University Press; 2004. 224 p.
9. Stepin VS. [Classics, non-classics, post-non-classics: criteria of distinction]. In: Kiyashchenko LP, editor. *Postneklassika: filozofiya, nauka, kul'tura* [Post-non-classics: philosophy, science, culture]. Saint Petersburg: Mir; 2009. p. 249–295. Russian.
10. Vorob'eva SV. [Configurations of Ethos in the concepts of rhetorical communication by E. Levinas and H. Perelman]. In: Bendin AYU, editor. *Kirillo-Mefodievskie chteniya, posvyashchennye Dnyam slavyanskoi pis'mennosti i kul'tury. Materialy VII Mezhdunarodnoi konferentsii. Chast' 1. Kniga 2; 22–24 maya 2002 g.; Minsk, Belarus'* [Cyril and Methodius readings devoted to the Days of Slavic writing and culture. Proceedings of the 7th International conference. Part 1, book 2; 2002 May 22–24; Minsk, Belarus]. Minsk: Kovcheg; 2002. p. 243–251. Russian.
11. Popper KR. [What is dialectics?]. Novichkova GA, translator. *Voprosy filosofii.* 1995;1:118–138. Russian.
12. Albert H. *Traktat o kriticheskom razume* [A treatise on the critical mind]. Shishkova IZ, translator. Moscow: Editorial URSS; 2003. 264 p. Russian.
13. Vorob'eva SV. Critical thinking: interaction of logic, epistemological and cognitive factors. *The Journal of Philosophy and Social Sciences.* 2015;1:67–71. Russian.

Статья поступила в редколлегию 02.03.2023.
Received by editorial board 02.03.2023.

УДК 001:165.4

ПРОБЛЕМА САМООПРОВЕРГАЕМОСТИ: ВОЗМОЖЕН ЛИ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНЫЙ РЕЛЯТИВИЗМ?

Е. Л. ТЕРЁХИН¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследована возможность существования последовательного и философски перспективного релятивизма в первую очередь в контексте рассмотрения главного аргумента его оппонентов и критиков – обвинения в самоопровергаемости. Концепция радикального релятивизма интерпретируется как несоответствующая основаниям классической эпистемологии. Проведена историко-философская реконструкция традиции использования аргумента самоопровергаемости релятивизма. Выявлены три возможных для изучаемого феномена варианта избежать обвинений в самоопровергаемости: оставаться на уровне локального релятивизма, претендовать на статус метатеории, утверждать истину релятивизма как относительную. Показано, что эпистемологический релятивизм не может априори избежать обвинений в самоопровергаемости, хотя и является формой локального релятивизма, а основания для присуждения ему статуса метатеории не могут быть адекватно аргументированы. В то же время принятие программы обоснования относительной истинности релятивистской парадигмы открывает реальную перспективу преодоления самоопровергаемости релятивизма, по крайней мере в том его виде, который утвердился в классической эпистемологии, начиная с Платона.

Ключевые слова: релятивизм; радикальный релятивизм; эпистемологический релятивизм; глобальный релятивизм; локальный релятивизм; эпистемическое обоснование; самоопровергаемые утверждения.

Образец цитирования:

Терёхин Е.Л. Проблема самоопровергаемости: возможен ли последовательный релятивизм? *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;3:26–32.
EDN: NHFDLT

For citation:

Terekhin EL. The problem of self-refutation: is consistent relativism possible? *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;3:26–32. Russian.
EDN: NHFDLT

Автор:

Евгений Леонидович Терёхин – аспирант кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор А. И. Зеленков.

Author:

Evgeny L. Terekhin, postgraduate student at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
centipede@yandex.by

THE PROBLEM OF SELF-REFUTATION:
IS CONSISTENT RELATIVISM POSSIBLE?E. L. TEREKHIN^a^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article explores the possibility of a consistent and philosophically promising relativism, primarily in the context of considering the main argument of its opponents and critics – accusations of self-refutation. The concept of radical relativism is interpreted as inconsistent with the basic foundations of classical epistemology. In the course of the study, a historical and philosophical reconstruction of the tradition of using the argument of self-refutation of relativism was carried out. Three possible options for relativism to avoid accusations of self-refutation are identified: to remain at the level of local relativism, to claim the status of a metatheory, to affirm the truth of relativism as relative. It is shown that epistemological relativism, being one of the forms of the so-called local relativism, still cannot a priori avoid accusations of self-refutation, and relativism's claims to the status of a metatheory cannot be adequately substantiated. The adoption of the program of substantiation of the relative truth of the relativistic paradigm opens up a real prospect of overcoming the argument of the self-refutation of relativism, at least in the form that has been established in classical epistemology since Plato.

Keywords: relativism; radical relativism; epistemological relativism; global relativism; local relativism; epistemic justifications; self-refuting statements.

Главный и наиболее часто повторяющийся аргумент, используемый критиками релятивистской парадигмы, – это обвинение в самоопровергаемости и непоследовательности. В настоящей статье показано то, как релятивизм может избежать подобных обвинений, оставаясь при этом философски адекватной и перспективной методологической концепцией.

В современном философском дискурсе тема релятивизма является весьма проблемной и острой. В зависимости от позиции автора релятивизм может оцениваться как «главная болезнь нашего времени, современного общества, его социальных и межличностных коммуникаций, массового сознания, в том числе философского и даже научного» [1, с. 29], которую можно и нужно лечить; как «концептуальное выражение релятивности знания, его историчности и динамизма» [2, с. 53], которое современной эпистемологии необходимо принять как данность; как отдельное мировоззрение, способное формировать собственные ценности, смыслы и установки, и уже поэтому интеллектуально привлекательное [3, р. 121, 126; 4, р. 68].

Чтобы конкретизировать область исследования рассматриваемого феномена, необходимо прежде всего провести различие между крайним и умеренным релятивизмом. Крайний, или радикальный, релятивизм абсолютизирует относительность любого знания или утверждения, отрицая при этом всякие возможные критерии, призванные обосновать их истинностный или операциональный статус. В данном случае проблема состоит в том, что так интерпретируют релятивизм прежде всего его радикальные критики. Р. Рорти писал: «Релятивизм – это точка зрения, согласно которой каждое убеждение по определенной или даже любой теме ничуть не хуже любого другого. Никто не придерживается такой точки зрения»¹ [5, р. 727]. Действительно, если бы

релятивист придерживался подобной позиции, то не смог бы делать осмысленные утверждения и говорил бы уже не об относительности, а об абсолютной безотносительности. Релятивизм превращается в своеобразный философский жупел для абсолютистов и универсалистов. Очевидно, что между утверждением об отсутствии *нейтральной* позиции выбора и оценкой и утверждением об отсутствии *всякой* позиции существует огромная разница, которую критики релятивизма предпочитают не замечать. По этой причине исследователям феномена релятивизма правильнее было бы говорить не о радикальном и умеренном релятивизме, а о весьма экзотической версии глобального релятивизма без границ, которая явно не доминирует в профессиональном философском сообществе, а также о программе эпистемологического релятивизма как вполне референтной и в определенном смысле методологически и социокультурно обоснованной философской концепции.

Релятивизм, как следует из самого термина (лат. *relatio* – отношение), означает прежде всего определенную степень относительности любого рассматриваемого феномена. Релятивизм – это, по сути, отказ от абсолютности и универсальности всякого утверждения и высказывания в пользу его относительности и контекстуальности. Легче всего представить релятивизм через два связанных между собой положения, которые в настоящей статье будут называться базовыми утверждениями (положениями) релятивизма. Релятивизм подразумевает, что некоторые или все ключевые аспекты жизненного мира человека (истина, знание, справедливость, реальность, ценности, нормы и др.) устанавливаются относительно того или иного контекста (точки зрения, культуры, исторической эпохи и др.) и что нейтральной позиции для сравнения и оценки таких

¹Здесь и далее перевод наш. – Е. Т.

аспектов за пределами соответствующего контекста не существует. Кроме того, чтобы концепция считалась релятивистской, она должна быть проблемной, дискуссионной. Просто указания на релятивные отношения между объектами недостаточно. Действительно, вряд ли кто-то посчитает философски интересным и провоцирующим на дискуссию тот факт, что юридическая оценка действия как неправомерного относится к законодательству конкретной страны. Чтобы оставаться философски значимым, релятивизм не должен тривиализироваться до указания на очевидные зависимости.

В соответствии со сферой применения релятивизм приобретает различные формы: моральный релятивизм, например, утверждает относительность этических законов, эпистемологический – эпистемических норм. Кроме того, в зависимости от области релятивизации он может существовать в таких формах, как культурный релятивизм, субъективистский релятивизм и историцистский релятивизм². Здесь важно отметить разделение на глобальный и локальный релятивизм: первый часто описывается расхожей фразой «все относительно», а второй выражается в вышеприведенных формах.

Особый интерес представляет анализ феномена эпистемологического релятивизма. Финский философ А. Хаутамяки так определял сферу эпистемологического релятивизма: «Эпистемологический релятивизм – это обширная область исследований относительности истины, знания, реальности и рациональности» [6, р. 9]. Эпистемологический релятивизм рассматривает эпистемические обоснования, на базе которых высказывания получают статус относительно истинного знания. Поскольку разделение на знание и мнение тесно переплетено с разграничением истинного и ложного знания, эпистемологический релятивизм также занимается проблемой относительности истины. А так как всякий предметный разговор подразумевает использование высказываний, претендующих на истинность, то эпистемологический релятивизм во многом пересекается с другими формами релятивизма.

Необходимо прояснить, что понимается под самопроверяемостью и самопроверяемыми утверждениями. Самым известным примером самопроверяемости считается так называемый парадокс лжеца, приписываемый Евбулиду из Милета: «Человек говорит, что он лжет (в момент высказывания. – Е. Т.). То, что он говорит, – истина или ложь?»³. Если это истина, то получается, что он действительно лжет, но в таком случае его высказывание не может быть истиной. Если это ложь, значит, он говорит правду, а его утверждение не может быть ложью. Более очевидным примером самопроверяемого утверждения является следующий: каждое предложение

состоит из трех слов. Таким образом, под самопроверяемым утверждением понимается то утверждение, смысл которого противоречит высказываемому. Соответственно, когда говорится об обвинении релятивизма в самопроверяемости, имеется в виду, что базовые утверждения этого принципа внутренне противоречивы и непоследовательны.

Традиционно считается, что первым релятивистским утверждением в истории философии является знаменитая фраза Протагора: «Мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют» [7, с. 203]. Если индивидуальный человеческий опыт есть мера вещей, это значит, что не существует универсальной объективной истины, как и не может быть нейтральных критериев для сравнения такого индивидуального опыта. Данная позиция, очевидно, релятивистская.

В сократическом диалоге «Теэтет» Платон формулировал исторически первую и наиболее устойчивую из всех позиций критики релятивизма – обвинение в непоследовательности и самопроверяемости. Если придерживаться утверждения Протагора, то люди одновременно умны, как боги, и глупы, как свиньи, никто из них не ошибается и при этом среди них не существует экспертов ни в одном деле. Если тезис Протагора о личной правоте каждого истинен, значит, тот, кто утверждает, что высказывание древнегреческого философа ложно, также прав. И в таком случае тезис Протагора одновременно ложный и истинный, что является абсурдным. Похожим образом Аристотель в сборнике «Метафизика» использовал закон непротиворечия как аргумент против тезиса Протагора: утверждение не может быть одновременно истинным и ложным.

Секст Эмпирик в сочинении «Против логиков» также обратился к тезису Протагора. Он отдавал ему должное, указывая на то, что человеческие существа судят о мире с точки зрения человеческих существ, дети видят окружающее в детской перспективе, а безумцы ограничены своим безумием. Для здорового человека было бы ошибкой отрицать точку зрения безумца, для взрослого – взгляды ребенка только потому, что они смотрят на мир, находясь в других обстоятельствах. Однако, по мнению Секста Эмпирика, все это не делает тезис Протагора истинным, так как он остается самопроверяемым [8, с. 72–73, 138–139]. Будучи пирроновским скептиком, Секст Эмпирик отвергал тезис Протагора о человеке как мере всех вещей, но его причины отличались от таковых у Платона и Аристотеля: человек, на его взгляд, вообще не способен судить об истинной природе вещей, а значит, категории истинности и ложности не имеют смысла.

С точки зрения подобной критики релятивизм либо противоречит сам себе, либо вынужден прибегать к абсолютистским утверждениям, чтобы защи-

²Kusch M. Introduction: a primer on relativism // The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism / ed. M. Kusch. New York : Routledge, 2020. P. 1–7.

³Hales S. Self-refutation // Ibid. P. 283–291.

тить себя, и таким образом распадается логически и концептуально. Х. Сигель в современной реконструкции платоновского аргумента против релятивизма разделяет его на два связанных между собой утверждения: релятивизм уничтожает саму идею истины, т. е. если релятивизм прав, то ничто не истинно, включая сам релятивизм; если релятивизм прав, то, в соответствии с самой идеей релятивизма относительно некоторых других эпистемических норм, он должен быть и ложным [9, р. 226–228].

Что на подобную критику может ответить релятивист? Один из самых очевидных способов избежать обвинений в самоопровергаемости – это оставаться на уровне локального релятивизма⁴. Например, если моральный релятивист указывает на то, что этические нормы устанавливаются относительно национальной культуры и (или) исторической эпохи, данное утверждение очевидно не является внутренне противоречивым, так как оно не этическое, а метаэтическое. Высказывание морального релятивиста не считается моральным, оно есть высказывание о морали. Иными словами, содержание такого утверждения и устанавливаемое им правило о том, что этические нормы являются относительными, не могут быть применимы к самому моральному релятивизму, который не является этической нормой, и, соответственно, не ограничивают его. Чтобы обвинить моральный релятивизм в самоопровергаемости и внутренней непоследовательности, необходимо сперва доказать, что его метаэтические высказывания считаются моральными, а это как минимум неочевидно.

Однако если определять эпистемологический релятивизм как релятивизм об относительности эпистемических обоснований, то он касается всех высказываний, которые претендуют на роль знания. И если говорить о том, что те нормы, правила, законы и конвенции, которые прямо и косвенно придают высказыванию статус знания и утверждают его истинность, относительны, то это затрагивает и релятивистское положение об относительности эпистемических обоснований. Таким образом, упрек в самоопровергаемости вполне может быть адресован эпистемологическому релятивизму. Действительно, высказывание эпистемологического релятивиста об относительности эпистемических обоснований очевидно претендует на статус знания, а значит, делает утверждение и о собственной природе. Из-за подобной самореференции эпистемологический релятивизм, хоть и избегает редукции до глобального релятивизма, в соответствии с которым все относительно, но остается удобной мишенью для обвинений в самоопровергаемости и непоследовательности.

Аналогично ситуации с эпистемологическим релятивизмом будет весьма проблематично сформулировать утверждение алетического релятивизма (релятивизма об истине) как априори не попадающее

под обвинение в самоопровергаемости. Независимо от того, будет ли рассматриваться эпистемологический релятивизм широко или разделится на фракции по разным видам (алетический релятивизм, релятивизм о рациональности, концептуальный релятивизм и др.), вряд ли удастся сформулировать настолько локальное релятивистское положение, чтобы избежать обвинения в самоопровергаемости только за счет коррекции формулировки.

Здесь нужно отметить, что эпистемологический релятивизм в каком-то смысле все же может попытаться избежать самореференций, а значит, и априорных обвинений в самоопровергаемости. Для этого он должен быть не только локальным, но и так называемым слабым релятивизмом. В данном случае его базовое утверждение может формулироваться следующим образом: некоторые эпистемические обоснования относительны, или эпистемические обоснования некоторых утверждений относительны. Такой релятивизм либо исключает собственные эпистемические обоснования из содержания своего высказывания, либо вносит свое базовое утверждение в список утверждений-исключений. Однако здесь сразу же возникают две серьезные проблемы. Во-первых, релятивист в данном случае должен предоставить адекватный и обоснованный критерий, на базе которого он выделяет некоторые эпистемические обоснования и (или) утверждения как попадающие под позицию его высказывания. Во-вторых, он должен доказать, что его собственное утверждение к такому не относится. Причем все высказывания, которые «слабый эпистемологический релятивист» будет использовать для обоснования своей позиции, также должны будут соответствовать двум вышеупомянутым задачам. Бегство от самореференции в таком случае превращается в бесконечный «бег по петле» обоснований своих предыдущих аргументов. И даже если подобной «петли» удастся избежать, появляется высокий риск тривиализации релятивистской позиции, потери ее философской значимости.

Весьма наивным, но все-таки важным для упоминания будет утверждение глобального релятивизма как универсальной концепции метауровня: все относительно, кроме этого высказывания. Вопрос самоопровергаемости в таком случае действительно не ставится, однако и сам релятивизм оказывается вне всякого адекватного дискурса, поскольку концепции, априори утверждающие свое превосходство над всеми остальным, отвергают обоснования и доказательства.

Таким образом, для того чтобы избежать обвинения в самоопровергаемости, релятивист должен остановиться на следующем положении: истина релятивизма является относительной истиной так же, как относительны эпистемические обоснования, лежащие в основе эпистемологического релятивизма.

⁴Hales S. Self-refutation // The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism / ed. M. Kusch. New York : Routledge, 2020. P. 283–291.

Утверждение о том, что относительная истина по своей сути не есть истина в полном смысле слова, безусловно абсолютистское. Поскольку релятивист как раз конструирует и защищает парадигму, принципиально отличную от абсолютизма, то требование соответствия релятивистских установок абсолютистским абсурдно. Как Земля в гелиоцентрической системе не может быть центром Солнечной системы в соответствии с самой идеей гелиоцентризма, так и истина в релятивистской парадигме не может являться абсолютной. Релятивистское утверждение становится самоотрицанием только в том случае, если начинает претендовать на статус абсолютной истины, однако само представление о подобной истине для релятивиста бессмысленно. И наоборот, утверждение того, что за пределами релятивистских установок релятивизм перестает быть истинным, только усиливает позицию релятивизма, так как демонстрирует как раз ту альтернативу, существование которой напрямую выводится из базового положения релятивизма. Действительно, релятивизм, как одна из возможных версий антиреализма наряду с конструктивизмом, отказывается рассматривать истину согласно Платону в качестве самостоятельной онтологической сущности. Истина – феномен лингвистический, языковой. «Истина создается, а не открывается» [10, с. 22]. Релятивист никогда не подразумевает под истиной некую объективно и независимо существующую субстанциональную истину *per se*, он выдвигает идею об истине, проявляющую себя через совокупность некоторых конвенций на общественном уровне и выступающую как референтное соответствие опыту на субъективно-личном уровне.

Говоря о релятивистской позиции как об относительно истинной, релятивист избегает обвинений в самопровергаемости, при этом не превращая релятивизм в тривиальность. Однако далее релятивист сталкивается с новым обвинением: концепция относительной истины подрывает авторитет разума, нанося ущерб жизненному миру человека, в том числе на прагматическом и коммуникативном уровне. Если получение знаний не приближает нас к универсальной и общезначимой объективной истине, то всякая деятельность по добыванию и сохранению знаний (в первую очередь наука) становится бессмысленной. В повседневной жизни человек, лишенный твердой почвы устойчивых истин (он задается вопросами: «Не падаем ли мы непрерывно? Назад, в сторону, вперед, во всех направлениях?» [11, с. 729]), испытывает экзистенциальную растерянность и лишается возможности проецировать себя в будущее. В ситуации «победившего» релятивизма диалог становится невозможным, ведь каждый ограничен собственной истиной и заперт в концептуальном каркасе [12, с. 4]. Даже если концепция релятивизма не является внутренне противоречивой, не следует ли ее элиминировать уже только потому, что она вредна и опасна?

И хотя, строго говоря, этот упрек не считается прямым продолжением тезиса о самопровергае-

мости релятивизма, сам тон обвинения вынуждает автора данной статьи вернуться к приведенному в самом начале работы разделению на жупел радикального релятивизма и на релятивизм как действительно существующую и функционирующую философскую концепцию.

Релятивизм, в отличие от скептицизма и эпистемологического нигилизма, не обесценивает и не обесценивает концепцию истины и категорию знания, но ограничивает их, настаивая на ситуативно-конкретной их интерпретации. И именно благодаря этому релятивизм без использования метафизических допущений и умножения сущностей объясняет как исторический динамизм научного знания, так и ситуацию, при которой несовместимые между собой и даже противоречащие друг другу концепции могут обладать высоким объяснительным потенциалом и практической применимостью. Например, геоцентрическая и гелиоцентрическая системы во многих случаях позволяют предсказывать движение планет и созвездий с одинаковой и довольно высокой точностью, при этом современная космология вообще не принимает идею центра, так как это, по сути, абстракция [13, р. 81–83]. С точки зрения релятивиста, здесь нет противоречия, абсолютист же вынужден либо признать свою неправоту, либо отвернуться от современной науки, которая не стремится к абсолютам.

Из положений релятивизма никак не следуют отрицание норм и критериев научной деятельности или попытки их отменить. Указание на то, что подобные категории создаются академическим сообществом и что каждое исследование является теоретически нагруженным (т. е. существует в рамках некоторой теоретической модели, а значит, и методы исследования, и его результаты соотносятся с этой теоретической моделью), никак не подрывает авторитет науки и не обесценивает научное знание. Скорее наоборот, концепция относительности знания позволяет провести более четкую демаркационную линию между научным и ненаучным знанием, не обесценивая при этом альтернативные эпистемические практики и ограждая науку от парадоксальных попыток заниматься принципиально ненаучными вопросами.

Обвинение же релятивизма в разрушении «жизнеутверждающих смыслов» не просто абсурдно, но и весьма опасно [1, с. 36]. Как отмечал американский эпистемолог Дж. Мейланд, из этого следует довольно тревожное предположение о том, что смыслом могут обладать только абсолютистские и претендующие на объективность высказывания. Но в таком случае человечество оставляет себя без литературы, музыки, искусства, поэзии и значительной части философии – всего того, что зачастую и делает нашу жизнь осмысленной и значимой [3, р. 126].

Действительно, идея о том, что смыслы человеческих миров являются универсальными и объек-

тивными, противоречит как взглядам современных антропологов («Человек – это животное, висящее на сотканной им самим паутине смыслов» [14, с. 14]), так и ряду философских подходов («Все, что имеет ценность в нынешнем мире, имеет ее не само по себе, не по своей природе – в природе нет никаких ценностей, – но оттого, что ему однажды придали ценность, подарили ее, и этими деятелями и дарителями были мы! Только мы и создали мир, до которого есть какое-то дело человеку!» [11, с. 781]).

Необходимо еще раз подчеркнуть: указание на относительность норм, категорий, ценностей и смыслов не говорит об их произвольности, а утверждение об отсутствии нейтральной позиции для оценки и сравнения никак не отменяет возможность этих оценки и сравнения, но с пониманием того, что последние всегда будут соотноситься с персональной диспозицией и теми общественными конвенциями, которые люди разделяют (осознанно или неосознанно). Такая позиция взывает вовсе не к хаосу и растерянности, а к пониманию той ответственности, которую человек несет за ценностно-смысловое наполнение мира.

Академик В. А. Лекторский уделял отдельное внимание несовершенству релятивизма с точки зрения предположительно вызываемого им (релятивизмом) разрыва в межличностной и культурной коммуникации. В числе прочего он отмечал, что толерантность неверно определяют как одну из «добродетелей релятивизма» [15, с. 25]. В данном случае В. А. Лекторский прав: требование толерантности действительно не следует из релятивистской установки. Невозможность нейтральной позиции не означает автоматического уважения альтернативы, но как минимум может снизить пафос обесценивания последней указанием на относительность критериев такой оценки.

Если же говорить о том, что релятивизм якобы приводит к ситуации, когда закрытость концептуальных каркасов уничтожает возможность дискуссии и значимой коммуникации, то здесь нужно отметить следующее. Когда релятивист указывает на ограниченность и конечность своего словаря [10, с. 102–103], речь идет не о полной герметичности, а скорее об отрицании возможности полного понимания, абсолютного вхождения в иной контекст и другую культурную и языковую среду. В итоге, как отмечал известный семиотик Ю. М. Лотман, «если увидеть в адекватности передачи сообщения основной критерий оценки эффективности семиотических систем, то придется признать, что все естественно возникшие языковые структуры устроены в достаточной мере плохо» [16, с. 13]. Для того чтобы сообщение было воспринято с абсолютной идентичностью, необходим ряд практически невыполнимых условий: единство языкового опыта, тождественность памяти, «единство представлений о норме, языковой референции и прагматике». «Если добавить влияние культурной традиции (семиотической памяти культуры) и неизбежную индивиду-

альность, с которой эта традиция раскрывается тому или иному члену коллектива, то станет очевидно, что совпадение кодов передающего и принимающего в реальности возможно лишь в некоторой *весьма относительной степени* (курсив наш. – Е. Т.)» [16, с. 14].

Именно различие картин мира, концептуальных каркасов и опыта делает коммуникацию и диалог с *Другим* (принципиально *Другим*) необходимыми. Целью коммуникации является не передача информации, а познание *Другого* и познание себя в контакте с *Другим*. В коммуникации не решаются исключительно эпистемологические задачи. Даже если в общении мы собираемся приобрести знание о *Другом*, то никакое объективное и абсолютное знание тут невозможно. Наоборот, именно релятивистский «зазор» наших контекстов делает общение интересным и нужным. Даже если люди познают не друг друга, а какую-то реальность, то и в этом случае именно относительность их точек зрения позволяет рассмотреть предмет под разными углами зрения.

Все вышеупомянутое в ответ на обвинения релятивизма в разрушительном воздействии на человека и общество было сказано исходя из той методологической установки, согласно которой перспективная философская концепция должна не только удовлетворять требованиям логической состоятельности и когнитивной референтности, но и соответствовать ценностно-смысловым установкам и императивам общественного дискурса.

Таким образом, релятивизм представляет собой адекватную методологическую концепцию, имеющую мало общего с тем образом хаотичного отрицания любых рамок и ограничений, который зачастую рисуют его критики. Указывая на относительность основных аспектов жизненного мира человека и невозможность нейтральной позиции для их оценки, релятивизм не становится формой крайнего скептицизма или нигилизма. Обладая достаточно высоким объяснительным потенциалом, релятивизм нередко адекватно отражает динамику культурных и общественных ценностей, научного знания и этических норм, будучи при этом способным претендовать на роль не только методологической, но и мировоззренческой установки.

Современная философия и эпистемология достаточно убедительно подтверждает тезис о том, что в рамках релятивистской парадигмы проблема самопроверяемости базовых утверждений не только эпистемологического, но и глобального релятивизма может находить свое вполне рациональное разрешение. Для этого в полном соответствии со своими эпистемическими установками они не должны претендовать на статус абсолютной истины тех методологических и мировоззренческих установок, которые обосновывают относительность, конвенциональность и контекстуальность многих феноменов современной науки, культуры и социальной практики.

Библиографические ссылки

1. Дубровский ДИ. Многоликий «релятивизм» (о необходимости его концептуального истолкования в общефилософском плане). В: Лекторский ВА, редактор. *Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ*. Москва: ИФ РАН; 2012. с. 29–40.
2. Микешина ЛА. Релятивизм как эпистемологическая проблема. *Эпистемология и философия науки*. 2004;1(1):53–63.
3. Meiland JW. On the paradox of cognitive relativism. *Metaphilosophy*. 1980;11(2):115–126. DOI: 10.1111/j.1467-9973.1980.tb00100.x.
4. Meiland JW. Is Protagorean relativism self-refuting. *Grazer Philosophische Studien*. 1979;9(1):51–68. DOI: 10.5840/gps197994.
5. Rorty R. Pragmatism, relativism, and irrationalism. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1980;53(6):717–738.
6. Hautamäki A. *Viewpoint relativism. A new approach to epistemological relativism based on the concept of points of view*. Mamane M, translator. Cham: Springer; 2020. 210 p. DOI: 10.1007/978-3-030-34595-2.
7. Платон. *Собрание сочинений. Том 2*. Лосев АФ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, переводчики; Лосев АФ, Асмус ВФ, Тахо-Годи АА, редакторы. Москва: Мысль; 1993. Теэтет; с. 192–274.
8. Секст Эмпирик. *Сочинения. Том 1*. Лосев АФ, переводчик-редактор. Москва: Мысль; 1975. Две книги против логиков; с. 61–243.
9. Siegel H. Relativism, truth, and incoherence. *Synthese*. 1986;68(2):225–259.
10. Рорти Р. *Случайность, ирония и солидарность*. Хестанова ИВ, Хестанов РЗ, переводчики. Москва: Русское феноменологическое общество; 1996. 282 с.
11. Ницше Ф. *Утренняя заря. Предварительные работы и дополнения к «Утренней заре»*. Топоров В, Коренева М, Степанов С, переводчики. Москва: АСТ; 2008. Веселая наука; с. 605–910. Совместно с издательством «Харвест».
12. Лекторский ВА. Предисловие. В: Лекторский ВА, редактор. *Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ*. Москва: ИФ РАН; 2012. с. 2–4.
13. Goodman N. «Just the Facts, Ma'am!». In: Krausz M, editor. *Relativism. A Contemporary Anthology*. New York: Columbia University Press; 2010. p. 80–85.
14. Гирц К. *Интерпретация культур*. Барсукова ОВ, Борзунов АА, Дашевский ГМ, Лазарева ЕМ и др., переводчики. Москва: РОССПЭН; 2004. 560 с.
15. Лекторский ВА. Релятивизм, плюрализм и диалог. В: Лекторский ВА, редактор. *Релятивизм, плюрализм, критицизм: эпистемологический анализ*. Москва: ИФ РАН; 2012. с. 5–29.
16. Лотман ЮМ. *Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история*. Москва: Языки русской культуры; 1996. 464 с.

References

1. Dubrovskii DI. [Many-faced «relativism» (on the need for its conceptual interpretation in the general philosophical plan)]. In: Lektorskii VA, editor. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskii analiz* [Relativism, pluralism, criticism: an epistemological analysis]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2012. p. 29–40. Russian.
2. Mikeshina LA. [Relativism as an epistemological problem]. *Epistemology and philosophy of science*. 2004;1(1):53–63. Russian.
3. Meiland JW. On the paradox of cognitive relativism. *Metaphilosophy*. 1980;11(2):115–126. DOI: 10.1111/j.1467-9973.1980.tb00100.x.
4. Meiland JW. Is Protagorean relativism self-refuting. *Grazer Philosophische Studien*. 1979;9(1):51–68. DOI: 10.5840/gps197994.
5. Rorty R. Pragmatism, relativism, and irrationalism. *Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association*. 1980;53(6):717–738.
6. Hautamäki A. *Viewpoint relativism. A new approach to epistemological relativism based on the concept of points of view*. Mamane M, translator. Cham: Springer; 2020. 210 p. DOI: 10.1007/978-3-030-34595-2.
7. Plato. *Sobranie sochinenii. Tom 2* [Collected works. Volume 2]. Losev AF, Asmus VF, Takho-Godi AA, translators; Losev AF, Asmus VF, Takho-Godi AA, editors. Moscow: Mysl'; 1993. [Theaetetus]; p. 192–274. Russian.
8. Sextus Empiricus. *Sochineniya. Tom 1* [Works. Volume 1]. Losev AF, translator-editor. Moscow: Mysl'; 1975. [Two books against logicians]; p. 61–243. Russian.
9. Siegel H. Relativism, truth, and incoherence. *Synthese*. 1986;68(2):225–259.
10. Rorty R. *Sluchainost', ironiya i solidarnost'* [Contingency, irony, and solidarity]. Khestanova IV, Khestanov RZ, translators. Moscow: Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo; 1996. 282 p. Russian.
11. Nietzsche F. [Dawn. Preliminary works and additions to «Morning Dawn»]. Toporov V, Koreneva M, Stepanov S, translators. Moscow: AST; 2008. [Cheerful Science]; p. 605–910. Co-published by the «Kharvest». Russian.
12. Lektorskii VA. [Preface]. In: Lektorskii VA, editor. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskii analiz* [Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2012. p. 2–4. Russian.
13. Goodman N. «Just the Facts, Ma'am!». In: Krausz M, editor. *Relativism. A Contemporary Anthology*. New York: Columbia University Press; 2010. p. 80–85.
14. Geertz C. *Interpretatsiya kul'tur* [The interpretation of cultures]. Barsukova OV, Borzunov AA, Dashevskii GM, Lazareva EM, et al., translators. Moscow: ROSSPEN; 2004. 560 p. Russian.
15. Lektorskii VA. [Relativism, pluralism and dialogue]. In: Lektorskii VA, editor. *Relyativizm, plyuralizm, krititsizm: epistemologicheskii analiz* [Relativism, pluralism, criticism: epistemological analysis]. Moscow: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences; 2012. p. 5–29. Russian.
16. Lotman YuM. *Vnutri myslyashchikh mirov. Chelovek – tekst – semiosfera – istoriya* [Inside the thinking worlds. Man – text – semiosphere – history]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 464 p. Russian.

УДК 316.4.06+364.4-787+392

НАРОДНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАЙ ВЗАИМОПОМОЩИ КАК КУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ФЕНОМЕНА ВОЛОНТЕРСТВА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. А. ПОХОМОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проанализирован феномен волонтерства с позиции ретроспективного анализа народных традиций и обычая взаимопомощи. Рассмотрена универсальность понятия помощи как структурного элемента волонтерства в народных традициях и обычаях. Исследован социальный феномен помощи и взаимопомощи как экзистенциальное воплощение ценности Другого. Изучена традиция как нормативная платформа в эпоху риска, неопределенности и событийной интенсивности. Выявлено, что для успешной жизнедеятельности локального сообщества (общины) в традиционном обществе люди следовали обычаю взаимопомощи в разных аспектах повседневной жизни. Народные обычаи взаимопомощи выполняли функцию социальной защиты для наиболее уязвимых категорий людей на ранних этапах человеческой истории. Позже ценности заботы о ближнем и помощи нуждающимся интериоризировались в корпус религиозной идеологии, принимая формы милосердия, призрения, милостыни и т. д. С усилением рационализации и формированием светского государства появились государственные учреждения в сфере социальной защиты населения, а феномен социальной помощи и взаимопомощи приобрел форму волонтерства в контексте гражданского общества.

Ключевые слова: волонтерская деятельность; традиции; взаимопомощь; культура; народные обычаи; доверие; рациональность; локальные сообщества.

Образец цитирования:

Похомова АА. Народные традиции и обычай взаимопомощи как культурные детерминанты феномена волонтерства в современном обществе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;3:33–41.
EDN: ODUJRR

For citation:

Pokhomova AA. Folk traditions and customs of mutual assistance as cultural determinants of the phenomenon of volunteering in the modern society. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;3:33–41. Russian.
EDN: ODUJRR

Автор:

Алеся Андреевна Похомова – кандидат социологических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Alesya A. Pokhomova, PhD (sociology), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

FOLK TRADITIONS AND CUSTOMS OF MUTUAL ASSISTANCE AS CULTURAL DETERMINANTS OF THE PHENOMENON OF VOLUNTEERING IN THE MODERN SOCIETY

A. A. POKHOMOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

In the article, the author analyses the phenomenon of volunteering through the prism of a retrospective analysis of folk traditions and the custom of mutual assistance. The purpose of the work was to consider the universality of the phenomenon of assistance as a structural element of volunteering through folk traditions and customs. The article focuses on the social phenomenon of assistance and mutual assistance as an existential embodiment of the value of the *Other*. Tradition is considered as a value-normative anchor in an era of risk, uncertainty and event intensity. Ethnographic studies and their results indicate that for the successful functioning of the local community in a traditional society, the custom of mutual assistance in various aspects of everyday life was followed. Folk customs of mutual assistance performed the function of social protection for the most vulnerable categories of people at the early stages of human history. Later, the values of caring for one's neighbour and helping those in need were internalised in the corpus of religious ideology, taking the forms of charity, alms, etc. With the strengthening of rationalisation, the formation of a secular state, state institutions in the field of social protection of the population appeared, and the phenomenon of social assistance and mutual assistance took the form of volunteering in the context of civil society.

Keywords: volunteer activity; traditions; mutual assistance; culture; folk customs; trust; rationality; local communities.

Введение

Социолог П. А. Сорокин с особым научным интересом относился к исследованию благотворительности в различных аспектах этого предметного поля, отмечая, что ранее наука незаслуженно обходила проблематику «альтруистической любви» [1, с. 1]. Социолог исследовал альтруистическую, или неэгоистическую, любовь как источник социального прогресса, альтернативный экономическим и политическим факторам социального развития.

В контексте теории социального действия Вебера добровольческая деятельность может рассматриваться как проявление социальной активности с рациональной и иррациональной мотивацией. Иррациональное действие, связанное с влиянием сильных эмоциональных состояний и привычек на поведение человека, не поддается прогнозированию, оно непредсказуемо. Рациональное действие, обусловленное желанием максимизировать объективную или субъективную выгоду, предсказуемо в большей степени. Следовательно, для стимулирования волонтерской активности у субъектов с рациональной мотивацией необходимо учитывать потребности волонтера, а также применять нематериальные способы поощрения за добровольный труд. Так, например, волонтер участвует в мероприятиях и программах прежде всего для преодоления чувства одиночества, поэтому для стимулирования его

дальнейшей активности необходимо предлагать акции и проекты, проводимые офлайн и ориентированные на коммуникацию с другими людьми. В теорию рационального действия естественным образом встраивается философия эффективной благотворительности. Сторонники данной идеи предполагают, что желание помочь другому человеку и совершать благонамеренные поступки может иметь нулевую или даже отрицательную полезность, при этом адресаты помощи, или реципиенты, избираются по принципу максимальной потребности в оказании помощи и наибольшей отдаче. По другую условную сторону находятся волонтеры-альтруисты, выполняющие ту или иную работу без ожидания материальной компенсации или нематериального вознаграждения. В то же время помощь и взаимопомощь считаются универсальными социальными феноменами, которые являются «непреходящей и наиважнейшей ценностью в аксиологических иерархиях общества и индивида»¹. Универсальность выражается в отсутствии территориальных, социально-демографических и культурных обусловленностей оказания помощи нуждающимся. Цель данной статьи – рассмотрение универсальности феномена помощи как структурного элемента волонтерства в народных традициях и обычаях.

Материалы и методы исследования

Цель работы обуславливает выбор междисциплинарного подхода к реализации стратегии исследования. Анализ народных традиций и обычаев, как

детерминант добровольческой деятельности в современном обществе, невозможен без привлечения источников из области социологии, этнографии,

¹Васюков Р. В. Помощь как социальный феномен : автореф. дис. ... кан. философ. наук : 09.00.11. М., 2013. С. 3.

культурологии и философии. В силу этого информационной базой будут выступать научные публикации и вторичные данные указанных наук, а также результаты статистических и социологических исследований.

Междисциплинарный подход в научных трудах предполагает интеграцию наук при изучении одного и того же объекта посредством сглаживания противоречий в разных науках и применения общенаучных методов исследования [2]. В данном случае использованы такие способы познания действительности, как анализ, сравнение, абстрагирование и аналогия.

Этнография в группе рассматриваемых смежных социально-гуманитарных дисциплин позволяет проанализировать примеры культурно-бытовых и социальных практик, связанных у представителей разных народов со взаимопомощью или безвозмездным оказанием помощи нуждающимся. Подобные примеры эмпирически иллюстрируют проявление таких социальных феноменов, как ответственность и доверие, выступающих в качестве философских и социологических категорий. При рассмотрении народных обычаев взаимопомощи через культурный код и ту роль, которую они играют в регулировании общественной жизни, необходимо обращаться к достижениям культурологии.

Если следовать логике французского социолога Д. Э. Дюркгейма [3], то для понимания сущно-

сти сложных современных социальных институтов, в том числе института добровольчества [4], необходимо обратиться к практикам примитивных традиционных обществ, в которых влияние внешних факторов на социальную жизнь и отдельные институты было минимальным, а система социальных отношений и взаимодействий являлась менее сложной. Для выполнения такого ретроспективного анализа нужно обратиться к материалам социокультурной антропологии (этнографии)² и определить социальную роль взаимопомощи и помощи в традиционном обществе. В своем исследовании Д. Э. Дюркгейм отмечал, что рассматриваемую систему (в его случае религиозную) стоит описывать «с той же точностью и достоверностью, с какой это мог бы сделать этнограф или историк», однако лишь с той целью, чтобы сформировать представление об этой системе и реконструировать ее [3, с. 51]. Цель социологии, по мнению французского классика, состоит в том, чтобы «объяснить актуальную, близкую нам реальность» [3, с. 52], которой является, например, современный человек. Архаичные формы социальных феноменов рассматриваются социологами для прояснения их сущности и социальной природы самого человека: «Для того чтобы постичь природу современного человека, мы должны сперва вернуться к нему спиной и отправиться к началу истории» [3, с. 52].

Результаты и их обсуждение

Обычай и традиция как социальные феномены. Для трансляции системно значимых знаний новому поколению, а также для их компрессии и декодирования в культуре применяются культурные коды, к которым относят «идеи, понятия, смыслы, модели, ценности, диспозиции, фреймы, паттерны, мотивы, экспектации, память» [5, с. 42], «систему уникальных архетипов» [6, с. 48] и др. Белорусский социолог Е. М. Бабосов отмечал, что культурный код «проявляется в качестве исторически сложившейся и развивающейся системы социокультурных коммуникаций, интегрирующих в динамически эволюционирующую целостность духовно-нравственных, семейно-бытовых, природно-географических, хозяйственно-экономических, геополитических особенностей, считающихся общепринятыми нормами самоидентификации людей, независимо от их этнической принадлежности, и передаваемых из поколения в поколение посредством обучения и воспитания, сохранения и воспроизводства исторической памяти народа» [6, с. 48]. Таким образом, этнические общности являются носителями культурного кода и как «живое прошлое» представляют собой своеобразный способ сохранения архаики. В то же время метафорическое

понятие «живое прошлое» рассматривается как «символическое наименование комплекса принципов социального воспроизводства, воплощенных в обычаях и традициях» [7, с. 58], которые связаны с культурным кодом народа, выделяющим его самобытность, менталитет и социальный характер среди других народов.

Понимание современных социальных феноменов, в том числе добровольчества, имеющих корни в архаическом прошлом, предполагает применение «конструктивистской реактуализации “традиционности”» [7, с. 59] и осуществление анализа социокультурной традиции в контексте новых исторических условий.

Стоит внести семантическую ясность в рассматриваемые понятия «обычай», «традиция» и «обряд», так как дальнейшие размышления о протоформах волонтерства в традиционном обществе будут связаны непосредственно с данной терминологией.

Обычай представляет собой социально приемлемую в определенной системе общественных отношений «схематику практических действий» [7, с. 59]. Цель обычаев заключается в возможности трансляции той или иной ценности другим поколениям. Они тесно связаны с традициями и ритуалами (обрядами),

²Единая терминология в обозначении научной дисциплины отсутствует (см.: Социокультурная антропология: история, теория и методология: энцикл. слов. / под ред. Ю. М. Резника. М.: Академический проект: Культура; Киров: Константа, 2012. 1000 с.).

так как обычаи формируют традиции, а ритуалы детализируют и технологизируют процесс. Стоит отметить, что в традиционном обществе наблюдалась высокая степень стереотипизации и символизации действий, которая прослеживается в том числе в народных традициях и обрядах. Обычай предстает как особая форма социального и культурного капитала, обусловленная возможностью «трансляции всего, что связано с социокультурным опытом в целом, т. е. с перспективой существования традиционности как таковой» [7, с. 60].

Слово «обряд» имеет русское происхождение и относится к обсуждению чего-то или договору о чем-либо, а также к установлению некоторых бытовых норм или правил. Народные обряды соответствовали социальным потребностям общины и отражали уклад жизни и повседневность людей. Обряды основаны на устном народном творчестве, они имеют характер «игрового традиционного действия» и отсылают нас к первобытным культам. Как отмечают ученые, «большинство славянских народных бытовых обрядов сложились в дохристианские времена, т. е. в дофеодальный период» [8, с. 5]. С установлением господствующей религии вместо примитивных религиозных форм изменился уклад жизни, сформировавшийся в традиционном обществе, а также система народных обычаев и обрядов. Тот же процесс происходил при секуляризации и установлении светской государственной идеологии, поскольку обряды имели большое социализирующее и воспитательное значение, так как сопровождали все важнейшие семейные события, а также праздники, соответствующие годовому циклу хозяйственных работ: пахоту, сев, сбор урожая, охоту и путину [8, с. 8]. Так, например, в советском государстве осуществлялось обрядотворчество (целенаправленная деятельность членов партий, обрядовых комиссий по отбору обрядовых форм из арсенала народных обычаев), связанное с инкорпорированием системы приемлемых ценностей и норм в советское общество вместо религиозных праздников и обрядов. В качестве сконструированных советской идеологической системой обрядов, ритуалов и праздников были общественно-политические (День международной солидарности трудящихся, Всесоюзный ленинский коммунистический субботник и др.), военно-патриотические (День Советской Армии, День Победы и др.), трудовые (праздники профессий, присвоение почетного звания ветерана труда, проводы на пенсию), гражданские и семейно-бытовые (день урожая, праздник последнего звонка, вручение первого паспорта и др.) мероприятия [8].

Ритуал (обряд)³ можно рассматривать как некий алгоритм, совокупность предписанных правил

осуществления действий, имеющих символический и сакральный смысл. Среди различных видов ритуалов культурологи выделяют презентационные ритуалы, связанные с различными формами дарообмена [7, с. 62]. Примером традиционных церемоний демонстративного ритуального символического дарообмена может выступать потлач, представляющий собой процесс циркуляции даров между отдельными индивидами, а также между группами или сообществами. В работе М. Мосса этот феномен определяется как обмен продуктами или поставка (предоставление) пищи [9, с. 142]. Социальное значение потлача заключалось в усилении взаимосвязи между дарителем и получателем дара, который в свою очередь должен был «осуществить ответное дарение в соответствии со строго определенными сроками и в рамках специально избранной процедуры» [7, с. 181]. Как отмечал немецкий антрополог Х. Шрадер, потлач – это символический обмен, целью которого нередко становилось поддержание или повышение социального статуса, установление или подтверждение социальных связей между индивидами или группами [10, с. 84]. В современном мире в качестве потлачеобразных форм обмена рассматриваются такие феномены, как признание, лесть, уважение, а также подарок, его вариации и способы преподнесения. Нематериальное поощрение волонтеров за проделанную работу в виде благодарностей, грамот и фотографий на доске почета также можно отнести к потлачеобразной форме обмена.

Еще одной разновидностью реципрокного обмена выступает кула – обряд, описанный британским антропологом Б. К. Малиновским на основе изучения хозяйственной жизни туземцев островов Полинезии. В рамках исследуемой проблематики кула интересна как пример обряда, связанного с публичностью и демонстрирующего доверие и отсутствие корыстной составляющей [7, с. 183]. Кула открывает перспективу обмена услугами, а не товарами. В современности форма взаимного обмена услугами называется «волонтерский банк времени».

Традиции представляют собой закрепившиеся стереотипные формы поведения, имеющие преемственный характер правил и передающиеся из поколения в поколение. К традициям относят, с одной стороны, любые передаваемые правила поведения вне зависимости от области их применения или формы бытования, а с другой стороны, способы трансляции ценности (например, социальной нормы, института, идеи), т. е. алгоритм, практическую схему процесса передачи. Народными традициями в контексте рассматриваемого феномена взаимопомощи выступают толока, супруга, помочь и др.

³Термины «ритуал» и «обряд» в настоящем исследовании рассматриваются как синонимы. Однако стоит отметить, что в разрезе иной проблематики есть смысл дифференцировать данные понятия (см.: *Артемова А. А.* К вопросу о ритуале: этимология и понятие термина // Вест. Моск. ун-та МВД России. 2010. № 7. С. 74–77).

Таким образом, народный обычай отражает содержание поведенческой нормы (например, обычай взаимопомощи), а обряд представляет собой внешнее оформление обычая, т. е. то, как именно и в каких ситуациях необходимо помогать. Традиция же объединяет и символическое содержание, и технологическую сторону деятельности, транслируя поколениям знания и практики, освоенные предками, но при этом обладая адаптивностью при изменении исторического контекста и потребностей людей. Так, обычай оказания помощи в организации праздника, приготовлении пищи и предоставлении продуктов при праздновании свадьбы утратил свою актуальность в городской среде. Однако в условиях современного потребления и нерационального расхода ресурсов обществом появилось движение (технология) перераспределения неиспользованных продуктов и товаров – фудшеринг, ценностное содержание которого соответствует обычаю делиться пищей с *Другим*.

Народные обычаи взаимопомощи у разных народов. Традиции, сопряженные с обычаем помощи социально уязвимым группам и взаимопомощи, до сих пор свойственны народам по всему миру⁴ [11–15].

Индонезийский обычай взаимопомощи и механизм управления общиной в стране «готонг-ройонг» (*Gotong Royong*) [16] сформировался в традиционном обществе и все еще поддерживается. По результатам исследований благотворительности именно из-за существования в местных сообществах названного обычая взаимопомощи Индонезия прочно закрепилась в топе стран с высоким уровнем гражданского участия в форме волонтерства: 1-е место в отчете за 2022 г., согласно которому 63 % населения участвуют в волонтерской деятельности, что приблизительно в 3 раза превышает среднемировой показатель, и 1-е место в отчете за 2021 г. (60 % человек). Обычай «готонг-ройонг» представляет собой традицию помогать соседям в разрешении определенной жизненной ситуации и является «индонезийской филантропической культурой коллективных действий» (перевод наш – А. П.)⁵. Ситуации оказания коллективной помощи не являются ограниченными институтами и зависят от потребностей нуждающегося, например, в срочном ремонте жилого помещения, в денежных средствах и т. д.

Традиция казахов, связанная с оказанием помощи ближним, существовавшая в традиционном обществе и сохранившаяся до настоящего времени, имеет название «асар». В силу суровых условий жизни в степи семьям было трудно выполнить срочную

тяжелую работу без внешней помощи, поэтому в целях выживания люди помогали друг другу, например, перегнать скот на большие расстояния или построить дом. Данная традиция основана на принципе реципрокности, вследствие чего помощь оказывалась добровольно и безвозмездно. Традиция «жылу» касается взаимной моральной и материальной поддержки тех членов сообщества, которые пострадали от стихийного бедствия. Люди, следуя ей, приносили нуждающимся одежду, продукты питания, давали деньги или необходимые в быту вещи⁶.

К обычаю взаимопомощи и коллективного труда относятся такие традиции, как бонда, супряга, толока. Бонда, распространенная на белорусских землях, связана с разделением продуктов питания (свежего мяса, первого хлеба, фруктов, меда нового урожая и др.) между своими соседями и родственниками [17]. Это позволяло не накапливать излишки продуктов и повышать качество жизни людей. Подобный обмен не ставил своей целью обогащение одного индивида за счет другого, но способствовал укреплению внутриобщинных связей, соседских отношений. Традиция давать бонду относится к концепции дара французского этнографа и социолога М. Мосса. Он рассматривал дарообмен, с одной стороны, как «добровольный, свободный и безвозмездный» жест, а с другой стороны, как принудительный и небескорыстный процесс, который сопровождается «фикцией, формальностью и социальным обманом» [9, с. 137]. Дарение и отдаривание, как обмен, представляют собой область социальной жизни, не затронутую рыночными отношениями. Это возможно, когда выстраивание эквивалента между товаром и стоимостью не является ценностью, а обмен дарами выступает в качестве акта символического признания. По этой причине для традиционных обществ обмен дарами считается нормой, а для современных – маргинальной практикой. Такие отношения могут рассматриваться как норма, императив жизни в доиндустриальном обществе [7, с. 180]. Обмен носил символическое значение. Социальная функция дарообмена заключается в его способности поддерживать социальную солидарность и морально-этические нормы, не допускающие отказа в помощи нуждающемуся.

Супряга и толока являются формами трудовой соседской взаимопомощи. Супряга предполагала объединение средств труда, совместное использование скота для выполнения коллективных работ, требующих большой физической силы, например для вспашки земли или транспортировки строительного материала во время строительства дома. В супряги

⁴State of the world's volunteerism report [Electronic resource]. URL: <https://www.unv.org/sites/default/files/2011%20State%20of%20the%20World%27s%20Volunteerism%20Report%20-%20Universal%20Values%20for%20Global%20Well-being.pdf> (date of access: 10.03.2023).

⁵World Giving Index 2022. A global view of giving trends [Electronic resource]. URL: https://www.cafonline.org/docs/default-source/about-us-research/caf_world_giving_index_2022_210922-final.pdf (date of access: 15.07.2023).

⁶Обычаи [Электронный ресурс]. URL: <https://visitkazakhstan.kz/ru/about/78/> (дата доступа: 15.07.2023).

обычно объединялись мелкие маломощные хозяйства, причем вклад каждого участника мог быть разным – от сельскохозяйственных орудий и инвентаря до тягловой силы.

Толока – это традиция, воплощающая обычай взаимопомощи и включающая ряд символических действий (обряд зажинок). Толока созывалась во время разных коллективных работ, и в зависимости от региона их виды могли отличаться. Например, у украинцев такими видами стали косьба, копанье картофеля, чистка кукурузы, заготовка капусты, сбор фруктов и винограда⁷, у кавказцев – кормление ягнят, стрижка овец, забой скота, заготовка кормов для скота.

Толока, существовавшая у белорусов, была характерна и для других народов: россиян, украинцев, эстонцев, латышей и литовцев. На юге и севере России, а также на юге Украины данная традиция носила название «помочь». Русский обычай взаимопомощи в этнографических источниках описан следующим образом: «Строили в деревнях дружно. Собирали помочь: деревенские мужики все вместе разом в один день возводили сруб под крышу» [18, с. 51]. В благодарность за оказанную помощь работникам давали угощение. Однако особо незащищенным категориям людей, например вдовам и сиротам, помогали без угощения, исключительно за вербальную благодарность (благотворительная толока).

Коллективную взаимопомощь (толоку) можно классифицировать по сезонности работ, так как сельская община (громада) сильно зависела от сельскохозяйственного цикла (весенние работы, связанные с посевной, летне-осенние работы, предполагающие сбор урожая, и зимние работы, включающие вычесывание шерсти, ремесленную деятельность). В зависимости от субъекта, оказывающего помощь, толока могла быть женской и мужской, молодежной, родственной и соседской⁸.

Исходя из анализа форм помощи и взаимопомощи, характерных преимущественно для сельской общины, можно выделить следующие группы коллективных работ:

- в земледелии (вспашка, удобрение и прополка земли, сев, уборка урожая, обмолот и др.);
- в животноводстве (выпас скота, заготовка кормов, убой, разделка туш и др.)⁹;
- при строительно-ремонтных работах (заготовка и доставка строительного материала, перекрытие крыш и др.);
- при стихийных бедствиях, пожарах и иных кризисных ситуациях (сбор продуктов, одежды, обуви, утвари и денег для потерпевшей семьи);

- при занятиях ремеслами и промыслами (обработка шерсти, выделка кожи, совместное ткачество ковров и ковровых изделий девушками и др.);

- в быту и обрядовой жизни (помощь при организации свадеб, похоронно-поминальных обрядов и др.).

Обычай взаимопомощи и его формы тесно связаны с условиями окружающей среды, особенностями ведения хозяйства, спецификой семейных отношений и др. Обычай отражал коллективный характер труда, он появился в условиях господства родовой общины¹⁰. По мнению Ф. Тенниса, «всеобщий характер соседства присущ совместной жизни в деревне, где близость жилищ, общий сельскохозяйственный рынок, да и просто общие границы угодий способствуют многочисленным контактам между людьми, их привычке и близкому знакомству друг с другом, делают необходимым совместный труд...» [19, с. 26–27]. Соответственно, в начале XXI в. с распадом сельской общины взаимопомощь в сельском быту утратила ведущую роль и масштабы. Это было связано с техническим прогрессом, обусловившим появление новых технологий, которые облегчали труд сельчан, и с интенсификацией процессов урбанизации. С возникновением и развитием системы социальной защиты социально уязвимых категорий граждан соседская взаимопомощь утратила свое значение в интеграции громады.

Социальные функции народных традиций и обычая взаимопомощи. С точки зрения польского социолога П. Штомпки, народные традиции выполняют селективную (отбор ценностей, норм и идеалов, способных играть роль поведенческих паттернов), легитимную (организация социального порядка, повседневного уклада, принятых форм поведения), компенсаторную (отсылка к опыту предков и их незримой помощи) функции, а также функцию создания и подтверждения общей идентичности (ощущение родства, близости, солидарности среди членов сообщества) [7, с. 64]. Народные традиции и обычаи взаимопомощи имеют несколько функций.

Интеграционная функция. Сформированный институт взаимопомощи способствовал жизнеспособности и устойчивости общины. В регионах с тяжелыми климатическими условиями навыки взаимной помощи были гарантом выживания. Данная система традиций обусловила поддержание целостности общины и укрепление межличностных связей. Выполнение добровольных коллективных работ по оказанию помощи в сообществе привело к формированию коллективной социальной ответственности. Сложившиеся в сообществе ценности и нормы не до-

⁷Тарнавський Р. Б. Толока та супруга в громадському побуті селян Південно-Західного історико-етнографічного регіону України: культурно-генетична проблема : автореф. дис. ... канд. іст. наук : 07.00.05. Львів, 2012. 20 с.

⁸Там же.

⁹Эльмурзаева А. Д. Обычай взаимопомощи в хозяйственной деятельности народов Дагестана. XIX – начало XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07. Махачкала, 2009. 22 с.

¹⁰Там же.

пускали возможности отказа нуждающемуся в помощи.

Воспроизводственная функция. С одной стороны, в рамках выполнения коллективных работ через обычай передавался социальный опыт. Так, например, участвовавшая в толоке молодежь осваивала поведенческие паттерны, характерные не только для их семей, но и для семей соседей и других членов общины. Как отмечал П. Штомпка, «традиции обеспечивают людей, формирующих свой мир, готовыми строительными блоками» [20, с. 95]. С другой стороны, образовывался, селекционировался и транслировался новым поколениям корпус социальных ценностей, необходимых для коллективной жизни. Таким образом, молодежь не только приобретала трудовые навыки, умение жить в коллективе, но и интериоризировала такие качества, как трудолюбие, милосердие, практичность, ответственность и др.

Регулятивная функция. Обычаи взаимопомощи и народные традиции регламентировали и организовывали жизнь сельской общины, а также выступали в качестве специфического социального регулятора [7, с. 60]. Сейчас рудиментарные проявления традиционного уклада жизни с элементами обычая взаимопомощи можно наблюдать в селе, в том числе и на белорусских землях.

Коммуникационная функция. Проведение коллективных работ неотъемлемо сопровождалось взаимобменом информацией, эмоциями и знаниями. После тяжелых работ во время толоки хозяин, как правило, угощал помощников, тем самым благодарил их за труд. Отдельные народные традиции, помимо взаимопомощи, были направлены именно на поддержание межличностной коммуникации. В качестве примера можно привести традицию «леманга» (Южная Суматра), которая представляет собой культуру совместного приема пищи в целях единения, родства, при этом общение является неотъемле-

мой частью самой традиции, символично связанной с религиозными, традиционными и социальными ценностями [15].

Функция социальной защиты. Качество жизни общины во многом зависело от жизни каждой семьи и ее благополучия. Ведение сельского хозяйства в традиционном обществе требовало немалых физических усилий и времени, при этом существовало много рисков, которые могли препятствовать выполнению работы (например, многодетность, старческая немощь, болезнь, инвалидность, смерть кормильца и др.), что грозило потерей урожая, нищетой и голодом. В период отсутствия целенаправленной системы государственной помощи социально уязвимым группам населения такую помощь оказывали члены сообщества, проявляя таким образом коллективную социальную ответственность. В качестве еще одного примера можно привести народ масаи на севере Танзании. Там люди до сих пор ведут традиционное земледелие, но при этом основную ценность имеет скот, который масаи через сети взаимопомощи перераспределяют нуждающимся в целях борьбы с бедностью [21].

Символическая функция. Символизм обрядов и традиций придавал обычным действиям сакральность. Когда проводилась толока, при сборе зерновых культур торжественно зажинали первый сноп, который предназначался предкам для благословения урожая. Тяжелая работа сопровождалась пением песен и коллективной поддержкой односельчан, что способствовало укреплению эмоциональных связей и выстраиванию долгосрочных доверительных отношений. Однако с распадом сельской общины и индивидуализацией коллективного сознания символизация действий заменилась их формализацией, десакрализировалась мифологическая составляющая обычая и рутинизировались действия [7, с. 62].

Заключение

Народные обычаи и традиции способствуют сохранению исторической памяти и трансляции социально значимых ценностей, а помощь и взаимопомощь относятся к традиционным духовно-нравственным ценностям, которые включены в культурный код многих народов. Это можно наблюдать в устном народном творчестве, в частности в народных сказках, герои которых нередко бескорыстно помогают нуждающемуся.

Уникальность природно-климатических условий проживания, социальной организации и исторического прошлого народа порождает специфику проявления и закрепления данных ценностей в народных традициях. Многочисленные современные социологические и более ранние антропологические исследования свидетельствуют о том, что подобные традиции и обычаи существовали и продолжают существовать по всему миру.

До настоящего времени сохранились реципрокные отношения среди сельчан в Беларуси. Так, люди оказывают помощь друг другу в обработке земли, ведении личного подсобного хозяйства, заготовке дров и стройке, соседи обмениваются продуктами собственного производства, инвентарем, семенами и удобрениями. Продолжают существовать неформальные институты поддержки и взаимопомощи среди сельского населения. «Сетевые обмены не поддаются экономической логике, не являются инструментом максимизации прибыли их участников, им достаточно трудно подобрать какое-то материальное или денежное выражение. Сетевые взаимодействия – это устойчивые неформальные контакты между домохозяйствами на родственной или дружественной основе в форме обмена ресурсами» [22, с. 106].

При переходе к современности усиливается рационализация общественных отношений и, как отмечал М. Вебер, происходит «расколдовывание мира». Это приводит к тому, что из народных обычаев уходит сакральность, и они приобретают статус светских действий. На постсоветском пространстве этому поспособствовала проводимая идеологическая политика, в рамках которой социальной роли рядов уделялось значительное внимание. Ценности, соответствовавшие советской идеологии, в том числе идеологии труда, коллективизма, честности, самоотдачи и бескорыстия, необходимо было за-

крепить в общественном сознании и интериоризировать в коллективную память.

Так, несмотря на то что традиции обладают гибкостью и встраиваются, видоизменяясь, в новые условия жизни народа, обычай взаимопомощи сохраняет свою значимость по всему миру, обретая формы не сакральных, а светских практик. Народные традиции несли в себе ключевые идеи светских практик взаимопомощи (стремление к взаимопомощи, коллективизм, добровольность, бескорыстность, социальную ответственность), получивших современное название «волонтерство».

Библиографические ссылки

1. Сорокин ПА. Таинственная энергия любви. Часть 1. *Социологические исследования*. 1991;8:121–137.
2. Крепс ТВ. Междисциплинарный подход в исследованиях и преподавании: преимущества и проблемы применения. *Научный вестник Южного института менеджмента*. 2019;1:115–120. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-1-115-120.
3. Дюркгейм ДЭ. *Элементарные формы религиозной жизни. Тотемическая система в Австралии*. Апполонов А, Котельникова Т, переводчики. Москва: Дело; 2018. 736 с.
4. Кузьминчук АА. Волонтерство как социальный институт. В: Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина. *Материалы XVII Международной конференции памяти профессора Л. Н. Когана. Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования; 20–21 марта 2014 г.; Екатеринбург, Россия*. Екатеринбург: Уральский федеральный университет имени первого президента России Б. Н. Ельцина; 2014. с. 1011–1017.
5. Шавель СА. Методологические аспекты социологического исследования цивилизационно-культурного кода. В: Данилов АН, Мамедов АК, редактор. *Культурные коды в цифровую эпоху*. Минск: РИВШ; 2023. с. 41–73.
6. Бабосов ЕМ. Культурный код нации: сущность и особенности. *Наука и инновации*. 2016;3:48–50.
7. Ашкерев АЮ. *Социальная антропология*. Москва: Маркет ДС Корпорейшн; 2005. 608 с. (Университетская серия).
8. Руднев ВА. *Обряды народные и обряды церковные*. Ленинград: Лениздат; 1982. 159 с.
9. Мосс М. *Общества. Обмен. Личность*. Гофман АБ, переводчик. Москва: Книжный дом «Университет»; 2014. Опыт о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах; с. 134–279.
10. Шрадер Х. *Экономическая антропология*. Островская ЕА, переводчик. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение; 1999. 192 с.
11. Cooper L. Patterns of mutual assistance in the Mongolian pastoral economy. *Nomadic Peoples. Pastoralism in Mongolia*. 1993;33:153–162.
12. Молотова ТЛ. Обычаи взаимопомощи в традиционных женских домашних промыслах марийцев. *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2014;2:69–73.
13. Potkanski T. Mutual assistance among the Ngorongoro Maasai. In: Anderson DM, Broch-Due V, editors. *The poor are not us: poverty and pastoralism in Eastern Africa*. Oxford: James Currey; 1999. p.199–217.
14. Ranajit Das Gupta. A labour history of social security and mutual assistance in India. *Economic and Political Weekly*. 1994;29(11–12):612–620.
15. Desy M, Agustini R, dan Utami JA. Communication of mutual assistance in the melewang tradition of Karang Raja Muara Enim Village. *Sosiohumaniora. Jurnal Ilmu-ilmu Sosial dan Humaniora*. 2023;25(1):21–28.
16. Slikkerveer LJ. Gotong Royong: an indigenous institution of communality and mutual assistance in Indonesia. In: Slikkerveer L, Baourakis G, Saefullah K, editors. *Integrated community-managed development. Cooperative management* [Internet]. 2019 [cited 2023 July 15]. Available from: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-05423-6_14.
17. Пилипенко МФ. *Этнография Белоруссии*. Минск: Вышэйшая школа; 1981. 192 с.
18. Юдина НА. *Русские обычаи и обряды*. Москва: Вече; 2006. 320 с.
19. Теннис Ф. *Общность и общество: основные понятия чистой социологии*. Складнев ДВ, переводчик. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2002. 452 с.
20. Штомпка П. *Социология социальных изменений*. Ядов ВА, переводчик. Москва: Аспект пресс; 1996. 416 с.
21. Potkanski T. Mutual assistance among the Ngorongoro Maasai. In: Anderson DM, editor. *The poor are not us: poverty and pastoralism in Eastern Africa (Eastern African studies)*. London: James Currey Ltd; 2000. p. 199–217.
22. Кузьменко ТВ. Социальные механизмы поддержки и взаимопомощи в сельском социуме. В: Цыганов АР редактор. *Сборник научных статей Международной научно-практической конференции. Социальные проблемы современного села в экономическом и социологическом измерении; 4–6 октября 2007 г.; Горки, Беларусь*. Горки: Белорусская государственная сельскохозяйственная академия; 2007. с. 104–106.

References

1. Sorokin PA. [The mysterious energy of love. Part 1]. *Sociological Studies*. 1991;8:121–137. Russian.
2. Kreps TV. Interdisciplinary approach in research and teaching: advantages and problems of application. *Scientific bulletin of the Southern Institute of Management*. 2019;1:115–120. Russian. DOI: 10.31775/2305-3100-2019-1-115-120.
3. Durkheim DE. *Elementary forms of religious life. The totemic system in Australia*. Appolonov A, Kotelnikova T, translators. Moscow: Delo; 2018. 736 p. Russian.

4. Kuz'minchuk AA. [Volunteering as a social institution]. In: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin. *Materialy XVII Mezhdunarodnoi konferentsii pamyati professora L. N. Kogana. Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya; 20–21 marta 2014 g.; Ekaterinburg, Rossiya* [Materials of the XVII International Conference in memory of professor L. N. Kogan. Culture, personality, society in the modern world: methodology, experience of empirical research; 2014 March 20–21; Yekaterinburg, Russia]. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; 2014. p. 1011–1017. Russian.
5. Shavel' SA. [Methodological aspects of the sociological study of the civilisational and cultural code]. In: Danilov AN, Mamedov AK, editor. *Kul'turnye kody v tsifrovuyu epokhu* [Cultural codes in the digital age]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2023. p. 4–73. Russian.
6. Babosov EM. The cultural code of the nation: a subject and the features. *Science and Innovation*. 2016;3:48–50. Russian.
7. Ashkerov AYu. *Sotsial'naya antropologiya* [Social anthropology]. Moscow: Market DS Korporeishn; 2005. 608 p. (Universitetskaya seriya). Russian.
8. Rudnev VA. *Obryady narodnye i obryady tserkovnye* [Folk rites and church rites]. Leningrad: Lenizdat; 1982. 159 p. Russian.
9. Moss M. *Obshchestva. Obmen. Lichnost'* [Societies. Exchange. Personality]. Gofman AB, translator. Moscow: Knizhnyi dom «Universitet»; 2014. [Experience about the gift. The form and basis of exchange in archaic societies]; p. 134–279. Russian.
10. Schrader H. *Ekonomicheskaya antropologiya* [Economic anthropology]. Saint Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie; 1999. 192 p. Russian.
11. Cooper L. Patterns of mutual assistance in the Mongolian pastoral economy. *Nomadic Peoples. Pastoralism in Mongolia*. 1993;33:153–162.
12. Molotova TL. Customs of mutual assistance in traditional female domestic handiwork of the Mari people. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2014;2:69–73. Russian.
13. Potkanski T. Mutual assistance among the Ngorongoro Maasai. In: Anderson DM, Broch-Due V, editors. *The poor are not us: poverty and pastoralism in Eastern Africa*. Oxford: James Currey; 1999. p.199–217.
14. Ranajit Das Gupta. A labour history of social security and mutual assistance in India. *Economic and Political Weekly*. 1994;29(11–12):612–620.
15. Desy M, Agustin R, dan Utami JA. Communication of mutual assistance in the melewang tradition of Karang Raja Muara Enim Village. *Sosiohumaniora. Jurnal Ilmu-ilmu Sosial dan Humaniora*. 2023;25(1):21–28.
16. Slikkerveer LJ. Gotong Royong: an indigenous institution of communality and mutual assistance in Indonesia. In: Slikkerveer L, Baourakis G, Saefullah K, editors. *Integrated community-managed development. Cooperative management* [Internet]. 2019 [cited 2023 July 15]. Available from: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-05423-6_14.
17. Pilipenko MF. *Etnografiya Belorussii* [Ethnography of Belarus]. Minsk: Vyshhejskaja shkola; 1981. 192 p. Russian.
18. Yudina NA. *Russkie obychai i obryady* [Russian customs and rituals]. Moscow: Veche; 2006. 320 p. Russian.
19. Tennis F. *Obshchnost' i obshchestvo: osnovnye ponyatiya chistoi sotsiologii* [Community and society: basic concepts of pure sociology]. Sklyadnev DV, translator. Saint Petersburg: Vladimir Dal'; 2002. 452 p. Russian.
20. Sztompka P. *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [Sociology of social change]. Yadov VA, translator. Moscow: Aspect press; 1996. 416 p. Russian.
21. Potkanski T. Mutual assistance among the Ngorongoro Maasai. In: Anderson DM, editor. *The poor are not us: poverty and pastoralism in Eastern Africa (Eastern African studies)*. London: James Currey Ltd; 2000. p. 199–217.
22. Kuz'menko TV. [Social mechanisms of support and mutual assistance in rural society]. In: Tsyganov AR editor. *Sbornik nauchnykh statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Sotsial'nye problemy sovremennogo sela v ekonomicheskom i sotsiologicheskom izmerenii; 4–6 oktyabrya 2007 g.; Gorki, Belarus'* [Collection of scientific articles of the International scientific and practical conference. Social problems of modern villages in economic and sociological dimensions; 2007 October 4–6; Gorki, Belarus]. Gorki: Belarusian State Agricultural Academy; 2007. p. 104–106.

Статья поступила в редколлегию 12.06.2023.
Received by editorial board 12.06.2023.

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА В КОНТЕКСТЕ ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ НАУКИ

Ю. В. ДЕДОЛКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Изучены типы научной рациональности в классификации, разработанной В. С. Стёпиным, и специфика их проявления в общественности и в исследованиях социального капитала. Охарактеризованы основные тренды общественной динамики и трансформации социального капитала современного общества. Выявлен статус концепции социального капитала в социально-гуманитарном познании постнеклассического этапа развития науки.

Ключевые слова: наука; научная рациональность; социально-гуманитарное познание; общество; социальный капитал.

PROJECTIONS AND PARAMETERS OF SOCIAL CAPITAL

J. V. DEDOLKO^a

^aBelarusian State University, 4 Nezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article explores the types of scientific rationality in V. S. Stepin's classification and their specificity in social science and researches on social capital. The main trends of social dynamics and transformation of contemporary society's social capital were characterised. The goal of the article was to identify the status of the social capital concept on socio-humanitarian knowledge on the post-non-classical stage of scientific development.

Keywords: science; scientific rationality; social-humanitarian knowledge; society; social capital.

Введение

Концепт «социальный капитал» предложен в начале XX в. американским социологом Л. Дж. Ханифаном для выявления и описания ресурсного потенциала социальных отношений [1]. Его статья «Сельская школа как общественный центр» была первой работой, в которой с использованием общенаучных эмпирических методов (наблюдение, измерение, сравнение и описание) на основании выявленных эмпирических фактов и зависимостей зафиксирован феномен социального капитала и с применением метода ана-

логии (заимствование экономического понятия «капитал») сформулирован концепт социального капитала. Возвращение к данной концепции и основательная теоретическая работа над ней произошли в зарубежном общественности в 1980-х гг., что было сопряжено с переходом развитых стран на постиндустриальный этап развития и формированием постнеклассического типа научной рациональности. Концепция социального капитала позволяет выявлять и по-новому интерпретировать ресурсный статус ряда общественных

Образец цитирования:

Дедолко ЮВ. Концепция социального капитала в контексте постнеклассической науки. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;3:42–50.
EDN: BDTKEU

For citation:

Dedolko JV. Projections and parameters of social capital. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;3:42–50. Russian.
EDN: BDTKEU

Автор:

Юлия Владимировна Дедолко – старший преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Julia V. Dedolko, senior lecturer at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
dedolko@bsu.by
<https://orcid.org/0000-0002-4991-5610>

и культурных феноменов; создавать эффективную систему культурных, социальных и политических институтов, базирующихся на доверии, общественной активности и самоорганизации граждан; реализовывать основные принципы постнеклассической рациональности в обществознании (системный подход, междисциплинарная методология, комплексные исследовательские программы).

Актуальность настоящей статьи обусловлена необходимостью комплексного исследования социального капитала как важнейшего фактора всестороннего развития общества. Цель статьи – философско-методологическое исследование концепции «социальный капитал», выявление ее статуса в контексте постне-

классического обществознания и обоснование регулятивно-эвристической функции данной концепции. Для достижения цели была поставлена следующая задача: определение специфики обществознания постнеклассического этапа развития науки, сущности концепции «социальный капитал» и ее статуса в современном обществознании. Научная новизна настоящей статьи состоит в том, что в ней обоснованы трансдисциплинарный методологический статус концепции «социальный капитал» в современном социально-гуманитарном познании и ее регулятивно-эвристический потенциал для анализа проблем социально-культурной трансформации современных обществ.

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологическим базисом являются работы В. С. Стёпина, И. Пригожина и Э. О. Уилсона, посвященные изучению специфики современной науки; труды Л. Дж. Ханифана, сформулировавшего концепт *social capital*; публикации П. Бурдьё, Р. Д. Патнэма, Дж. С. Коулмана, Ф. Фукуямы, разработавших ключевые положения концепции социального капитала. Эмпирической основой данной работы стали социально-антропологические исследования Б. К. Малиновского, М. Мосса, Ш. Зубофф,

Э. Паризера, Р. Макнами, З. Туфекчи и др. Анализ литературы позволил выявить факт недостаточного использования системного подхода и трансдисциплинарной методологии в исследованиях социального капитала. Данным обстоятельством обусловлен выбор методологии исследования, которая характеризуется синтезом философских и общенаучных методов познания с включением методологических принципов системного и трансдисциплинарного подходов.

Результаты и их обсуждение

Согласно В. С. Стёпину критериями разделения этапов развития науки на классику, неклассику и постнеклассику являются следующие характеристики: особенности системной организации изучаемых объектов, специфика средств и операций научной деятельности, а также своеобразие ценностно-целевых ориентаций ученого [2]. В 1950-х гг. с накоплением научных знаний и развитием принципиально новых направлений в науке (системный подход, синергетика, философия и социология науки), а также в результате рефлексии над мировоззренческими основаниями науки и последствиями научных открытий происходит формирование постнеклассической научной рациональности. Изменяются представления об исследуемом объекте: «... представления о саморазвивающихся системах постепенно становятся доминирующими образами предметов как социально-гуманитарных, так и естественных наук. <...> Категориальная матрица понимания и осмысления саморазвивающихся систем очерчивает пути синтеза достижений естественных, технических и социально-гуманитарных наук в рамках общенаучной картины мира» [2]. В части методологии происходит развитие междисциплинарной ориентации, системного подхода и проблемно ориентированного научного поиска, а также расширение сферы философско-методологической рефлексии. Преодолевается разобщенность между естественными и социально-гуманитарными

науками, сформировавшаяся под влиянием мировоззренческих установок и философской традиции европейской цивилизации от Античности до Нового времени: «Современная наука в целом становится все более нарративной. Прежде существовала четкая дихотомия: социальные, по преимуществу нарративные науки – с одной стороны, и собственно наука, ориентированная на поиск законов природы, – с другой. Сегодня эта дихотомия разрушается» [3, с. 52]. Э. О. Уилсон обосновывал эвристическую перспективность и продуктивность синтеза естественных и социально-гуманитарных наук исходя из анализа развития междисциплинарных исследований на примере биологии, использующей методологический арсенал физики, химии и математики. Подобное взаимодействие происходит в рамках социально-гуманитарного познания в экономике, социологии и психологии [4].

Элементом и одновременно системообразующей осью социально-гуманитарных дисциплин считается человек, исследуемый в различных проявлениях и сферах жизнедеятельности. Более того, «...в мире, основанном на нестабильности и созидательности, человечество опять оказывается в самом центре законов мироздания» [3, с. 52]. В философии человек, представляя собой сложноорганизованное противоречивое существо, рассматривается как биопсихосоциальный феномен. Результаты исследований

Э. О. Уилсона подтверждают тезис о том, что процессы природной и культурной эволюции гомо сапиенс являются взаимосвязанными и взаимозависимыми. Культура есть результат природной эволюции, но она также обратно влияет на процессы эволюции. В связи с этим жесткая демаркация данных сфер человеческого бытия и его познания в современных реалиях, по мнению автора настоящей статьи, оказывается исчерпавшей себя и некорректной.

Системное изучение биологической основы социального поведения организмов, в том числе людей, в рамках социобиологии может стать связующим звеном между естественными и социально-гуманитарными науками посредством распространения методов, данных популяционной биологии и эволюционной теории на социальную организацию. Социобиология исходит из принципов системности, рассматривая природу, человека и общество как сложные, взаимосвязанные, многоуровневые и саморазвивающиеся системы, а также из принципов глобального эволюционизма, анализируя феномены человеческого бытия как результат синергетического взаимодействия природной и культурной эволюций. Предложенный Э. О. Уилсоном синтез биологии с социальными науками выводит исследования человека и общества на новый (мультидисциплинарный) уровень анализа. Междисциплинарные исследования сферы социокультурного бытия в социально-гуманитарном познании, по словам Э. О. Уилсона, ограничиваются исследованием «второй природы», не учитывающим глубинные эволюционные аспекты. В рамках даже такой перспективной методологии изучается не причина, а следствие, к тому же подобный подход негативно влияет на возможности научного и социального прогнозирования.

Выходя за пределы своей биологической генетической программы, человек создает «вторую природу», искусственную среду обитания. Поскольку и природная, и социальная реальности представляются сложными, открытыми, саморегулирующимися и саморазвивающимися системами, в которые человек включен одновременно, то взаимодействие с ними не является чем-то внешним. Развивая представления о целевой причинности, В. С. Стёпин отмечал, что человек как бы включается в эти системы, видоизменяя каждый раз поле их возможных состояний. Своей деятельностью индивид создает определенные условия, при которых обменные процессы со средой порождают странные аттракторы, направляющие систему на тот или иной путь развития. В то же время можно рассматривать эти процессы в качестве естественных процессов, которые выражают сущностные особенности природной и социальной систем, развивающихся в рамках единой эволюции. Таким образом, когда человечество своей деятельностью направляет развитие какой-либо системы в определенное русло, то это одновременно и искусственное, и естественное: «Жесткие грани между ними стираются. Искус-

ственное предстает как вариант естественного» [2]. Подобная точка зрения считается особенно актуальной в XXI в., когда научные достижения в прямом смысле стирают грань между естественным и искусственным. В данной ситуации синтез естественных и социально-гуманитарных дисциплин в рамках мультидисциплинарных исследований необходим в первую очередь потому, что человечество подошло к такому рубежу своего развития, перед которым человек оказывается на грани выживания и как биологический вид, и как особый способ бытия в мире. Без понимания истинной природы и целей человечества в ситуации «смерти культуры», экспоненциального роста научных знаний и развития высоких технологий во всех областях человеческой жизнедеятельности люди в очередной раз попадают в ситуацию аномии, характеризующуюся аморфностью системы социальных норм, дезорганизацией традиционных социальных институтов, неопределенностью и нестабильностью социальной среды, дивергенцией между декларируемыми обществом ценностями и возможностью их реализации отдельными индивидами, разрушением единства культуры, вследствие чего реальный жизненный опыт человека перестает соответствовать идеальным общественным нормам.

Современная социокультурная и научно-технологическая ситуация особенно остро ставит перед человечеством вопрос о целях и ценностях: «...многовариантное видение мира, положенное в основание науки, с необходимостью раскрывает перед человечеством возможность выбора – выбора, означающего, между прочим, и определенную этическую ответственность» [3]. Анализируя специфику постнеклассического этапа науки, В. С. Стёпин обращался к переосмыслению традиционалистских ценностей восточных культур и выделил три момента, в которых они коррелируют с современной наукой: представления об окружающей среде как об особом живом организме в рамках концепции глобальной экосистемы или биосферы; формирование новых стратегий научной и технологической деятельности, которые подразумевают ответственность и перекликаются с принципом недеяния в процессе освоения сложных развивающихся систем, обладающих синергетическими характеристиками; поиск истины с расширением этических регулятивов научного поиска, особенно при изучении сложных человекообразных систем [2]. Выводы В. С. Стёпина согласуются с позицией Л. ван ден Майзенберга и Далай-ламы XIV, которые утверждали, что основные ценности буддизма, базирующиеся на представлении об изменчивости сущего, взаимозависимости и зависимом возникновении и обуславливающие формирование правильного воззрения и действия, аналогичны методу системной динамики, разработанному Дж. Р. Форрестером и М. Л. Мински [5].

Генезис и специфика социальных отношений, их содержание и форма, взаимосвязь и влияние на дру-

гие сферы человеческого бытия находились в фокусе внимания мыслителей со времен Античности. Представления о существующих и должных формах социального устройства общества, их структуре и способах организации трансформировались с течением истории, изменяясь по мере развития хозяйственной, религиозной, политической и культурной сфер. Демаркация неформальных и формальных норм социального взаимодействия индивидов и групп людей произошла с зарождением юридического права, однако неформальные нормы на протяжении истории человечества сохраняют значимую роль в регуляции общественной жизни, передаваясь через культурную традицию и механизмы социализации.

Социальная проблематика перманентно выступала объектом исследовательского и практического интереса представителей философии. С появлением социально-гуманитарного познания в XIX в. социальная реальность стала объектом специальных научных исследований. В силу того, что сферы общественной жизнедеятельности переплетены, они традиционно рассматривались во взаимосвязи, о чем свидетельствует название одной из первых наук, изучающих социально-экономическую жизнь общества, – политической экономии. Политико-экономические трактаты по стилистике близки к философским, им присуща определенная междисциплинарность и даже системность. В частности, это отражено в представлениях о взаимосвязи и взаимовлиянии хозяйственной жизни и государства, содержащихся в трудах меркантилистов и классиков политэкономии, а также в поэтапном включении в состав ресурсов или капитала новых структурных элементов, учитывающих воздействие географических факторов и все шире вовлекающих в хозяйственный оборот как внешнюю природную среду, так и внутренние подсистемы (политику, культуру, демографию и др.).

Институционализация социально-гуманитарного познания и формирование самостоятельных дисциплин пришлось на рубеж классического и неклассического этапов науки, что позволило им выработать и развить собственную специфику научной рациональности. Новые науки, опираясь на нормы и критерии классической рациональности, стремились к самостоятельности, постулировали и обосновывали собственные объекты, предметы исследований и соответствующие им методы, с помощью которых разрабатывались теории. Вероятно, эти обстоятельства стали причиной того, что концепт «социальный капитал» Л. Дж. Ханифана, имевший явный междисциплинарный статус и базировавшийся на узкой области эмпирических исследований и практического применения, пропал из фокуса внимания представителей как социологии, так и экономической теории более чем на 80 лет.

В период существования неклассической науки в неоклассической экономике получила развитие концепция человеческого капитала, хотя традиция

включения фактора труда в состав капитала прослеживается в работах А. Смита и достигает развернутого обоснования в произведениях К. Маркса. Объективные предпосылки к развитию данной концепции содержались в самой индустриальной эпохе и интенсифицировались второй промышленной революцией вследствие роста машинного и конвейерного производства, требующего квалифицированной рабочей силы. Эта концепция стала результатом междисциплинарного синтеза, в котором был применен экономический (рациональный) подход к неэкономическим формам поведения людей, являвшимся ранее прерогативой социологии и антропологии.

Кардинальные трансформации западной цивилизации, в которые вошли социально-экономический кризис индустриального периода, третья промышленная (научно-техническая) революция, экспоненциальный прирост научного знания, развитие третичного сектора экономики, непреодоленное и сохраняющееся социально-экономическое неравенство, стимулировали интеллектуальный поиск факторов, объясняющих эмпирическую данность и дополняющих концептуальное обоснование трендов социально-экономической динамики второй половины XX в. Постоянно расширяющееся общественное воспроизводство и успешное включение человеческого фактора в состав капитала интенсифицировали поиск новых типов ресурсов за пределами материальной ресурсной базы.

Интерес к социальному капиталу, ставшему в некотором смысле квинтэссенцией современного обществознания (тончайшей, неуловимой стихией, пронизывающей мир общественного бытия), возродился в постнеклассический период науки. Несмотря на то что в неоклассической экономической теории с начала XX в. развивалась институциональная экономика, в которой изучалось влияние социокультурных факторов на хозяйственную жизнь, первые концептуальные разработки проблемы социального капитала принадлежат социологии. Значительный вклад в реинкарнацию метафорического выражения в форме целостной теоретической концепции социального капитала внесли исследования антропологов, рассматривавших сохранившиеся архаичные и традиционные общества, которые функционировали на иных, отличных от капиталистических принципах социально-хозяйственной жизни. Открыв наличие обмена (дарообмена), базирующегося на других, не целерациональных мотивах, более того символически скрывающих истинную суть обмена под вуалью сложных социальных, культурных, религиозных и магических взаимодействий в архаичных и традиционных обществах, антропологи и социологи обнаружили субстанциальность, темпоральность и актуальность этих взаимодействий. В исследованиях Б. К. Малиновского, М. Мосса, К. Поланьи, П. Бурдьё, Р. Д. Патнэма, Дж. Коулмана и Ф. Фукуямы выявлено, что «тонкий лед» целерациональности, олицетворяющей специфику довольно молодого

в исторической перспективе капиталистического общества и сопутствующего ему типа мышления, скрывает под собой глубинные механизмы символических социальных взаимодействий, формировавшиеся в процессе социокультурного развития, сохранившие актуальность и неявно, как им и положено, функционирующие в современном мире [6–15].

Ключевая для обществознания проблема социальности по-разному трактовалась в различные эпохи, но уже в Античности общество определялось как сложная, развивающаяся, способная к саморегуляции система. В социально-гуманитарных науках системные представления об обществе или социальной реальности всегда сохранялись. То же самое происходило с междисциплинарностью, ставшей характерной чертой неклассического этапа и доминировавшей в постнеклассический период науки. Основоположник концепции социального капитала Л. Дж. Ханифан рассматривал общины как сложноустроенные системы по аналогии с бизнес-предприятиями, используя при анализе междисциплинарный подход и метод перенесения теоретического конструкта из одной дисциплины в другую. Он заимствовал экономическое понятие «капитал» для описания феноменов социальной жизни, обладающих неочевидной, на первый взгляд, продуктивностью и несущих сообществу ощутимую финансовую выгоду. В силу специфики общества как сверхсложной системы в нем, помимо объективных факторов, присутствуют играющие большую роль субъективные факторы, поскольку главным актором является человек, а ведущим типом отношений – субъект-субъектное взаимодействие.

Современное социально-гуманитарное познание трактует общество как сложную систему, функционирующую в единстве ее основных подсистем: экономической, политической, культурной и социальной. В процессе исторического развития общество трансформировалось посредством ряда глобальных технологических революций, кардинально повлиявших на структуру используемых ресурсов и способы производства материальных и нематериальных благ. Переход к новому технологическому укладу включает глобальные изменения институциональных систем управления экономикой, обществом и государством. Каждый этап, переход к которому происходит в результате технологического сдвига, характеризуется определенным преобладающим типом социального взаимодействия. Согласно социально-культурным антропологическим исследованиям Б. К. Малиновского, М. Мосса и П. Бурдьё преобладающим типом взаимодействия в архаичных обществах является символический обмен, а регулятором социально-экономической жизни выступают социальные, культурные, религиозные нормы и неформальные институты, транслирующиеся посредством традиции. Для аграрного традиционного общества характерен ценностно-рациональный тип действия (по Веберу).

Индустриальное капиталистическое общество, сложившееся в результате промышленной революции XV–XIX вв., которая сопровождалась значительными изменениями социальной и политической структур, породило феномены отчуждения, массовизации и индивидуализации, способствовало формированию и распространению целерационального типа действия и появлению в социально-гуманитарном научном познании таких идеальных моделей, как *homo economicus* в классической политэкономии (А. Смит, Дж. С. Милль), актор и агент в социологии и политологии (А. Турен, Т. Парсонс), теория рационального выбора в неоклассической экономической теории и социологии (Г. С. Беккер, Дж. С. Коулман).

Социокультурные трансформации эпохи промышленной революции, коренящиеся в ренессансном гуманизме и антропоцентризме, демаркация государства и гражданского общества и зарождение рыночных отношений обусловили изменение статуса человека во всех сферах жизни и рост исследовательского интереса к нему. Изменения характера труда и динамика техники и технологий в индустриальный период способствовали тому, что человек и имманентно присущие ему атрибуты (здоровье, способность к труду и обучению, накопление опыта) уже в период классической науки трактовались как ресурсы, влияющие на рост производительности и приумножение капитала. Кризис индустриального общества, хронологически совпавший с расцветом неклассической рациональности в науке, ознаменовался разработкой концепции человеческого капитала, ставшей своеобразным окном Овертона в обществознании и выведшей проблему экономических ресурсов на новый уровень.

Теоретические представления о нематериальных формах капитала (человеческого, интеллектуального, социального) и концепции, обосновывавшие эти формы, начали формироваться в период неклассической науки, но пик их развития пришелся на постнеклассический этап, что было связано с кардинальными изменениями во всех сферах человеческой жизнедеятельности в середине XX в. Возрождение интереса к концепту «социальный капитал» в социологии происходило в контексте формирования постнеклассической рациональности в период научно-технической революции второй половины XX в., вызвавшей структурные сдвиги в социально-экономической жизни постиндустриального этапа общественного развития. П. Бурдьё, Дж. С. Коулман, Р. Д. Патнэм и Ф. Фукуяма выявили, что на степень и рост благосостояния индивидов и государств влияет не только человеческий фактор или капитал, но и формы социального взаимодействия, закрепленные в культурных нормах и практиках и передаваемые через традиции. Для концепции социального капитала, развивающейся в контексте постнеклассической научной рациональности,

характерны междисциплинарность и практикоориентированность. Общество рассматривается как сверхсложная, саморазвивающаяся и саморегулирующаяся система, в которой роль регуляторов выполняют такие структурные элементы социального капитала, как доверие, нормы и ценности, а сам капитал обеспечивает слаженное функционирование всех подсистем общества на различных уровнях (микро-, макро- и мегауровнях).

В настоящее время достижения научно-технической революции, в частности интенсивное развитие информационно-коммуникационных технологий, интегрированы в структуру капиталистической мировой экономики как сложной, саморазвивающейся и саморегулирующейся системы, что привело к возникновению новых сетевых уровней организации и трансформации общества. Помимо этого, появился новый блок управления общественной системой: крупнейшие информационные сети (*Facebook, Twitter, Pinterest, Google+, Tumblr, Instagram, ВКонтакте* и др.), кроссплатформенные мессенджеры (*WhatsApp, Viber, Telegram, Facebook Messenger, Skype, ICQ* и др.) и транснациональные корпорации, среди которых в первой десятке по рыночной капитализации на 2023 г. лидируют представители технологического сектора и онлайн-торговли (*Microsoft, Apple, Amazon, Alphabet, Berkshire Hathaway, Meta Platforms* (до 2021 г. называлась *Facebook Inc.*), *Alibaba, Tencent* и др.). Транснациональные корпорации, учитывая степень охвата рынков и современные возможности влияния на аудиторию, способны формировать новые параметры порядка, типы прямых и обратных связей в общественной структуре, а соответственно, трансформировать социальный капитал современных обществ.

В контексте изменения общественного воспроизводства и структуры ресурсов, использования системного подхода и междисциплинарной методологии в науке был расширен спектр коннотаций понятия «капитал», что привело к появлению концепции «социальный капитал». В экономических и социологических исследованиях социального капитала, несмотря на определенные трудности, широко используется метод формализации и построения математических моделей (Р. Д. Патнэм, Р. Бёрт), что характерно для развитых теорий. Помимо этого, в силу укоренения и экстраполяции эволюционных представлений в естественно-научном и социально-гуманитарном познании в исследованиях социального капитала востребовано использование метода исторической реконструкции (П. Бурдьё, Р. Д. Патнэм, Ф. Фукуяма), позволяющего в результате изучения динамики общественного развития выявить его основные тренды и реализовать одну из важнейших функций науки – прогностическую.

Современные достижения естественных наук (например, социобиологии, нейробиологии), которые ка-

саются исследований природы человека и общества, предоставляют данные, позволяющие проникнуть в суть индивидуальной и социальной психологии, и могут быть использованы социально-гуманитарными дисциплинами. Поскольку основные паттерны индивидуального и социального поведения формировались эволюционно, существует необходимость расширения рамок междисциплинарной методологии в направлении мультидисциплинарности и синтеза естественных и социально-гуманитарных наук, а в перспективе (в контексте философского осмысления трендов общественной динамики) и трансдисциплинарного исследования социального капитала.

С развитием информационно-коммуникационных технологий и сетей социальный капитал приобретает не только новые формы и свойства, но и реальную осязаемость в виде числа подписчиков, их индивидуального и совокупного рейтинга, влияя тем самым на способность обладателей данного цифрового социального капитала (так называемых инфлюенсеров) воздействовать на широкие массы людей, управлять их мнением и деятельностью. В связи с этим остро стоит вопрос о прогностических возможностях концепции социального капитала и практико-ориентированной реализации существующих теоретических положений.

Ряд исследователей, занимающихся проблемами цифрового общества, отмечают, что развитие глобальных информационно-коммуникационных сетей влияет на изменение всех сфер индивидуальной и общественной жизни. Социальный психолог Ш. Зубофф называет социально-экономические трансформации последних десятилетий эпохой надзорного капитализма (*surveillance capitalism*), базирующегося на инструментах, подходах и методах обработки структурированных и неструктурированных данных для дальнейшего их использования в различных целях (*big data*). Эту информацию собирают экосистемы¹ *Apple, Google* и *Microsoft*, а также крупнейшие социальные сети *Facebook, Twitter, Pinterest, Tumblr* и *Instagram* с помощью алгоритмов машинного обучения. Затем они прогнозируют поведение пользователя в сети, что служит основным источником монетизации цифровых транснациональных корпораций и их рыночной капитализации, и способствуют формированию у пользователей «тоннеля реальности» или «цифровой эхо-камеры» [16].

Американский политолог Э. Паризер, анализируя деятельность цифровых экосистем, пришел к выводу о том, что обработанная пользовательская информация используется для создания «пузыря фильтров» или персонифицированной версии сети. Он считает это негативной тенденцией, ведущей к алгоритмизированной самоцензуре пользователей, сужению и догматизации мировоззрения, росту трайбализма и расизма, а также к расцвету конспирологии.

¹Термин «экосистемы» используется для обозначения совокупности сервисов различных цифровых платформ.

Социальные сети зачастую выступают механизмом социального давления, активизируют оппозиционные движения, явления ксенофобии и национализма, способствуя формированию негативного социального капитала [17].

Р. Макнами, один из инвесторов *Facebook*, также критикует систему надзорного капитализма и считает, что компания *Meta Platforms* способствует разрушению либерально-демократических ценностей и активизирует разнообразные формы конфликтов. Сфера влияния у ИТ-корпораций и социальных сетей, в том числе в глобальных политических процессах, значительно больше, чем у традиционных средств массовой информации и государственных институтов. Последствия недооценки данного факта политическими элитами чреваты конфликтом между традиционными правительствами и технологическими либертарианцами. Выводы Р. Макнами подтверждаются исследованиями политического аналитика К. Уайли, участвовавшего в разработках компании *Cambridge Analytica*, использовавшей технологии глубинного анализа инструментов (*big data*) для создания психометрической базы данных пользователей социальных сетей в целях разработки стратегической коммуникации в ходе избирательных кампаний в интернете, позволяющей скрыто и эффективно манипулировать электоратом [18].

Американский техносоциолог З. Туфекчи, специализирующаяся на исследованиях влияния интернета и социальных сетей на политический активизм и революционные движения («твиттер-революции»), отмечала, что социальные медиа и интернет-технологии позволяют мобилизовать протестные акции и выводить на них десятки тысяч людей, координировать их действия и организовывать противостояние службам государственной внутренней безопасности, а также обеспечивать протестующих агитационной, финансовой и материальной базой. Традиционные методы противостояния таким протестным движениям со стороны правительств, включающие силовую разгон или блокировку доступа к сети, малоэффективны, они негативно влияют как на имидж официальной власти, так и на социально-экономическую систему общества, приводя к финансовым потерям в силу того, что современные бизнес-структуры включены в интернет-технологии. Однако молниеносная, ориентированная на нерелексивный психоэмоциональный отклик мобилизация огромного количества людей позволяет реализовывать только краткосрочные цели в отсутствие долгосрочных стратегий, легитимных лидеров и координаторов, что заведомо приводит к проигрышу [19].

По этим причинам в контексте исследований социального капитала актуализируется проблема сохранения, переосмысления ценностей и норм культурного, политического и социального порядка, а также необходимости включения аксиологических факторов в процесс трансформации гуманистических и экзи-

стенциальных аспектов общественного бытия в разряд ресурсов. В настоящее время социальный капитал, одной из особенностей которого является свойство неосязаемости, что вызывало определенные проблемы с его объективацией, институционализацией и инкорпорированием, переживает период кардинальной трансформации, вызванной четвертой промышленной (информационной) революцией. Цифровые экосистемы, социальные сети и кроссплатформенные мессенджеры позволяют социальному капиталу объективироваться, институализироваться, инкорпорироваться, а также конвертироваться в другие типы капитала путем создания системы социального рейтинга, включающей в себя базы данных экономических транзакций актора, истории его правонарушений, сети фолловеров и др. Как было отмечено ранее, информация (*big data*) о пользователях цифровых экосистем и социальных сетей в США и странах Западной Европы используется транснациональными корпорациями преимущественно в коммерческих целях: для изучения рынка, составления портрета целевой аудитории какого-либо товара или услуги, разработки и продвижения таргетированной рекламы и др. Исследователи отмечают возрастающую роль новых средств коммуникации и информации в разрешении политических вопросов.

Опыт Китая демонстрирует возможности современных технологий в формировании социальной системы нового порядка. Две крупнейшие цифровые экосистемы Китая *Alibaba Group* и *Tencent*, используя данные (*big data*) своей миллиардной аудитории, в 2010 г. создали базис для разработки и внедрения общегосударственной системы социального кредита для учета и оценки репутации людей, компаний и государственных служащих, включающей финансовые, политические, юридические и социальные кредитные рейтинги граждан, биометрические параметры и данные видеонаблюдения в единую комплексную оценку социальной надежности, основанной на доверии как на ключевой национальной ценности. В системе социального кредита снижение доверия в одной сфере влечет падение общего рейтинга. Конечной целью программы является формирование и закрепление определенных поведенческих паттернов у населения в разных сферах (от экологической до политической) путем неявного принуждения и поощрения, когда граждане с высоким рейтингом получают различные экономические и социальные преимущества в виде привилегий и бонусов. Социально-значимыми целями выступают предоставление доступа к финансовой сфере более широким слоям населения и поощрение добродетельных граждан. Сторонники системы отмечают, что она выстраивается на традициях коллективизма и солидаризма, поощряя баллами граждан за социально полезную деятельность и стремление к безопасности и стабильности, а ее ключевая

ценность и цель заключаются в формировании доверия как основополагающего принципа функционирования общества. Таким образом, система социального кредита Китая является примером попытки создания социального капитала нации в трех состояниях (по Бурдье): инкорпорированном (воспитание граждан согласно традиционным китайским ценностям коллективизма, солидаризма, патернализма, поддержа-

ния и соблюдения социальных иерархий и усвоение индивидами норм, способствующих росту уровня доверия и альтруистическому поведению), объективированном (количество баллов в рейтинге и возможность их конвертации в иные материальные и нематериальные блага), институализированном (формирование и маркирование групп согласно рейтингу буквенными обозначениями, цветом и др.) [20].

Заключение

В современных условиях концепция социального капитала фактически имеет трансдисциплинарный статус, поскольку она не только исследуется в контексте научного познания, но и задействуется в разрешении многофакторных проблем развития человека и общества. Трансдисциплинарный статус концепции позволяет синтезировать как достижения естественно-научного и социально-гуманитарного познания в целях проникновения в сущность феноменов социального капитала, так и различные дисциплинарные проблемно ориентированные направления исследований (социологический, экономический, политологический и психологический ракурсы), а также расширить сферу применения меж- и мультидисциплинарной методологии.

В настоящее время наблюдается качественная трансформация сложившейся структурной иерархии элементов сложной, саморазвивающейся и саморегулирующейся социальной системы, появляются новые сетевые уровни организации, порождающие новые уровни и параметры порядка, типы прямых и обратных связей, ведущих к образованию новой целостности, изменению процессов саморегуляции и перестройке блока управления всей социальной системой, что требует вовлечения в круг обсуждаемых проблем социального капитала экспертов как в науке, так и во всех областях жизнедеятельности общества и общественности. Данные изменения,

ставшие следствием четвертой промышленной революции и внедрения технологических инноваций во все сферы жизнедеятельности современных обществ, можно считать определенным фазовым переходом (НБИКС-конвергенцией), сопровождающимся появлением целого спектра направлений развития многоуровневой общественной системы, которая объединяет человека, общество, культуру, технико-технологическую среду и сложные информационно-коммуникационные компьютерные сети. Появление развитой ИТ-сферы и глобальных социальных сетей стало своеобразным аттрактором, ведущим социальную систему в новом направлении развития. ИТ-сфера, как результат информационной революции, породила феномены (социальные сети, способы сбора, обработки и использования данных, возможности манипуляции массовым сознанием), оказывающие обратное воздействие на социальную систему.

Изучение социального капитала в процессе радикальной трансформации социальной реальности в условиях формирования информационного общества неразрывно связано с поиском оптимальной стратегии и возможных направлений преобразования социума, напрямую затрагивающего гуманистические принципы и ценности, что требует комплексного подхода к исследованиям этого капитала с участием специалистов из области философии.

Библиографические ссылки

1. Hanifan LJ. State supervisor of rural schools. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* [Internet]. 1916 [cited 2018 April 21];67. Available from: http://www.jstor.org/stable/1013498?seq=1#page_scan_tab_contents.
2. Стёпин ВС. *Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различения* [Интернет]. 2009 [процитировано 16 апреля 2023 г.]. Доступно по: https://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika_neklassika_iostneklassika.pdf.
3. Пригожин И. *Философия неустойчивости* [Интернет]. 2006 [процитировано 16 апреля 2023 г.]. Доступно по: <https://gtmarket.ru/library/articles/875>.
4. Уилсон ЭО. *О природе человека*. Новикова ТО, переводчик. Москва: Кучково поле; 2015. 349 с.
5. Далай-лама XIV, ван ден Майзенберг Л. *Путь истинного лидера*. Яцюк Н, переводчик; Дорофеев В, редактор. Москва: Альпина бизнес букс; 2012. 297 с.
6. Малиновский БК. *Избранное: динамика культуры*. Николаев ВГ, Порус ВН, Трубочкин ДВ, переводчики. Москва: Центр гуманитарных инициатив; 2015. 464 с.
7. Мосс М. *Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах* [Интернет]. 2009 [процитировано 19 апреля 2023 г.]. Доступно по: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf.
8. Поланьи К. *Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. Васильев АА, Федоров СЕ, Шурбелев АП, переводчики; Федоров СЕ, редактор. Санкт-Петербург: Алетейя; 2002. 311 с.
9. Бурдье П. *Практический смысл*. Шматко НА, переводчик. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. 562 с.
10. Бурдье П. *Формы капитала*. Добрякова МС, переводчик. *Экономическая социология* [Интернет]. 2002 [процитировано 23 апреля 2014 г.];3(5). Доступно по: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf.
11. Коулман Дж. *Капитал социальный и человеческий. Общественные науки и современность*. 2001;3:122–139.

12. Putnam RD. *Social capital: measurement and consequences* [Internet]. 2010 [cited 2018 April 21]. Available from: <http://www.oecd.org/innovation/research/1825848.pdf>.
13. Putnam RD. Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy* [Internet]. 1995 [cited 2018 April 21];6(1). Available from: <http://xroads.virginia.edu/~HYPER/detoc/assoc/bowling.html>.
14. Фукуяма Ф. *Доверие: социальные добродетели и путь*. Травин Д, переводчик. Москва: АСТ; 2004. 730 с.
15. Фукуяма Ф. *Конец истории и последний человек*. Левин МБ, переводчик. Москва: АСТ; 2004. 588 с.
16. Зубофф Ш. *Эпоха надзорного капитализма. Битва за человеческое будущее на новых рубежах власти*. Васильев АФ, переводчик. Москва: Издательство Института Гайдара; 2022. 784 с.
17. Паризер Э. *За стеной фильтров. Что Интернет скрывает от вас?* Шириков А, переводчик. Москва: Альпина бизнес букс; 2012. 304 с.
18. McNamee R. *Before it fixes us ow to fix Facebook* [Internet]. 2018 [cited 2021 August 31]. Available from: <https://washingtonmonthly.com/magazine/january-february-march-2018/how-to-fix-facebook-before-it-fixes-us/>.
19. Tufekci Z, Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: observations from tahrir square. *Journal of Communication*. 2021;62(2):363–379.
20. Дедолко ЮВ. Социальный капитал в системе социального кредитования: опыт КНР. В: Зеленков АИ, редактор. *Перспективы белорусско-китайского диалога в условиях глобальной нестабильности. Сборник научных статей и материалов XV Международного междисциплинарного научно-теоретического семинара «Инновационные стратегии в современной социальной философии», 7–8 декабря 2021 г., Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2021. с. 102–110.

References

1. Hanifan LJ. State supervisor of rural schools. *The Annals of the American Academy of Political and Social Science* [Internet]. 1916 [cited 2018 April 21];67. Available from: http://www.jstor.org/stable/1013498?seq=1#page_scan_tab_contents.
2. Stepin VS. *Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya* [Classics, non-classics, post-non-classics: criteria for difference] [Internet]. 2009 [cited 2023 April 16]. Available from: https://iphras.ru/uplfile/root/stepin/klassika_neklassika_iostneklassika.pdf. Russian.
3. Prigozhin I. *Filosofiya nestabil'nosti* [Philosophy of instability]. [Internet]. 2006 [cited 2023 April 16]. Available from: <https://gtmarket.ru/library/articles/875>. Russian.
4. Wilson EO. *O prirode cheloveka* [On human nature]. Novikova TO, translator. Moscow: Kuchkovo pole; 2015. 349 p. Russian.
5. 14th Dalai Lama, van den Meisenberg L. *Put' istinnogo lidera* [The path of a true leader]. Yatsyuk N, translator; Dorofeev V, editor. Moscow: Alpina Business Books; 2012. 297 p. Russian.
6. Malinowski BK. *Izbrannoe: dinamika kul'tury* [Selected: the dynamics of culture]. Nikolaev VG, Porus VN, Trubochkin DV, translators. Moscow: Tsentr gumanitarnykh initsiativ; 2015. 464 p. Russian.
7. Mauss M. *Ocherk o dare. Forma i osnovanie obmena v arkhaischeskikh obshche-stvakh* [Essay on the gift. Form and basis of exchange in archaic societies] [Internet]. 2009 [cited 2023 April 19]. Available from: http://anthro-economicus.narod.ru/files/Moss_Present.pdf. Russian.
8. Polanyi K. *The great transformation. The political and economic origins of our time*. Vasil'ev AA, Fedorov SE, Shurbelev AP, translators; Fedorov SE, editor. Saint Petersburg: Aleteiya; 2002. 311 p. Russian.
9. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [Practical reason]. Shmatko NA, translator. Saint Petersburg: Aleteiya; 2001. 562 p. Russian.
10. Bourdieu P. [Forms of capital]. Dobryakova MS, translator. *Ekonomicheskaya sotsiologiya* [Internet]. 2002 [cited 2014 April 23];3(5). Available from: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208205039/ecsoc_t3_n5.pdf. Russian.
11. Coleman J. [Social and human capital]. *Social sciences and contemporary world*. 2001;3:122–139. Russian.
12. Putnam RD. *Social capital: measurement and consequences* [Internet]. 2010 [cited 2018 April 21]. Available from: <http://www.oecd.org/innovation/research/1825848.pdf>.
13. Putnam RD. Bowling alone: America's declining social capital. *Journal of Democracy* [Internet]. 1995 [cited 2018 April 21];6(1). Available from: <http://xroads.virginia.edu/~HYPER/detoc/assoc/bowling.html>.
14. Fukuyama F. *Doverie: sotsial'nye dobrodeteli i put'* [Trust: the social virtues and the creation of prosperity]. Travin D, translator. Moscow: AST; 2004. 730 p. Russian.
15. Fukuyama F. *Konets istorii i poslednii chelovek* [The end of history and the last man]. Levin MB, translator. Moscow: AST; 2004. 588 p. Russian.
16. Zuboff Sh. *Epokha nadzornogo kapitalizma. Bitva za chelovecheskoe budushchee na novykh rubezhakh vlasti* [The age of surveillance capitalism. The fight for a human future at the new frontier of power]. Vasil'ev AF, translator. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara; 2022. 784 p. Russian.
17. Pariser E. *Za stenoi fil'trov. Chto Internet skryvaet ot vas?* [The filter bubble. What the Internet is hiding from you?]. Shirikov A, translator. Moscow: Alpina Business Books; 2012. 304 p. Russian.
18. McNamee R. *Before it fixes us ow to fix Facebook* [Internet]. 2018 [cited 2021 August 31]. Available from: <https://washingtonmonthly.com/magazine/january-february-march-2018/how-to-fix-facebook-before-it-fixes-us/>.
19. Tufekci Z, Wilson C. Social media and the decision to participate in political protest: observations from tahrir square. *Journal of Communication*. 2021;62(2):363–379.
20. Dedolko YuV. [Social capital in the system of social credit: China's experience]. In: Zelenkov AI, editor. *Perspektivy belorussko-kitayskogo dialoga v usloviyakh global'noi nestabil'nostiy. Sbornik nauchnykh statei i materialov XV Mezhdunarodnogo mezhdistsiplinarnogo nauchno-teoreticheskogo seminar «Innovatsionnye strategii v sovremennoi sotsial'noi filosofii», 7–8 dekabrja 2021 g., Minsk, Belarus'* [Prospects for Belarusian-Chinese dialogue in conditions of global instability. Collection of scientific articles and materials of the XV International Interdisciplinary Scientific and Theoretical Seminar «Innovative Strategies in Modern Social Philosophy», 2021 December 7–8, Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2021. p. 102–110. Russian.

Статья поступила в редколлегию 12.04.2023.
Received by editorial board 12.04.2023.

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ЭТНОГРАФИИ КАК РАЗНОВИДНОСТИ ЭТНОГРАФИИ В СОЦИОЛОГИИ

Е. И. ЖЕШКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрены установки и принципы цифровой этнографии как разновидности этнографии в социологии. Ее методология используется для изучения социальных и культурных аспектов виртуальных сообществ. Описаны основные особенности цифровой этнографии, которые выявлены путем сравнения данной методологии с этнографией в социологии. Отражено то, что цифровая этнография сохраняет преемственность ряда установок и принципов этнографии в социологии, адаптируя их под новый специфический объект исследования.

Ключевые слова: виртуальные сообщества; методология; этнография; цифровая этнография; коммуникация; качественные исследования.

FEATURES OF DIGITAL ETHNOGRAPHY AS A VARIETY OF ETHNOGRAPHY IN SOCIOLOGY

Y. I. ZHESHKA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The attitudes and principles of digital ethnography as a kind of ethnography in sociology are considered. Its methodology is used to study the social and cultural aspects of virtual communities. The article describes the main features of digital ethnography by comparing this methodology with ethnography in sociology. At the same time, the article reflects the fact that digital ethnography preserves the continuity of a number of attitudes and principles of ethnography in sociology, adapting them to a new specific object of research.

Keywords: virtual communities; methodology; ethnography; digital ethnography; communication; qualitative research.

Введение

В современном мире наблюдается активный рост числа статей, связанных с исследованием интернета (*Internet studies*). Особую популярность в указанной междисциплинарной области получило рассмотрение виртуальных сообществ [1]. Г. Рейнгольд, который положил начало изучению данных сообществ, определял их как социальное образование, появляющееся на основе практики компьютерно-опосредованных коммуникаций в интернете, когда достаточное коли-

чество людей с присущими им чувствами долгое время принимают участие в публичной дискуссии, чтобы сформировать личные отношения в виртуальном пространстве. Именно в рамках виртуальных сообществ производится значимая часть современных знаний. В связи с этим данные сообщества становятся «живой энциклопедией», помогающей своим членам получить конкретную информацию, экспертное мнение или указать на нужный ресурс [2, p. 57].

Образец цитирования:

Жешко ЕИ. Особенности цифровой этнографии как разновидности этнографии в социологии. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;3:51–58.
EDN: IWYCYB

For citation:

Zheshka YI. Features of digital ethnography as a variety of ethnography in sociology. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;3:51–58. Russian.
EDN: IWYCYB

Автор:

Егор Иванович Жешко – аспирант кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Н. В. Ефимова.

Author:

Yahor I. Zheshka, postgraduate student at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.
yahor.zheshka@gmail.com

Для того чтобы виртуальные сообщества продолжали производить знания и помогали передавать информацию, необходимо подробнее изучить особенности их работы, целевую аудиторию, процессы коммуникации и другие аспекты.

В настоящий момент в большинстве случаев для изучения цифровых миров нет подходящего готового арсенала инновационных методов исследования. В связи с этим ключевым трендом является адаптация традиционных методов социальных исследований к изучению виртуальных сообществ [3]. Кроме того, в научной среде наблюдается развитие качественных методов исследования¹. Цифровая этнография стала первым методом, который был адаптирован и применен исследователями при рассмотрении виртуальных сообществ. Именно он помогает изучить современное цифровое пространство с учетом многообразия сосредоточенных в нем виртуальных сообществ, а затем сформировать общую для данного явления теорию [4]. Цифровая этнография ориентируется на то, что люди при погружении в среду могут понять контексты, которые они не определили бы

с помощью других методов. Ученые успешно используют данный метод при обобщении: они раскрывают особенности определенного типа сообщества, а затем создают итоговую теорию, которая должна быть ориентирована на дальнейшее углубление, как и предполагают все качественные методы². Несмотря на этот факт, на данный момент цифровая этнография (*digital ethnography*), будучи методом изучения виртуальных сообществ и их представителей, применяется и исследуется реже такого количественного метода, как массовый стандартизированный онлайн-опрос (*online survey*). Это подтверждает и поиск научной литературы на платформе научных цитирований *Google Scholar*, предоставляющей возможность обнаружить все публикации независимо от качества журналов, в которых они размещены [5]. Запрос *digital ethnography* выдает 111 000 результатов, тогда как запрос *online survey of virtual communities* – 2 110 000 результатов. В данной статье рассматриваются особенности цифровой этнографии как разновидности этнографии в социологии, применяемой для исследования современных виртуальных сообществ.

Материалы и методы исследования

Материалами исследования послужили работы отечественных и зарубежных авторов по этнографии в социологии, а также по цифровой этнографии. В качестве метода исследования был использован

метод теоретического анализа. Общенаучные методы анализа, синтеза и сравнения позволили выявить особенности цифровой этнографии в сравнении с этнографией в социологии.

Результаты и их обсуждение

Понятие «этнографический метод» может быть раскрыто в трех аспектах: как научная дисциплина, как специфический жанр исследований и как особая методология исследования культуры [6]. В целом этнография, как научная дисциплина, занимается изучением происхождения и расселения этносов, их быта и культуры³. Выступая в роли методологии, этнография представляет собой систематичное изучение народов мира на основе включенного наблюдения при длительных полевых исследованиях. В задачи этнографии входят сбор и описание сведений о духовной и материальной культуре, а также их презентация и интерпретация⁴. Данный метод заинтересовал социологов, установивших, что этнос выступает особой формой общества, в котором коллективная идентичность является максимальной, тотальной и всеобъемлющей [7, с. 15]. В связи

с этим ученые из Европы создали междисциплинарную науку – этносоциологию, используемую как метод исследования, который подразумевает погружение исследователей в конкретные социальные условия на длительное время для более глубокого понимания динамики и сложностей социальной жизни, социальных отношений и функционирования общества⁵ [8]. В США, как отмечали в своем исследовании П. В. Романов и Е. Р. Ярская-Смирнова, в традиционной этнографии в социологии предметом изучения становится культурная группа (или простой этнос). На основании результатов исследователь строит системы и классификации более обобщенных культурных и социальных явлений [9, с. 12, 96]. Этот тезис можно подкрепить и мнением американского исследователя Д. Рода, отметившего в качестве двух основных при-

¹Практики анализа качественных данных в социальных науках / под ред. Е. В. Полухиной. М. : Издат. дом Высш. шк. экономики, 2023. 383 с.

²*Boellstroff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L. Ethnography and virtual worlds: a handbook of method. Princeton : Princeton University Press, 2012. 237 p.*

³Этнография // Большой энцикл. слов. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedu.ru/bigencdic/74312/> (дата обращения: 14.04.2023).

⁴Тишков В. А. Этнография // Большая рос. энцикл. [Электронный ресурс]. URL: <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/4917000> (дата обращения: 14.04.2023).

⁵*Ethnography in sociology [Electronic resource]. URL: https://www.methods.manchester.ac.uk/themes/ethnographic-methods/ethnography-in-sociology/ (date of access: 14.04.2023).*

меров применения этнографии в социологии работы «Working-class white: the making and unmaking of race relations» и «Body and soul: notebooks of an apprentice boxer», посвященные изучению привилегированного белого класса и группы боксеров соответственно. В связи с этим в США за этнографией в социологии закрепилось название «культурная антропология»⁶. В свою очередь, отечественная традиция этнографии была сосредоточена на исследовании материальной и духовной культуры народов. Советские этносоциологи расширили толкование термина «культура» с опорой на его западное понимание. Они ушли от изучения исключительно народов и определяли культуру «не только как материальные и духовные продукты человеческой деятельности, но и как ценности, нормы, признанные способы поведения» или как «социально-этически нормированное человеческое самовыражение» (цит. по [8, с. 146]). В целом представители этих подходов используют в своих работах общепринятое название «этнография в социологии», которое будет употребляться и в настоящей публикации. Этнография в социологии базируется на том, что исследователь занимает максимально непредвзятую позицию, которая требует от него воздержания от выражения собственного мнения о рассматриваемом объекте. Общество необходимо изучать с точки зрения его членов, поэтому исследователям необходимо самим погрузиться в их быт. При взаимодействии с информантами антропологи осуществляют сбор объективных данных, изучают быт членов сообщества, в результате чего получают эмпирически достоверную информацию, которая могла быть скрыта намеренно или в силу неосведомленности [10]. Следовательно, исследователь может прийти к определенному выводу, подтвердить или опровергнуть «наложенные» на изучаемый объект социологические теории. Благодаря этому этнография в социологии позволяет формировать более глубокое понимание социального мира.

В данном тезисе можно выделить тот факт, что важной составляющей правильного этнографического эмпирического исследования в социологии является его связь с социологической теорией среднего уровня. При подборе теоретического материала для основы цифрового этнографического исследования существует три популярных подхода: выбор устоявшейся социологической теории, выбор философской идеи с ретроспективным анализом ее развития, выбор интересующей формулировки⁷ [11]. В результате анализа и сравнения русско- и англоязычных научных публикаций исследователи установили,

что западные специалисты в большей степени, чем российские, ориентированы на рассмотрение явлений этнического характера, а также на определение связи этих явлений с другими объектами социологического изучения, например социальной стратификацией, неравенством в сфере занятости и образования. В русскоязычном пространстве также можно наблюдать связь эмпирических этносоциологических исследований с теорией. Однако существует обилие работ, в рамках которых этносоциология никак не соотносится с представленными социологическими теориями. Ученые утверждают, что, несмотря на это, этнография в социологии на данный момент приобретает черты социологии как науки в плане методов и основных принципов исследования [12].

Стоит обозначить, что в XXI в. двумя новыми трендами использования этнографии в социологии стали применение результатов исследований в сфере управления, а также изучение виртуальных сообществ как объектов анализа⁸ [8]. Цифровая этнография является разновидностью метода этнографии в социологии, благодаря чему она также может быть раскрыта как наука и как методология. В первом случае ее можно определить как сферу социальных наук, в которой изучаются культурные и социальные области человеческого взаимодействия, осуществляемого при помощи интернет-технологий⁹. Во втором случае она выступает методологическим подходом, в котором наблюдение за участниками является критическим элементом и исследование основывается на опыте, накопленном в данной области. Сейчас применение метода этнографии в социологии предполагает наличие высоких компетенций в сфере информационных технологий у исследователя, способствующих как коммуникации с респондентами, так и фиксации и анализу их ответов [11].

Этнография в социологии предполагает, что цели исследования будут касаться изучения социальных и культурных параметров жизни выбранного сообщества. В качестве других методологических принципов выделяют наличие у сообщества социокультурных характеристик, являющихся продуктом взаимодействия его членов; потенциальную возможность различий членов и внутренних подгрупп сообщества, которые можно четко определить при помощи методов сбора и интерпретировать в процессе последующего анализа информации; наличие особенностей социальной организации, важных для существования сообщества и известных его членам [10]. Таким образом, в данном случае под полем в этнографии

⁶Ethnography in sociology [Electronic resource]. URL: <https://www.methods.manchester.ac.uk/themes/ethnographic-methods/ethnography-in-sociology/> (date of access: 14.04.2023).

⁷Boellstroff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L. Ethnography and virtual worlds: a handbook of method. Princeton : Princeton University Press, 2012. 237 p.

⁸Ibid.

⁹What is digital ethnography? [Electronic resource]. URL: <https://www.elon.edu/u/academics/percs/digital-ethnography/> (date of access: 14.04.2023).

в социологии понимается среда, в которой осуществляется взаимодействие между индивидами (например, межэтническая среда, в которой контактируют этносы) [9, с. 85]. Иными словами, поле – это социокультурный мир, относительно автономный участок социального пространства, обладающий индивидуальной реальностью, порождаемой прямым или косвенным (через организации) взаимодействием людей [13, с. 32]. В цифровой этнографии существуют два типа полей: виртуальный мир социальных сетей, порталов и мессенджеров, в котором онлайн-пространство изоморфно физическому, или офлайн-пространству, и виртуальное пространство мира игр и виртуальной реальности, в котором данное отношение выражено в гораздо более слабой степени, поскольку это пространство совсем не напоминает привычное физическое [14]. В других обозначенных аспектах цифровая этнография аналогична этнографии в социологии: она направлена на детальный анализ социокультурного мира определенного сообщества с точки зрения его норм, традиций и ценностей. Выбор конкретного виртуального сообщества для изучения зависит от целей исследователя. В противовес этнографии в социологии цифровые поля, в отличие от дальних стран или городов или закрытых этносов, в большинстве случаев в определенной степени доступны и антропологу, и другим пользователям сети. Следует отметить, что речь не идет о равной доступности, поскольку вход в сообщество для антрополога, по сравнению с некоторыми пользователями интернета, может быть ограничен.

В целом этнография и ее цифровая разновидность применяются для детального изучения объекта при отсутствии возможности или необходимости использования других методов исследования [15]. Стоит определить, что, как и в случае с этнографической группой (например, племенем), в виртуальных сообществах может существовать разделение участников по уровням, обязанностям, ролям и другим основаниям. В такой ситуации можно говорить о появлении виртуальных сообществ более низких уровней иерархии. В зависимости от целей исследования на них может быть сделан акцент (как на гильдии в качестве частного случая виртуального сообщества в массовых многопользовательских ролевых онлайн-играх) либо они могут быть включены в исследование в целом как часть сообщества, если их особенностями можно пренебречь в соответствии с теоретическими обоснованиями.

Есть несколько главных принципов проведения исследования при помощи метода этнографии в социологии [15]. Одним из таких принципов является длительное нахождение в полевых условиях. В этнографии в социологии предполагается, что для всестороннего понимания жизни изучаемого объекта исследователю необходимо потратить много времени. Так, в результате погружения в среду антропологу откроется значительная часть

коммуникации, которая уходит в область «непроговариваемого», а также действия, воспринимающиеся участниками как «сами собой разумеющиеся», естественные [13, с. 92]. Другим принципом является включенное наблюдение, считающееся приоритетным способом получения данных. Это связано с тем, что социальная жизнь изучается не как статическое состояние, а как процесс, т. е. серия взаимосвязанных событий [13, с. 16]. Еще одним принципом можно назвать сбор данных в естественной среде. Он происходит с использованием неструктурированных методов, часто включен в повседневность (например, интервью проводится в виде беседы, наблюдение – в форме участия в общем деле). Это позволяет получить максимально достоверную информацию. К принципам также относится многообразие данных, собранных разными методами (наблюдение, интервью, анализ документов и визуальных данных), что требует дополнительного времени на их обработку и приведение к общему виду. Кроме того, исследователь находится в двойственной позиции: с одной стороны, он должен вжиться в роль члена сообщества и принимать активное участие в его практиках, а с другой стороны, ему необходимо абстрагироваться от ситуации и быть максимально объективным, держать дистанцию.

Работа по изучению виртуальных сообществ предполагает активное участие в процессе жизни сообщества (иммерсивности) и достижение мастерства [16]. Последний пункт говорит о том, что исследователь, не получивший хороших результатов в сфере, к которой относится сообщество, не сможет поучаствовать во множестве доступных ему событий и останется на начальном уровне знаний о быте этого сообщества. Данное положение относится к профессиональным виртуальным сообществам и виртуальным игровым сообществам с их требованиями к высокой компетенции для получения доступа ко всем функциям и событиям. Таким образом, выбор метода цифровой этнографии предполагает наличие барьера для неподготовленного исследователя при ориентации на изучение сообществ данного типа. Следует отметить, что в цифровой этнографии исследовательский вопрос может измениться в процессе исследования. Например, известные цифровые этнологи Т. Л. Тэйлор и Т. Бойлсторф ушли от своих первоначальных вопросов после второго этапа исследования [17, р. 37].

Исследование в обоих случаях проводится в несколько сходных этапов: этап накопления предварительной теории (ознакомление с литературой), этап определения методических параметров (формулирование исследовательского вопроса, цели и задач, объекта и места исследования), этап выбора исследовательской роли и получения доступа к полю и полевому этапу с последующим заключительным этапом анализа и интерпретации. Полевой этап разбивается на несколько последовательных стадий. Первая стадия – ознакомление

с сообществом. Здесь исследователь изучает сленг сообщества, знакомится с ним при просмотре обзоров сообщества или другой документации. Затем он входит в сообщество. Если оно является закрытым, то на данном этапе происходит первый контакт с представителями сообщества (чаще всего с его влиятельным членом). В основном на этом этапе исследователь занимается пассивным наблюдением с целью овладеть базовыми навыками и получить социальные и культурные знания для последующего плавного взаимодействия с изучаемым виртуальным сообществом¹⁰ [18]. Допускается возможность проведения информантами самонаблюдения. Предпочтительной формой интервью считается беседа [17, р. 41]. Вторая стадия – первичное участие в сообществе. На этом этапе исследователь начинает осваивать новое для себя пространство, осуществляет свои пробные интеракции с другими членами сообщества, старается расширить свое понимание ограниченных зон смысла, участвует в повседневной активности сообщества наравне с другими его членами. Он продолжает наблюдать за другими участниками, но пассивное наблюдение переходит в активную интеракцию, в участие самого индивида в процессах жизнедеятельности сообщества, а также в поиск информантов. Третья стадия – проведение этнографических интервью. Важным аспектом методологически верного исследования является построение выборки для последующего интервью. В этнографии в социологии выборка чаще всего проводится при помощи методов направленного отбора. Внимание исследователей фокусируется на случаях, изучение которых помогает достигнуть теоретической насыщенности. Выборка в этнографии в социологии основывается на следующем положении: «...индивиды, общество которых подлежит изучению, являются самым лучшим источником информации о том, как составить эмпирически обоснованную репрезентативную выборку этого общества»¹¹ [10, р. 388]. Частым принципом построения выборки при изучении виртуальных сообществ с помощью качественных методов в целом и цифровой этнографии в частности применяются метод снежного кома и выборка доступного случая [11]. В цифровой этнографии это дополняется тем, что в силу природы интернета информанты могут быть потеряны с гораздо большей вероятностью, поэтому выборка формируется с учетом возможности замены информантов, с которыми заранее обсуждаются вопросы дальнейшего интервью. Также на этом этапе исследователь изучает особенности сообщества, к которому он теперь принадлежит. Данный этап заканчивается вместе

с накоплением теоретической насыщенности: когда достигнута точка, в которой можно предвидеть ответы, тогда устанавливаются надежные шаблоны и формируется понимание культуры. Именно на этом этапе происходит становление исследователя как члена сообщества, погружение в повседневность изучаемой группы. Переход к следующему этапу осуществляется после того, как он определяется информантами в качестве хорошо известного участника сообщества. Четвертая стадия – проведение заключительного анализа. Осуществляются интерпретация результатов, кодирование, аналогичное методу обоснованной теории, и оформление результатов в более высокоуровневую теоретическую канву. В данном случае есть два подхода: включение полученных результатов в социологическую теорию или философскую концепцию, а также создание локализованного умеренного обобщения, которое будет актуально в течение некоторого времени для определенной культуры и социума, а не для всех людей в целом.

В большинстве случаев этнографическое исследование занимает более одного года¹². В цифровой этнографии исследования могут длиться менее шести месяцев, только если они не являются частью проведения более глобального исследования (проекта) или не создаются в целях обучения студентов и молодых ученых, демонстрации работы метода¹³. Как и антропологи в этнографии в социологии, исследователи в области цифровой этнографии используют коллекцию интервью, полевых заметок (дневников), в которых задокументированы многочасовые наблюдения участников, а также каталоги объектов и артефактов (в том числе виртуальных) для анализа. Наиболее важным методом сбора информации как в этнографии в социологии, так и в цифровой этнографии предстает наблюдение [19]. Различают простое (пассивная фиксация данных), включенное (проникновение в группу и активное участие в исследовании) и вызываемое (фиксация действия, инициированного исследователем) наблюдение. По количеству индивидов, за социальной интеракцией которых наблюдает исследователь, выделяют одиночное и групповое наблюдение. Для фиксации результатов наблюдения в этнографии в социологии используются полевые дневники, а также технические средства записи (кино- и видеокамеры, фотоаппараты) [11]. Среди них дневник играет важную роль, поскольку именно в нем отражается воздействие на жизнь изучаемого общества, а также то, как исследователь подвергается влиянию такой жизни [20]. События, излагаемые в форме дневника, могут иметь

¹⁰Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L. *Ethnography and virtual worlds: a handbook of method*. Princeton : Princeton University Press, 2012. 237 p.

¹¹Здесь и далее перевод наш. – Е. Ж.

¹²Ethnographic fieldwork [Electronic resource]. URL: <https://mmeo.hdo.utexas.edu/ethnographic/ethnographic-fieldwork/#:-:text=Ethnographic%20research%20is%20usually%20characterized,order%20of%20a%20few%20days/> (date of access: 14.04.2023).

¹³Boellstorff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L. *Ethnography and virtual worlds: a handbook of method*. Princeton : Princeton University Press, 2012. 237 p.

характеристики одного из трех стилей: реалистического (повествование ведется от третьего лица, приводятся основания, полученные из непосредственного опыта, рассказ ориентирован на объяснение повседневных событий), исповедального (отличаются от реалистического только тем, что повествование ведется от первого лица) и импрессионистского (в событиях описываются не объект или исследователь, а подробные процессы сбора данных, проведения полевого исследования). Дневниковые записи располагаются в хронологическом порядке, а также распределяются по степени важности или по тематике содержания (требования к информации, которая будет зафиксирована, задаются заранее). Дневник в таком случае предстает не реальным полем, а «полем, увиденным глазами исследователя» [21, р. 122]. В нем могут быть отражены эмоции антрополога, методологические проблемы и другие заметки, связанные с исследованием. Для фиксации информации в цифровой этнографии исследователи используют полевые заметки, видео- и аудиоматериалы, а также сохраняют «логи» чатов. Заметки являются обязательными, поскольку исследователь в живом формате должен выражать собственные эмоции и мысли, а также то, как, по его мнению, отреагировали на ту или иную социальную ситуацию другие члены сообщества в тот момент.

Интервью является вторым по важности методом сбора информации в этнографии в социологии. В процессе проведения этнографических интервью в цифровой этнографии исследователь узнает у информантов интересующие его факты и получает рассказы о личном опыте респондентов и культурной структуре сообщества (аналогично это происходит в этнографии в социологии). Акцент делается на получении максимально широкого релевантного опыта. Следует отметить, что в этнографии в социологии интервью должно проходить исключительно в уединенных местах [11]. В цифровой этнографии данное требование отсутствует. Напротив, взятие интервью в трактуре фэнтези-мира игры способствует погружению в этот мир: шум от чужих разговоров, фоновые звуки и музыка бардов создают особую атмосферу. С точки зрения цифровой этнографии интервью желательно проводить по каналу, выбранному информантом или, если того требует исследование, ученым. Так, антропологи, рассматривающие аватар как социальное воплощение индивида, привлекают информанта к личной беседе с помощью голосового чата внутри выбранного игрового пространства. Интервью можно проводить как в виртуальном сообществе, так и за его пределами. Некоторые исследователи намеренно берут интервью только в онлайн- или офлайн-среде, если у этого есть теоретические основания [11]. Интервью в этнографии в социологии и цифровой этнографии могут быть как индивидуальными, так и групповыми, делящимися на

непринужденные дискуссии (диалоги или полилоги, из которых можно изъять необходимую информацию при помощи наводящих вопросов или естественным путем) и фокус-группы, отобранные по принципам гомогенности релевантных признаков в зависимости от целей исследования [13, с. 236]. В обоих случаях подбор респондентов происходит пассивно или активно. При первом варианте размещаются объявления о наборе информантов в ключевых точках их нахождения (например, доска объявлений на рабочем месте или в здании гильдии в виртуальном игровом сообществе массовой многопользовательской онлайн-игры), при втором варианте исследователь сам находит респондентов в разных местах (например, на улице города в игре или офлайн-среде). Зачастую полезным становится рекрутмент «привратника» – индивида, помогающего в первичном вхождении в сообщество, в адаптации к принципам повседневной жизни, а также в дальнейшем изучении интересующего объекта. В интервью в этнографии в социологии вопросы выступают темами для обсуждения, руководство для такого интервью отсутствует. В цифровой этнографии интервью по форме чаще всего является полуструктурированным, реже – неструктурированным¹⁴. В обоих случаях респонденты должны иметь большой запас информации, а полнота и репрезентативность этнографического источника – восполняться включением в выборку других индивидов, не являющихся представителями данной этнической группы, но проживающих с ними рядом. Это помогает получить внешний взгляд на изучаемую группу, понять устойчивые отличительные черты их культуры и особенности репрезентации. Еще одним важным требованием для этнографии в социологии является запись биографических сведений [11]. В случае с цифровой этнографией сбор биографических данных является крайне нежелательным способом получения информации. Один и тот же пользователь может общаться с исследователями с разных аккаунтов (так называемых твинков). Кроме того, респондент может не захотеть раскрывать свою биографию. Все это приводит не только к затруднению проведения интервью, но и к полному отказу респондента от общения. Таким образом, в цифровой этнографии рекомендуется при исследовании придавать одинаковое значение различным формам самореализации человека (офлайн и онлайн).

Согласно обеим методологиям ход беседы необходимо фиксировать полностью. В этнографии в социологии оптимальным вариантом является параллельная запись материалов на диктофон и в тетрадь. В цифровой этнографии рекомендуется использовать диктофон (голосовое интервью) или программы записи звука и экрана, например *Open Broadcaster Software* или *Bandicam* (аудиовизуальное интервью). Также можно записывать ин-

¹⁴ Boellstropp T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L. Ethnography and virtual worlds: a handbook of method. Princeton : Princeton University Press, 2012. 237 p.

тервью текстом с соблюдением правил орфографии и пунктуации, при этом изменение оборотов речи, сленга и смысла сказанного в целом не допускается [13, с. 119]. Следует отметить, что исследователи рекомендуют проводить длительные встречи с информантами и повторять их для повышения доверия. Вопросы могут видоизменяться и добавляться по мере получения ответов. В случае, когда исследователь изучает повседневную жизнь респондента в виртуальном пространстве игры или метавселенной, интервью рекомендуется проводить без отрыва от обыденных занятий, поскольку в процессе такой коммуникации создается наиболее подходящая атмосфера и иммерсивность, аналогичные чаепитию или другим повседневным действиям, происходящим во время интервью в этнографии в социологии [6].

Выявление и фиксация вещественных источников рассматриваются как вспомогательный прием, обеспечивающий полноценное изучение культуры в этнографии в социологии. Всякий элемент материальной культуры (артефакт) несет в себе занятия, социальные связи, мировоззренческие мотивы и другие аспекты жизни индивида. Фиксация артефакта и того, что он отражает, происходит при помощи фото- и видеосъемки, текстового описания, реконструкции. Можно отметить отсутствие этапа работы с анализом артефактов и документов как обязательной части цифровой этнографии. В большинстве случаев данный этап актуален для виртуальных игровых миров и таких виртуальных сообществ, как блоги или социальные сети. Он является необязательным. Культурные детали с визуальным компонентом, например архитектурная эстетика, визуальные ссылки на поп-культуру или пространственные отношения между артефактами, дают полезную информацию. Респонденты выражают себя через то, как они строят свои виртуальные дома, ма-

газины и изменяют ландшафты, благодаря чему исследователи устанавливают, что в ряде виртуальных игровых сообществ работа по созданию и использованию артефактов, а также обмену ими становится основной социальной деятельностью¹⁵.

Выявление и изучение документальных материалов помогает получить дополнительную информацию о рассматриваемой группе людей и взглянуть на историческую ретроспективу. Они расширяют понимание образования, специальностей, хозяйственных занятий, видов собственности и особенностей материальной культуры этих групп. Этап анализа документов в цифровой этнографии является необязательным, но следует отметить, что каждый из них необходимо загрузить на компьютер и заархивировать, поскольку в дальнейшем он может быть удален или видоизменен¹⁶. Некоторые сообщества, например *Reddit*, не позволяют увидеть посты определенной давности, в связи с чем исследователю необходимо овладеть парсерами или использовать другие инструменты для доступа к материалам. Сбор и анализ документов заменяется анализом журналов чатов и чтением форумов, мессенджеров и веб-сайтов, посвященных игре, сообществу, сфере или гильдии [16].

Таким образом, в современном мире, где большинство людей используют цифровые технологии в повседневной жизни, изучение виртуальных сообществ становится все более актуальным процессом. Цифровая этнография в данном случае предстает как разновидность этнографии в социологии, которая позволяет изучать социальные и культурные аспекты виртуальных сообществ и обладает рядом отличий от этнографии в социологии. Благодаря ей исследователь может получить доступ к глубинным знаниям о социальных взаимодействиях внутри сообщества, в том числе о традициях, нормах, ценностях и мнениях его участников.

Библиографические ссылки

1. Taiquan Peng, Lun Zhang, Zhijin Zhong, Zhu JH. Mapping the landscape of internet studies: text mining of social science journal articles 2000–2009. *New Media & Society*. 2013;15(5):644–664. DOI: 10.1177/1461444812462846.
2. Rheingold H. The virtual community: homesteading on the electronic frontier. Massachusetts: The MIT Press; 2000. 447 p.
3. Markham A. Fieldwork in social media. *Qualitative Communication Research*. 2013;2(4):434–446. DOI: 10.1525/qcr.2013.2.4.434.
4. Полуван ЮЛ. Цифровая этнография в исследованиях фанатских онлайн-сообществ. *Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования*. 2021;2:68–72.
5. Миронцов ИВ. Эффективность онлайн-обучения как компонента высшего образования (на основе количественного метаанализа). *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;2:68–74.
6. Кистова АВ. Этнографический метод в социально-гуманитарных исследованиях. *Современные проблемы науки и образования* [Интернет]. 2013 [процитировано 14 апреля 2023 г.];6. Доступно по: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10495>.
7. Грибанова НС. Методика полевых этнографических исследований [Интернет]. 2020 [процитировано 14 апреля 2023 г.]. Доступно по: https://etnodesant.altspu.ru/load/folders/metod/fieldmethods/Грибанова_Методика%20полевых%20исследований.pdf.
8. Романов ПВ, Ярская ЕР. «Делать знакомое неизвестным...»: этнографический метод в социологии. *Социологический журнал*. 1998;1–2:161–175.
9. Дугин АГ. *Этносоциология*. Москва: Академический проект; 2011. 318 с.
10. Gold RL. The ethnographic method in sociology. *Qualitative Inquiry*. 1997;3(4):388–402. DOI: 10.1177/107780049700300402.

¹⁵Boellstroff T., Nardi B., Pearce C., Taylor T. L. *Ethnography and virtual worlds: a handbook of method*. Princeton : Princeton University Press, 2012. 237 p.

¹⁶Там же.

11. Taylor TL. Life in virtual worlds: plural existence, multi-modalities, and other online research challenges. *American Behavioral Scientist*. 1999;43(3):435–449.
12. Винер БЕ, Дивисенко КС. Российская этносоциология: границы, исследовательские области и исследовательские группирования. *Социология науки и технологий*. 2015;6(4):177–196.
13. Ильин ВИ. *Драматургия качественного полевого исследования*. Санкт-Петербург: Интерсоцис; 2006. 256 с.
14. Колозариди П, Щетвина А, Козловская А. *Метод: цифровая этнография* [Интернет]. 2020 [процитировано 14 апреля 2023 г.]. Доступно по: <http://mmbook-hse.ru/books/47/sections/558/>.
15. Полухина ЕВ. Этнографический метод в социологии [Интернет]. 2014 [процитировано 14 апреля 2023 г.]. Доступно по: https://www.hse.ru/data/2014/04/03/1317867582/%20Этнографический%20метод%20в%20социологии_1.pdf.
16. Nardi BA, Harris J. Strangers and friends: collaborative play in World of Warcraft. *International Handbook of Internet Research*. 2010;1:395–410.
17. Nardi BA. *My life as a night elf priest: an anthropological account of World of Warcraft*. Michigan: University of Michigan Press; 2010. 248 p. (Technologies of the imagination: new media in everyday life).
18. Nocera JA. Ethnography and hermeneutics in cybercultural research. *Journal of Computer Mediated Communication* [Internet]. 2002 [cited 2023 April 14]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/263464365_Ethnography_and_Hermeneutics_in_Cybercultural_Research/.
19. Boellstorff T. Rethinking digital anthropology. In: Horst HA, Miller D. *Digital anthropology* [Internet]. 2012 [cited 2023 April 14]. Available from: <https://sites.socsci.uci.edu/~tboellst/bio/Rethinking.pdf>.
20. Максимова АС. Анализ полевых дневников в контексте производства этнографических текстов. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2012;1:128–140.
21. Maanen JV. *Tales of the field. On writing ethnography*. 2nd edition. Chicago: Chicago Guides to Writing, Editing and Publishing; 2011. 232 p.

References

1. Taiquan Peng, Lun Zhang, Zhijin Zhong, Zhu JH. Mapping the landscape of internet studies: text mining of social science journal articles 2000–2009. *New Media & Society*. 2013;15(5):644–664. DOI: 10.1177/1461444812462846.
2. Rheingold H. *The virtual community: homesteading on the electronic frontier*. Massachusetts: The MIT Press; 2000. 447 p.
3. Markham A. Fieldwork in social media. *Qualitative Communication Research*. 2013;2(4):434–446. DOI: 10.1525/qcr.2013.2.4.434.
4. Polupan YuL. Digital ethnography in research on online fan communities. *Meditsina. Sotsiologiya. Filosofiya. Prikladnye issledovaniya*. 2021;2:68–72. Russian.
5. Mirontsov IV. The effectiveness of e-learning as a component of higher education (on the basis of quantitative meta-analysis). *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;2:68–74. Russian.
6. Kistova AV. Ethnographic method in the social and humanitarian research. *Modern Problems of Science and Education* [Internet]. 2013 [cited 2023 April 14];6. Available from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=10495>. Russian.
7. Gribanova NS. *Metodika polevykh etnograficheskikh issledovaniy* [Methods of field ethnographic research] [Internet]. 2020 [cited 2023 April 14]. Available from: https://etnodesant.altspu.ru/load/folders/method/fieldmethods/Gribanova_Methodika%20field%20ethnographic%20research.pdf. Russian.
8. Romanov PV, Yarskaya ER. [«Making the familiar unknown...»: an ethnographic method in sociology]. *Sociological Journal*. 1998;1–2:161–175. Russian.
9. Dugin AG. *Etnosotsiologiya* [Ethnosociology]. Moscow: Akademicheskii proekt; 2011. 318 p. Russian.
10. Gold RL. The ethnographic method in sociology. *Qualitative Inquiry*. 1997;3(4):388–402. DOI: 10.1177/107780049700300402.
11. Taylor TL. Life in virtual worlds: plural existence, multi-modalities, and other online research challenges. *American Behavioral Scientist*. 1999;43(3):435–449.
12. Wiener BE, Divisenko KS. Russian ethnosociology: borders, research areas and research groupings. *Sociology of Science and Technology*. 2015;6(4):177–196. Russian.
13. Il'in VI. *Dramaturgiya kachestvennogo polevogo issledovaniya* [Dramaturgy of qualitative field research]. Saint Petersburg: Intersotsis; 2006. 256 p. Russian.
14. Kolozaridi P, Shchetvina A, Kozlovskaya A. *Metod: tsifrovaya etnografiya* [Method: digital ethnography] [Internet]. 2020 [cited 2023 April 14]. Available from: <http://mmbook-hse.ru/books/47/sections/558/>. Russian.
15. Polukhina EV. *Etnograficheskii metod v sotsiologii* [Ethnographic method in sociology] [Internet]. 2014 [cited 2023 April 14]. Available from: https://www.hse.ru/data/2014/04/03/1317867582/%20Этнографический%20метод%20в%20социологии_1.pdf. Russian.
16. Nardi BA, Harris J. Strangers and friends: collaborative play in World of Warcraft. *International Handbook of Internet Research*. 2010;1:395–410.
17. Nardi BA. *My life as a night elf priest: an anthropological account of World of Warcraft*. Michigan: University of Michigan Press; 2010. 248 p. (Technologies of the imagination: new media in everyday life).
18. Nocera JA. Ethnography and hermeneutics in cybercultural research. *Journal of Computer Mediated Communication* [Internet]. 2002 [cited 2023 April 14]. Available from: https://www.researchgate.net/publication/263464365_Ethnography_and_Hermeneutics_in_Cybercultural_Research/.
19. Boellstorff T. Rethinking digital anthropology. In: Horst HA, Miller D. *Digital anthropology* [Internet]. 2012 [cited 2023 April 14]. Available from: <https://sites.socsci.uci.edu/~tboellst/bio/Rethinking.pdf>.
20. Maksimova AS. [Analysis of field diaries in the context of the production of ethnographic texts]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2012;1:128–140. Russian.
21. Maanen JV. *Tales of the field. On writing ethnography*. 2nd edition. Chicago: Chicago Guides to Writing, Editing and Publishing; 2011. 232 p.

УДК 159.9.072

ЛИЧНОСТНЫЕ ПРЕДИКТОРЫ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

О. Г. КСЁНДА¹⁾, А. Э. МАРЧЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Переживание одиночества в подростковом возрасте является одной из серьезных проблем возрастного развития. На этом этапе жизни перестраивается система ценностей, появляется чувство взрослости, что порождает новые переживания, в том числе переживание непонимания со стороны близких и, как следствие, переживание одиночества. В таком возрасте одиночество – это экзистенциальная проблема, его переживание находится на пике. Одиночество, как психическое состояние человека, возникает из-за отсутствия близких положительных эмоциональных связей с людьми и сопровождается глубоким (чаще негативно окрашенным) эмоциональным переживанием. Выявлены такие личностные предикторы переживания одиночества в подростковом возрасте, как акцентуация характера (дистимность, циклотимность, возбудимость) и личностные черты (импульсивность и эмоциональная нестабильность). Сочетание этих факторов приводит к более глубокому переживанию одиночества у подростков.

Ключевые слова: подростковый возраст; переживание одиночества; личностные предикторы переживания одиночества.

Образец цитирования:

Ксёнда О.Г., Марченко А.Э. Личностные предикторы переживания одиночества в подростковом возрасте. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;3:59–66.
EDN: JAANNK

For citation:

Ksionda OG, Marchenko AE. Personal predictors of loneliness in adolescents. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;3:59–66. Russian.
EDN: JAANNK

Авторы:

Ольга Григорьевна Ксёнда – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук.

Анна Эдуардовна Марченко – магистрант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – О. Г. Ксёнда.

Authors:

Olga G. Ksionda, PhD (psychology), docent; associate professor at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
olgaksionda@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4667-1099>

Anna E. Marchenko, master's degree student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences.
hxnnxmxrch@gmail.com

PERSONAL PREDICTORS OF LONELINESS IN ADOLESCENTS

O. G. KSIONDA^a, A. E. MARCHENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Nezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: O. G. Ksionda (olgaksionda@gmail.com)

The experience of loneliness in adolescence is one of the norms of age development. The system of values is rebuilt, a sense of adulthood appears, which gives rise to new experiences, including the experience of misunderstanding on the part of loved ones and, as a result, the experience of loneliness. Loneliness is a mental state of a person associated with the lack of close, positive emotional ties with people and or with the fear of losing them as a result of forced or psychologically caused social isolation, which is accompanied by a deep (often negatively coloured) emotional experience. Such personal predictors of experiencing loneliness in adolescence as character accentuation (distimism, cyclothymism, excitability) and personality traits (impulsivity and emotional instability) have been identified. The combination of these factors leads to a deeper experience of loneliness in adolescents.

Keywords: adolescence; the experience of loneliness; personal predictors of the experience of loneliness.

Проблема одиночества является глобальной экзистенциальной проблемой человечества. Переживание одиночества характерно для индивида в любом возрасте – от раннего детства до глубокой старости. В жизни существуют такие периоды, когда это переживание является тяжелым испытанием (раннее и дошкольное детство, поздняя зрелость и старость), а также моменты, когда переживание одиночества – некоторая норма развития (подростничество). Научное осмысление проблемы одиночества началось с философских размышлений о нем. Затем к ее исследованию подключились социологи и психологи. В 1989 г. в СССР вышло издание «Лабиринты одиночества» под общей редакцией Н. Е. Покровского, который в предисловии написал, что это «первое собрание материалов по проблемам одиночества, издаваемых на русском языке, представляет собой компендиум работ американских философов, социологов и социальных психологов» [1, с. 20]. Это сборник переведенных с английского языка статей, посвященных философскому осмыслению основных концепций объяснения одиночества, социологическому и психологическому анализу этой проблемы, которая названа «одной из самых острых в современной социальной жизни, затрагивающей изначальные основы человеческого бытия» [1, с. 4]. Интересное философское осмысление одиночества предложено доктором философских наук Г. М. Тихоновым [2], утверждающим, что одиночество вырастает из онтологической отделенности человека от своего мира, поэтому является элементарной потребностью человека как своеобразный противовес общности, необходимый для существования человека.

Психологические исследования переживания одиночества посвящены анализу этого феномена, выявлению его причин, поиску факторов, способствующих или препятствующих его появлению [3; 4]. Ученые сходятся в следующих мнениях: общественный фактор – ключевой источник глобального одиночества [5; 6]; одиночество в любом возрасте нега-

тивно влияет на психическое и физическое здоровье человека [7; 8]; застенчивость, раздражительность и депрессивность являются причинами, способствующими формированию переживания одиночества [9–11].

Среди множества психологических проблем молодежи в последние десятилетия проблема одиночества становится все более выраженной. В целом это переживание является естественным для подросткового и юношеского периодов. Оно связано с подготовкой к самостоятельной взрослой жизни и вступлением в нее, но для современного поколения оно стало одной из наиболее частых причин обращения в психологическую службу.

Подростковый период рассматривается как переход от детства к зрелости и описывается как критический, решающий возрастной период, который Л. С. Выготский назвал началом зрелой жизни. Возрастные рамки подростничества определяются границами с 10–11 лет до 15–16 лет. Перед индивидом в то время стоит принципиально новая задача: понять и принять предстоящий вход в самостоятельную жизнь. На протяжении данного периода изменяется отношение к миру и к самому себе. Именно этот возраст характеризуется зарождением новообразований, которые детерминируют развитие значимых личностных структур, появлением особых переживаний и кризисных моментов, формированием способности к самореализации в социально значимой деятельности, осознанному целеполаганию и планированию. У человека вырабатываются устойчивые свойства личности, нормализуются все психические процессы, он приобретает стабильный характер. Усвоенные знания, навыки и умения не только реализуются, но и получают свое дальнейшее развитие и творческое совершенствование. Начинается процесс профессионального самоопределения. Возникает потребность в самореализации, которая не всегда проходит гладко. Подростки одновременно хотят выразить себя, утвердиться в ближайшем окружении и приспособиться к изменяющимся условиям

жизни. Актуализация рефлексивности и личностной идентичности сопровождается переходом от детства к взрослости.

Подростничество – предпоследний возрастной период расширения круга общения. Коммуникация со сверстниками имеет для подростков очень большое значение. Вне общества сверстников, где взаимоотношения строятся принципиально на равных началах, а статус надо заслужить и уметь поддерживать, юноши и девушки не могут выработать необходимые для самостоятельной взрослой жизни коммуникативные качества. В этом возрасте появляются первые дружеские и любовные привязанности достаточно длительного, хотя преимущественно романтического характера. Сознание групповой принадлежности, солидарности, товарищеской взаимопомощи не только помогает подростку облегчить процесс обособления от взрослых, но и дает ему чрезвычайно важное чувство эмоционального благополучия и устойчивости. В результате проявляющегося в отрочестве чувства взрослости подросток осваивает новые для себя «взрослые» виды взаимодействий, чему способствует бурное телесное развитие и, следовательно, самоидентификация со взрослыми. Это существенно влияет на изменение отношений между мальчиками и девочками: они начинают проявлять интерес друг к другу как к представителю другого пола. С этими отношениями прежде всего связывается собственная внешность, т. е. в какой мере лицо, прическа, фигура, одежда и манера держать себя соответствуют половой идентификации «я как мужчина» и «я как женщина». В данном возрасте общение с родителями, учителями и другими взрослыми начинает складываться под влиянием возникающего чувства взрослости. Подростки сопротивляются ранее не вызывавшим протеста требованиям со стороны взрослых, активнее отстаивают свои права на самостоятельность, отождествляемую в их понимании со взрослостью. Они болезненно реагируют на реальное или кажущееся ущемление своих прав, пытаются пресечь претензии взрослых по отношению к себе. Большинство подростков в этот период, общаясь с родителями, часто конфликтуют с ними и испытывают трудности. Стоит отметить, что в подростковом возрасте встречается легкая возбудимость, происходит резкая смена настроения, обусловленная гормональной перестройкой, что может приводить к импульсивности, личностной нестабильности [12].

В то же время именно в подростковом возрасте обостряется потребность к обособлению, индивид стремится оградить свой уникальный мир от вторжения сторонних и близких людей, чтобы через рефлексию укрепить чувство личности для сохранения собственной индивидуальности и реализации своих притязаний на признание. Обособление, как средство удержания дистанции при взаимодействии с другими, позволяет молодому человеку сохранять свое лицо на эмоциональном и рациональном уровнях общения.

В процессе выхода из взросления благодаря переосмыслению своей жизни, переоценке ее сторон и своего места в ней вырабатывается новая система ценностей личности. Происходит перестройка отношений с другими людьми в частности и с миром в целом. Формирование личностной сферы подростка протекает в межличностном общении, когда выстраиваются отношения с близкими и незнакомыми людьми. Непонимание или отвержение в референтной группе или в кругу близких приводят к усилению переживания одиночества. Существенными факторами возникновения и развития чувства одиночества являются низкая самооценка подростка [13–16], выраженные нейротизм и застенчивость [17] и неразвитые коммуникативные характеристики [18]. Проблема одиночества характерна как для сельских, так и для городских детей, хотя у последних она выражена сильнее [19].

Таким образом, проблема переживания одиночества в подростковом возрасте актуальна для современной психологической науки. Накопление эмпирических данных позволит психологам и педагогам учебных заведений диагностировать проблемы подростков на более ранних этапах, проводить превентивные мероприятия с детьми и оказывать своевременную психологическую помощь.

Цель настоящего исследования – выявление личностных предикторов переживания одиночества в подростковом возрасте. Для ее реализации поставлены следующие задачи: определение личностных характеристик индивидов с различным уровнем переживания одиночества в подростковом возрасте, установление взаимосвязи личностных характеристик подростков и уровня переживания одиночества, выявление личностных предикторов переживания одиночества в подростковом возрасте.

Для сбора эмпирических данных применялись методика диагностирования уровня переживания одиночества, разработанная Д. Расселом и М. Фергюсоном, опросник для определения типа акцентуации личности, созданный Н. Шмишеком, а также пятифакторный личностный опросник для выявления структуры личности, разработанный Р. Маккрае и П. Коста и адаптированный А. Б. Хромовым. Кроме того, осуществлялся сбор социально-демографических данных (пол, возраст, место обучения, наличие (отсутствие) сиблингов, состав членов семьи, наличие (отсутствие) дополнительной занятости).

Для статистической обработки данных использовалась программа *SPSS Statistics 23*. Эта процедура включала в себя частотный анализ, определение описательных статистик и критерия согласия Колмогорова – Смирнова, корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена (r)), регрессионный анализ (линейная регрессия). Значимые различия рассчитывались с помощью непараметрических критериев: U -критерия Манна – Уитни и H -критерия Краскела – Уоллиса.

В качестве респондентов выступили школьники подросткового возраста (101 человек от 13 до 16 лет). Социально-демографические показатели выборки следующие: 64,4 % личностей женского пола (65 человек) и 35,6 % индивидов мужского пола (36 человек); 73 % респондентов проживают в полных семьях, 27 % опрашиваемых – в неполных семьях; у 34 % детей есть старшие брат и (или) сестра, у 30 % подростков – младшие брат и (или) сестра, у 17 % индивидов – старшие и младшие сиблинги, у 2 % опрашиваемых братья и (или) сестры такого же возраста, как они, и у 18 % человек в семье нет сиблингов; 54 % подростков посещали различные секции вне школы, а 46 % опрашиваемых не посещали их.

Частотный анализ результатов диагностики уровня переживания одиночества показал, что низкий уровень переживания одиночества имеют 47 % человек, средний – 34 % опрашиваемых и высокий – 19 % подростков. При этом статистических различий по социально-демографическим показателям у респондентов выявлено не было, в том числе различий между девочками и мальчиками ($U = 8610$). Таким образом, социально-демографические факторы не являются значимыми предикторами пережива-

ния одиночества в подростковом возрасте. Проблемы, связанные с этим феноменом, могут возникать в разных ситуациях и положениях. Это еще раз доказывает специфику подросткового периода, когда формирование личности проходит сложный психологический путь, на который влияют не столько внешние, сколько внутренние факторы.

Если говорить об индивидуально-личностных характеристиках испытуемых подростков, то выраженность акцентуаций характера (высокий уровень и уровень выше среднего) в выборке следующая: экзальтированность выявлена у 69 % опрашиваемых, гипертимность – у 63 % человек, застревание – у 62 % респондентов, эмотивность – у 59 % подростков, тревожность – у 47 % участников опроса, циклотимность – у 41 % личностей, педантичность – у 37 % индивидов, возбудимость – у 34 % человек, демонстративность – у 31 % респондентов и дистимность – у 17 % подростков.

С помощью пятифакторного личностного опросника, разработанного Р. Маккрае и П. Коста, были исследованы пять фундаментальных факторов (характеристик), позволяющих охарактеризовать структуру личности подростка (см. таблицу).

Доля респондентов с разной степенью выраженности личностных характеристик, %

Share of respondents with varying degrees of expression of personal characteristics, %

Характеристики	Степень выраженности личностных характеристик		
	Высокая степень	Средняя степень	Низкая степень
Экстравертированность	39	34	27
Привязанность	55	30	15
Контроль	37	46	17
Эмоциональность	57	23	20
Экспрессивность	63	31	6

На основе этих данных можно дать общую характеристику выборки. Подросткам свойственны экстравертированность (они любят развлечения и коллективные мероприятия, имеют большой круг друзей и знакомых, ощущают потребность в общении с людьми, с которыми можно и поговорить, и приятно провести время), высокий уровень привязанности (они позитивно относятся к людям, имеют потребность быть рядом с ними), эмоциональность и экспрессивность (они эмоционально неустойчивы, характеризуются импульсивными влечениями и легким отношением к жизни, их поведение часто может быть обусловлено ситуацией).

Для рассмотрения различий в индивидуально-личностных характеристиках подростков с высоким, средним и низким уровнями переживания одиночества использовался H -критерий Краскела – Уоллиса. Были установлены статистически значимые различия по показателям выраженности акцентуа-

ций гипертимности ($H = 9,574, p = 0,008$), дистимности ($H = 14,995, p = 0,001$), циклотимности ($H = 13,294, p = 0,001$) и возбудимости ($H = 21,284, p = 0$).

Стоит отметить, что значения всех перечисленных характеристик, кроме гипертимности, выше у респондентов с высоким уровнем переживания одиночества, а показатели акцентуации гипертимности, наоборот, выше у респондентов с низким уровнем переживания одиночества.

Выявленная закономерность может быть объяснена тем, что для гипертимного типа характерна активность, энергичность и оптимистичность, а также высокий жизненный тонус. Такие подростки коммуникабельны, инициативны и открыты, что позволяет им иметь достаточно большой круг общения. Детям хватает энергии и сил поддерживать необходимое количество социальных контактов, что помогает им удовлетворять потребность в общении, понимании и установлении эмоционально значимых контактов.

У дистимных, циклотимных и возбудимых подростков могут возникать определенные трудности в коммуникации, так как для них характерны некоторая напряженность и раздражительность при продолжительном общении с людьми, препятствующие удовлетворению потребности в эмоциональных контактах, но способствующие переживанию одиночества.

Установлены статистически значимые различия по факторам «теплота – равнодушие» ($H = 7,927, p = 0,019$), «настойчивость – слабоволие» ($H = 6,881, p = 0,032$), «самоконтроль – импульсивность» ($H = 8,508, p = 0,014$), «контроль» ($H = 6,483, p = 0,039$), «тревожность – беззаботность» ($H = 20,624, p = 0$), «напряженность – расслабленность» ($H = 12,168, p = 0,002$), «депрессивность – эмоциональная комфортность» ($H = 41,428, p = 0$), «самокритика – самодостаточность» ($H = 23,988, p = 0$), «эмоциональная лабильность – эмоциональная стабильность» ($H = 170,018, p = 0$) и «эмоциональность» ($H = 30,933, p = 0$).

По шкалам «экстравертированность», «экспрессивность» и «привязанность» статистически значимых различий между подростками с разным уровнем переживания одиночества не обнаружено.

Статистически значимые различия по шкале «теплота – равнодушие» означают, что у респондентов с низким уровнем переживания одиночества выше уровень теплоты по отношению к другим людям, чем у опрашиваемых с высоким уровнем переживания одиночества. Выявленная закономерность может объясняться тем, что подростки, которые переживают одиночество, могут по тем или иным причинам опасаться общения со сверстниками, например, из-за страха быть отвергнутым и непонятым, стать причиной насмешек. По этой причине подростки стараются как можно меньше контактировать с окружающими, проявляя равнодушие к социуму.

Значимые различия по шкале «настойчивость – слабоволие» показывают, что у респондентов с низким уровнем переживания одиночества сильнее проявляется настойчивость. Подростки с высоким уровнем переживания одиночества могут испытывать страх, тревогу и напряжение, поэтому не отстаивают свои интересы или собственное мнение в группе. Например, индивид боится высказаться из-за того, что сверстники примут его за странного человека или засмеют. Испытывая тревожность, подросток принимает решение не вмешиваться в ход событий и пустить все на самотек.

У респондентов с низким уровнем переживания одиночества выше уровень самоконтроля, о чем свидетельствуют различия по шкале «самоконтроль – импульсивность». Соответственно, у подростков с высоким уровнем переживания одиночества уровень самоконтроля ниже, поэтому для них характерны импульсивность, эмоциональная неустойчивость, они склонны к необдуманным реше-

ниям, что может осложнять взаимодействие с окружающими.

Различия по шкале «контроль» отражают, что у подростков с низким уровнем переживания одиночества наблюдается более высокий уровень самоконтроля, а дети с высоким уровнем переживания одиночества характеризуются импульсивностью, т. е. они эмоционально неустойчивы, склонны к необдуманным решениям, что может осложнять взаимодействие с окружающими и способствовать переживанию одиночества.

Статистически значимые различия по шкалам «тревожность – беззаботность», «напряженность – расслабленность» и «депрессивность – эмоциональная комфортность» показывают, что у опрашиваемых с высоким уровнем переживания одиночества выше уровни тревожности, напряженности и депрессивности, чем у респондентов с низким уровнем переживания одиночества.

Полученные данные согласуются с результатами исследования Г. Р. Шагивалеевой [20], установившей, что люди, которые считают себя одинокими, нередко объясняют ограниченность своих контактов недостатком навыков общения и неумелым поведением в различных ситуациях. Иначе говоря, подростки могут считать себя некомпетентными в сфере общения и предвосхищать негативный исход событий в процессе коммуникации, что может обуславливать рост напряженности и тревожности. Это приводит к ограничению социальных контактов и увеличивает риск возникновения такого состояния, как переживание одиночества. Кроме того, результаты настоящей работы перекликаются с данными исследования Л. Р. Абдурамановой и Т. В. Юдеевой, доказавших, что чем выше уровень боязни быть отвергнутым, тем выше уровень ощущения одиночества и наоборот [21]. Нежелание побыть в одиночестве и неозлобленность на окружающих, а страх быть не принятым ими фрустрирует потребность подростков в контактах в естественной среде.

Обнаруженные различия по шкале «самокритика – самодостаточность» означают то, что у респондентов с высоким уровнем переживания одиночества выше уровень самокритичности по отношению к себе, чем у респондентов с низким уровнем переживания одиночества. Различия по шкале «эмоциональная лабильность – эмоциональная стабильность» говорят о том, что у респондентов с высоким уровнем переживания одиночества выше уровень эмоциональной лабильности. Различия по шкале «эмоциональность» свидетельствуют о том, что у респондентов с высоким уровнем переживания одиночества выше уровень эмоциональной неустойчивости. Обобщая обнаруженные различия по данным шкалам, можно сделать вывод о более высокой эмоциональной нестабильности одиноких подростков. Схожие данные получены в исследованиях О. С. Забабуриной, Л. Р. Абдурамановой и Т. В. Юдеевой,

которые также указывали на наличие эмоциональной нестабильности у подростков, переживающих одиночество. Выявленная в настоящей работе закономерность может быть объяснена тем, что эмоциональная нестабильность сопровождается перепадами настроения, невозможностью контролировать собственные эмоции и импульсивностью. Таким подросткам достаточно сложно сдерживать себя при общении с другими людьми, что может затруднять эффективность коммуникации.

Кроме того, был проведен корреляционный анализ с целью определить наличие связей между индивидуально-личностными характеристиками и переживанием одиночества в подростковом возрасте. В ходе корреляционного анализа было выявлено, что это переживание имеет статистически значимую прямую взаимосвязь с акцентуациями дистимности ($r = 0,38, p = 0,0001$), циклотимности ($r = 0,45, p = 0,0001$), возбудимости ($r = 0,54, p = 0,0001$) и тревожности ($r = 0,20, p = 0,037$). Это означает, что чем выше уровень переживания одиночества, тем более выражены акцентуации дистимности, циклотимности, возбудимости и тревожности в подростковом возрасте.

Обнаружена статистически значимая сильная прямая взаимосвязь с индивидуально-личностными характеристиками «тревожность – беззаботность» ($r = 0,46, p = 0,0001$), «напряженность – расслабленность» ($r = 0,33, p = 0,001$), «депрессивность – эмоциональная комфортность» ($r = 0,62, p = 0,0001$), «самокритика – самодостаточность» ($r = 0,50, p = 0,0001$), «эмоциональная лабильность – эмоциональная стабильность» ($r = 0,46, p = 0,0001$), «эмоциональность» ($r = 0,57, p = 0,0001$) и «сензитивность – нечувствительность» ($r = 0,21, p = 0,032$).

Данные анализа говорят о том, что чем выше уровень переживания одиночества, тем более выражены тревожность, напряженность, депрессивность, самокритика, эмоциональная лабильность, эмоциональная нестабильность и сензитивность.

В результате регрессионного анализа было установлено, что переживание одиночества в подростковом возрасте определяется акцентуациями дистимности и циклотимности ($R^2 = 0,308$), акцентуацией возбудимости ($R^2 = 0,284$) и личностными чертами «импульсивность» и «эмоциональность» ($R^2 = 0,398$). Чем сильнее выражены акцентуации дистимности и циклотимности, тем выше склонность к формированию высокого уровня переживания одиночества.

Указанные коэффициенты детерминации описывают 30 % дисперсии поведения. Чем сильнее выражена акцентуация возбудимости, тем выше склонность к формированию высокого уровня переживания одиночества. Указанные коэффициенты детерминации описывают 28 % дисперсии поведения. Чем менее выражен контроль и чем более выражена эмоциональная нестабильность, тем выше склонность к формированию высокого уровня переживания одиночества. Указанные коэффициенты детерминации описывают 39 % дисперсии поведения.

Таким образом, в результате исследования обнаружены личностные детерминанты переживания одиночества в подростковом возрасте: акцентуации дистимности, циклотимности, возбудимости, личностные характеристики «импульсивность» и «эмоциональность». Подростки, обладающие данными чертами и отличающиеся этими акцентуациями, склонны к глубоким переживаниям одиночества. Дистимным детям свойственна замкнутость, они избегают больших компаний, но при этом нуждаются в любви, понимании, сочувствии и поддержке. Такие индивиды склонны к депрессиям и самообвинению, они имеют пессимистичные взгляды на жизнь. Циклотимные подростки отличаются перепадами настроения, что утомляет окружающих. Для возбудимого типа характерны импульсивность, раздражительность и нетерпимость к другим, а также неприятие критики. Они могут провоцировать конфликты, бурно и демонстративно выяснять отношения.

Импульсивность в сочетании с эмоциональностью приводит к тому, что подростки эмоционально недержанны, нетерпеливы, раздражительны, они проявляют безответственность, легкомысленность и обидчивость.

Перечисленные особенности поведения не способствуют расширению круга общения подростков и, соответственно, приводят к одиночеству и его тяжелому переживанию.

Полученные результаты важны для педагогов и психологов, работающих с подростками, так как позволяют диагностировать личностные особенности, которые являются предикторами их одиночества. При этом важно понимать, что проблема подросткового одиночества будет оставаться актуальной, потому что социальные и информационные изменения в обществе на данный момент ее не разрешают, несмотря на безграничные возможности виртуального общения.

Библиографические ссылки

1. Покровский НЕ, редактор. *Лабиринты одиночества*. Москва: Прогресс; 1989. 624 с.
2. Тихонов ГМ. Феномен одиночества: экзистенциальный аспект. *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2013;1(часть 1):183–186.
3. Слободчиков ИМ. Современные исследования переживания одиночества. *Психологическая наука и образование*. 2007;12(3):27–35.
4. Корчагина СГ. *Генезис, виды и проявления одиночества*. Москва: Московский психолого-социальный институт; 2005. 196 с.

5. Qualter P, Vanhalst J, Harris R, van Roekel E, Lodder G, Bangee M, et al. Loneliness across ontogeny. *Perspective on Psychological Science*. 2015;10:250–264. DOI: 10.1177/1745691615568999.
6. Victor CR, Keming Yang. The prevalence of loneliness among adults: a case study of the United Kingdom. *The Journal of Psychology*. 2012;146(1–2):85–104. DOI: 10.1080/00223980.2011.613875.
7. Holt-Lunstad J, Smith TB, Baker M, Harris T, Stephenson D. Loneliness and social isolation as risk factors for mortality: a meta-analytic review. *Perspectives on Psychological Science*. 2015;10(2):227–237. DOI: 10.1177/1745691614568352.
8. Бакалдин СВ. Эмоциональные особенности переживания одиночества. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3, Педагогика и психология*. 2008;5:229–232.
9. Заворотных ЕН. Социально-психологические детерминации одиночества как субъективного переживания. *Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена*. 2009;12:26–30.
10. Манакова ЕА. Индивидуально-личностные особенности переживания одиночества. В: Алтайский государственный университет. *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета. Материалы XXXVI научной конференции студентов, магистрантов, аспирантов и учащихся лицейных классов. Выпуск 6; 18–22 апреля 2009 г.; Барнаул, Россия*. 2009. Барнаул: Издательство Алтайского государственного университета; с. 269–271.
11. Редина АВ. Переживание одиночества и типологические особенности саморегуляции в процессе развития личности в раннем юношеском возрасте. *Мир науки. Педагогика и психология* [Интернет]. 2022 [процитировано 10 июня 2023 г.];10(2). Доступно по: <https://mir-nauki.com/PDF/29PSMN222.pdf>.
12. Фролова ОВ. Особенности развития детей подросткового и юношеского возраста. *Вестник Казанского государственного энергетического университета*. 2009;1:59–68.
13. Матвеева АО. Особенности субъективного переживания одиночества в подростковом возрасте. *Apriori. Серия: Гуманитарные науки*. 2015;3:1–10.
14. Андриенко ОА. Влияние уровня самооценки на переживание чувства одиночества в подростковом возрасте. *Балканское научное обозрение*. 2019;3(1):71–73.
15. Кошкаров ВИ, Бородина ВН, Кадетова ЛА. Исследование взаимосвязи одиночества и самооценки у подростков. *Сибирский педагогический журнал*. 2013;3:201–205.
16. Чифтчи Б. Проблемы одиночества и самооценка у подростков. *Научный журнал*. 2018;7:58–59.
17. Забабурина ОС. Особенности одиночества в подростковом возрасте. *Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки*. 2018;1:243–245.
18. Дедов НП, Комиссарова ОА. Социально-психологические особенности одиночества у современных подростков. *Вестник университета*. 2020;1:177–181. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-1-177-181.
19. Кольцова ИВ. Особенности социального одиночества городских и сельских подростков. *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Психология*. 2018;2:76–90.
20. Шагивалеева ГР. Одиночество и особенности его переживания студентами. *Казахский педагогический журнал*. 2003;2:55–60.
21. Абдураманова ЛР, Юдеева ТВ. Индивидуально-психологические особенности переживания одиночества в подростковом возрасте. *Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика, психология*. 2017;4:18–22.

References

1. Pokrovskii NE, editor. *Labirinty odinochestva* [Labyrinths of loneliness]. Moscow: Progress; 1989. 624 p. Russian.
2. Tikhonov GM. Solitude phenomenon: existential aspect. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2013;1(part 1):183–186. Russian.
3. Slobodchikov IM. Contemporary studies of loneliness. *Psychological Science and Education*. 2007;12(3):27–35. Russian.
4. Korchagina SG. *Genesis, vidy i proyavleniya odinochestva* [Genesis, types and manifestations of loneliness]. Moscow: Moscow Psychological and Social Institute; 2005. 196 p. Russian.
5. Qualter P, Vanhalst J, Harris R, van Roekel E, Lodder G, Bangee M, et al. Loneliness across ontogeny. *Perspective on Psychological Science*. 2015;10:250–264. DOI: 10.1177/1745691615568999.
6. Victor CR, Keming Yang. The prevalence of loneliness among adults: a case study of the United Kingdom. *The Journal of Psychology*. 2012;146(1–2):85–104. DOI: 10.1080/00223980.2011.613875.
7. Holt-Lunstad J, Smith TB, Baker M, Harris T, Stephenson D. Loneliness and social isolation as risk factors for mortality: a meta-analytic review. *Perspectives on Psychological Science*. 2015;10(2):227–237. DOI: 10.1177/1745691614568352.
8. Bakaldin SV. [Emotional features of experiencing loneliness]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3, Pedagogika i psikhologiya*. 2008;5:229–232. Russian.
9. Zavorotnykh EN. Social and psychological determinations of loneliness as subjective feeling. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2009;12:26–30. Russian.
10. Manakova EA. [Individual and personal features of experiencing loneliness]. In: Altai State University. *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. Materialy XXXVI nauchnoi konferentsii studentov, magistrantov, aspirantov i uchaschchikhsya litseinykh klassov. Vypusk 6; 18–22 aprelya 2009 g.; Barnaul, Rossiya* [Works of young scientists of the Altai State University. Materials of the 36th scientific conference of students, undergraduates, graduate students and students of lyceum classes. Issue 6; 2009 April 18–22; Barnaul, Russia]. Barnaul: Altai State University Press; p. 269–271. Russian.
11. Redina AV. Experience of loneliness and typological features of self-regulation in the process of personality development in middle adolescence. *World of Science. Pedagogy and Psychology* [Internet] 2022 [cited 2023 June 10];10(2). Available from: <https://mir-nauki.com/PDF/29PSMN222.pdf>. Russian.
12. Frolova OV. The specifics of the development of the teenagers and young persons. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo energeticheskogo universiteta*. 2009;1:59–68. Russian.
13. Matveeva AO. Features of the subjective experience of loneliness in adolescence. *Apriori. Series: Humanities*. 2015;3:1–10. Russian.
14. Andrienko OA. The influence of level of self-esteem on the experience of feelings of loneliness in adolescence. *Balkan Scientific Review*. 2019;3(1):71–73. Russian.

15. Koshkarov VI, Borodina VN, Kadetova LA. [Study of the relationship between loneliness and self-esteem in adolescents]. *Siberian Pedagogical Journal*. 2013;3:201–205. Russian.
16. Chiftchi B. [Problems of loneliness and self-esteem in adolescents]. *Nauchnyi zhurnal*. 2018;7:58–59. Russian.
17. Zababurina OS. Features of loneliness in adolescence. *Scientific Notes of the Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences*. 2018;1:243–245. Russian.
18. Dedov NP, Komissarova OA. Socio-psychological features of loneliness in modern teenagers. *Vestnik Universiteta*. 2020;1:177–181. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-1-177-181. Russian.
19. Koltsova IV. Peculiarities of social loneliness of urban and rural adolescents. *The Bulletin of the Samara Humanitarian Academy. A Series Psychology*. 2018;2:76–90. Russian.
20. Shagivaleeva GR. [Loneliness and features of its experience by students]. *Kazakhskii pedagogicheskii zhurnal*. 2003;2:55–60. Russian.
21. Abduramanova LR, Yudeeva TV. Individual psychological features of loneliness experience in adolescence age. *Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya*. 2017;4:18–22. Russian.

Статья поступила в редколлегию 06.04.2023.
Received by editorial board 06.04.2023.

ХАРАКТЕРИСТИКА МОТИВОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ СТУДЕНТАМИ С РАЗЛИЧНЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ

И. В. ТКАЧЁВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Изучены различия в силе мотивов использования электронных социальных сетей студентами с разными показателями коммуникативной компетентности. Гипотезой исследования являлось предположение о том, что у респондентов с высокими и низкими показателями коммуникативной компетентности мотивы использования электронных социальных сетей, в основе которых лежат социальные потребности, сильнее, чем у студентов со средними показателями коммуникативной компетентности. Для диагностики исследуемых феноменов проводилось офлайн-анкетирование в четырех университетах Беларуси ($n = 488$). Установлено, что у студентов со средними показателями коммуникативной компетентности мотивы использования электронных социальных сетей наиболее сильные. Полученные результаты вносят вклад в понимание роли коммуникативной компетентности студентов в мотивации использования электронных социальных сетей и могут применяться при разработке учебно-методических материалов по тематике цифровой коммуникации, а также при психологической коррекции проблемного использования электронных социальных сетей.

Ключевые слова: компетентность; коммуникативная компетентность; электронные социальные сети; мотивы использования электронных социальных сетей; социальный интеллект; эмоциональный интеллект; мотив аффилиации; студенты.

CHARACTERISTICS OF MOTIVES FOR THE USE OF ELECTRONIC SOCIAL NETWORKS BY STUDENTS WITH DIFFERENT INDICATORS OF COMMUNICATION COMPETENCY

I. V. TKACHOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article examines the differences in the intensity of motives for the use of electronic social networks by students with different indicators of communication competency. The hypothesis of the study was the assumption that students with high and low indicators of communication competency have stronger motives for using electronic social networks, which are based on social needs, than students with medium indicators of competency. To diagnose the phenomena under study, offline questionnaires were administered at four Belarusian universities ($n = 488$). It was found that students with average communication competency indicators have the strongest motives for using electronic social networks. The obtained results contribute to the understanding of the role of students' communication competency in motivating the use of electronic social networks and can be used for the development of teaching materials on the topics of digital communication, as well as for psychological correction of problematic use of electronic social networks.

Keywords: competency; communication competency; electronic social networks; motives for using electronic social networks; social intelligence; emotional intelligence; affiliation motive; students.

Образец цитирования:

Ткачѳв ИВ. Характеристика мотивов использования электронных социальных сетей студентами с различными показателями коммуникативной компетентности. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2023;3:67–82. EDN: HGVIEV

For citation:

Tkachov IV. Characteristics of motives for the use of electronic social networks by students with different indicators of communication competency. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2023;3:67–82. Russian. EDN: HGVIEV

Автор:

Иван Валентинович Ткачѳв – аспирант кафедры социальной и организационной психологии факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат психологических наук, доцент Г. А. Фофанова.

Author:

Ivan V. Tkachov, postgraduate student at the department of social and organisational psychology, faculty of philosophy and social sciences. tkachovivan13@gmail.com

Введение

Коммуникация людей является одним из центральных вопросов в психологии, поскольку благодаря общению происходит развитие человеческой психики и общества в целом. В связи с этим феномен коммуникативной компетентности, напрямую связанный с эффективностью коммуникации, не теряет своей актуальности. Особенно важен данный вопрос в контексте студенчества – периода перехода молодых людей к самостоятельной жизни и адаптации к новой социальной среде, что, как правило, сопровождается значительным стрессом. Следовательно, как никогда важны коммуникативные качества субъекта, позволяющие устанавливать социальные связи и приспосабливаться к новому окружению. Существуют исследования, подтверждающие, что коммуникативная компетентность студентов положительно связана с социальной адаптацией [1] и восприимчивой социальной поддержкой [2].

В настоящей работе под коммуникацией понимается отдельный ее вид – межличностная коммуникация. Она определяется в качестве трансактного социального взаимодействия посредством вербальных и невербальных символов как минимум двух индивидов, личностно ориентированных друг на друга, выступающих как субъектом, так и объектом по отношению друг к другу и к себе, а также создающих в ходе этого взаимодействия единое (до некоторой степени) смысловое пространство [3, с. 103]. Межличностной коммуникации свойственны такие характеристики, как отношенческая природа, диадность, обратная связь, многоконтекстность, психологичность и субъектность [3]. Поскольку процесс межличностной коммуникации не сводится к простой передаче и приему сообщений, а представляет собой многогранное социальное взаимодействие, целесообразно рассматривать коммуникативную компетентность в качестве сложного интегративного психологического образования, учитывающего разные стороны коммуникативного взаимодействия. Исходя из этого, в предыдущем теоретическом исследовании [4] на основе результатов анализа работ зарубежных и отечественных авторов в коммуникативную компетентность были включены социальный, эмоциональный интеллект и мотив аффилиации, образующие когнитивный, эмоциональный, поведенческий и мотивационный компоненты изучаемого феномена. Коммуникативную компетентность можно определить как интегративное психологическое образование, включающее способности, которые обеспечивают познание социальных явлений, понимание эмоций и управление ими, а также мотивацию общения с другими людьми и коммуникативное поведение, способствующее достижению поставленных субъектом коммуникативных целей [4, с. 91]. Названные когнитивные, аффективные и поведенческие стороны феномена будут способствовать до-

стижению выбранных индивидом целей при коммуникации в различных социальных контекстах. Стоит отметить, что указанное понимание межличностной коммуникации сближает ее с категорией общения, характерной для отечественной психологии. Межличностная коммуникация, как и общение, существует в контексте межличностных отношений и может реализовываться на различных уровнях – от формально-ролевого, инструментального до интимно-личностного, где происходит влияние субъектов друг на друга. С учетом вышесказанного в данной работе термины «коммуникация» и «общение» используются как эквивалентные.

Наличие проблемы коммуникативной компетентности студентов обусловило проявление интереса к вопросу о ее связи с такими виртуальными платформами, как электронные социальные сети (ЭСС), использование которых выступает частью повседневной жизни молодежи. Н. Б. Эллисон и Д. М. Бойд определяли ЭСС как сетевую коммуникационную платформу, участники которой, во-первых, имеют уникальные идентифицируемые профили, состоящие из контента, производимого самим пользователем, контента, предоставляемого другими пользователями, и (или) данных системного уровня; во-вторых, могут взаимодействовать с потоками пользовательского контента, предоставленного их контактами на сайте, и (или) потреблять, производить его; в-третьих, имеют возможность публично формировать связи, которые могут просматривать и исследовать другие пользователи [5, р. 158].

В рамках виртуального пространства можно быстро удовлетворять большое количество социальных потребностей, что и делает ЭСС востребованными. На фоне продолжающегося роста популярности данных платформ увеличивается интерес ученых к проблеме мотивов их использования. Она часто обсуждается в рамках теории использования и удовлетворения, возникшей в русле исследований традиционных массмедиа [6; 7]. Сегодня эта теория применяется для изучения современных социальных медиа. Основные ее положения заключаются в том, что пользователи активны, ориентированы на достижение целей и мотивированы на выбор тех социальных медиа, которые будут наилучшим образом удовлетворять их потребности [6], и это приводит к продолжению использования медиа [8]. Согласно Е. П. Ильину мотив есть психологическое образование, побуждающее к сознательным действиям и поступкам и служащее для них основанием (обоснованием) [9, с. 344]. Мотивация, представляющая собой процесс формирования мотива, проходит в несколько этапов: актуализация потребности, побуждающей к поисковой активности; поиск возможных целей и способов их достижения с учетом внешних и личностных факторов (знаний,

умений, убеждений, ценностей и т. д.); выбор конкретной цели и образование намерения совершить соответствующие действия [9].

Указанные трактовки коммуникативной компетентности и мотива позволяют предположить, что данные феномены связаны друг с другом. Поскольку ЭСС – это коммуникационные платформы, мотивация их использования будет детерминирована прежде всего социальными потребностями, в удовлетворении которых участвует коммуникативная компетентность. При формировании мотива происходит оценка субъектом своих качеств, влияющих на выбор цели и путей ее достижения. В связи с этим коммуникативная компетентность, актуализирующаяся в процессе социального взаимодействия, будет являться одним из факторов, способствующих или не способствующих выбору ЭСС в качестве альтернативного способа удовлетворения социальных потребностей, в основе которого лежат коммуникация с другими людьми и отношения между ними.

Проблема связи использования ЭСС с социально-психологическими характеристиками и личностными качествами субъектов часто рассматривается исходя из двух гипотез: социальной компенсации (бедный становится богаче) и социального усиления (богатый становится богаче). Одними из первых, кто высказал предположение о том, что интернет может быть в большей степени полезен для одних людей, чем для других, были К. Маккенна и Дж. А. Барг [10]. Авторы описали четыре основных отличия цифровой коммуникации от общения лицом к лицу: возможность общаться анонимно; более широкий диапазон выбора партнеров по общению; снижение влияния реальной внешности собеседников друг на друга; возможность асинхронной коммуникации, что дает больший контроль над процессом взаимодействия. Основываясь на этом, К. Маккенна и Дж. А. Барг допустили, что людям, испытывающим сильную тревогу при социальном взаимодействии лицом к лицу, будет легче общаться с другими людьми через интернет. Это связано с тем, что вызывающие тревогу стимулы, которые обычно присутствуют при реальном взаимодействии, в значительной степени нивелируются при виртуальной коммуникации. Авторы также предположили, что одинокие люди, которым не хватает социальных связей в реальной жизни, могут с большей вероятностью обращаться к интернету для установления отношений [10]. Эти изначальные суждения авторов впоследствии способствовали проведению других исследований, в результате которых был сформулирован более широкий комплекс предположений, образовавший гипотезу социальной компенсации. В целом данная гипотеза утверждает, что люди, сталкивающиеся с трудностями в межличностном взаимодействии лицом к лицу, будут в большей степени прибегать к компьютерно-опосредованной коммуникации и получать больше выгоды от нее.

В противовес гипотезе социальной компенсации Р. Краут с коллегами выдвинул гипотезу социального усиления, утверждающую, что от использования интернета большую выгоду получают более общительные субъекты, имеющие обширный запас социальных ресурсов в реальной жизни. Ученые основывались на результатах своего исследования, в ходе которого было обнаружено, что использование интернета экстравертами связано с ростом их самооценки, снижением одиночества, негативного аффекта и другими переменными. Также выявилось, что у тех, кто обладает высокой социальной поддержкой в реальной жизни, использование интернета связано с улучшением навыков применения компьютерных технологий и более тесной коммуникацией в семье [11]. Таким образом, согласно гипотезе социального усиления субъекты, которые являются успешными в социальном взаимодействии лицом к лицу и уже имеют обширный круг социальных связей, получают больше преимуществ от использования интернета. Дискуссии среди исследователей об использовании ЭСС и последствиях этого для разных людей в рамках гипотез социальной компенсации и социального усиления продолжаются до сих пор.

В данном контексте ученые могут фокусироваться как на особенностях использования ЭСС (например, на воспринимаемой интенсивности, продолжительности, частоте использования), так и на выгодах от него. В качестве таких выгод часто рассматривается показатель социального капитала в сети. Под ним понимаются материальные или нематериальные ресурсы, получаемые субъектом от своих онлайн-связей, которые могут приносить ему дополнительные социальные и психологические выгоды [12]. При этом индикатором социально богатых субъектов в исследованиях, опирающихся на гипотезу социального усиления, часто служит показатель экстраверсии. В исследованиях, проверяющих гипотезу социальной компенсации, часто фигурируют феномены социальной тревожности и одиночества, которые присущи социально бедным субъектам [13].

Существуют работы, подтверждающие и гипотезу социальной компенсации, и гипотезу социального усиления. Например, Сесилия Ченг и ее коллеги в результате проведения метаанализа обнаружили, что три группы людей используют ЭСС больше, чем другие. Ими являются экстраверты, которые, как правило, делают это в целях социального усиления; взрослые, которые проявляют социальную тревогу и, как правило, более психологически вовлечены в ЭСС в целях социальной компенсации; субъекты, которые чувствуют эмоциональное одиночество и проводят много времени в ЭСС, как правило, в целях социальной компенсации. Однако при этом выгоды, получаемые в результате использования ЭСС, неодинаковы для каждой группы. В частности, социальный капитал в сети не имеет связи

с социальной тревожностью, он положительно коррелирует с экстраверсией и отрицательно – с одиночеством [13]. Это подчеркивает то, что интенсивность, продолжительность и частота использования ЭСС не всегда порождают социальные выгоды от такого использования, ради которых субъекты могут проводить время в ЭСС.

Стоит отметить, что коммуникативная компетентность концептуально связана с экстраверсией, социальной тревожностью и уровнем одиночества, традиционно рассматриваемыми как показатели социально богатых и социально бедных субъектов. Исследования указывают на то, что данный феномен имеет положительную связь с экстраверсией [14] и отрицательную связь с одиночеством [15; 16], а социальная тревожность и близкие к ней конструкты могут изучаться в качестве показателей коммуникативной компетентности [17]. Кроме того, в исследовании Э. Э. Холленбо и ее коллег было выявлено, что социальный капитал субъекта, которым он обладает в реальной жизни, является положительным предиктором коммуникативной компетентности [18]. Это позволяет рассматривать высокую коммуникативную компетентность как индикатор социально богатых субъектов, а низкую коммуникативную компетентность как индикатор социально бедных индивидов. В связи с этим представляет интерес исследование мотивов использования ЭСС и коммуникативной компетентности студентов в контексте гипотез социальной компенсации и социального усиления.

Исходя из данной перспективы, можно предположить, что наиболее сильная мотивация использования ЭСС для удовлетворения социальных потребностей будет у студентов, обладающих низкими и высокими показателями коммуникативной ком-

петентности. В случае с низкой коммуникативной компетентностью, исходя из гипотезы социальной компенсации, невозможность полноценного удовлетворения социальных потребностей в реальной жизни из-за недостатка компетентности будет способствовать более интенсивному использованию ЭСС в качестве комфортного способа реализации социальных потребностей. В случае с высокой коммуникативной компетентностью, исходя из гипотезы социального усиления, студенты будут иметь более сильную мотивацию использования ЭСС, рассматривая их как дополнительные платформы для удовлетворения своих социальных потребностей и увеличения социальных ресурсов. Соответственно, самую слабую мотивацию использования ЭСС будут иметь студенты, обладающие средними показателями коммуникативной компетентности. Предполагается, что у данной группы респондентов это будет обусловлено более слабой связью коммуникативной компетентности с мотивацией использования ЭСС по сравнению со студентами с низкими и высокими показателями коммуникативной компетентности, так как на этих студентов соответствующие эффекты компенсации и усиления будут действовать сильнее.

Таким образом, цель данного исследования – выявление различий в силе мотивов использования ЭСС студентами с разными показателями коммуникативной компетентности. Исходя из вышеописанного, в рамках настоящего исследования была сформулирована следующая гипотеза: у студентов с низкими и высокими показателями коммуникативной компетентности мотивы использования ЭСС, в основе которых лежат социальные потребности, более сильные, чем у студентов со средними показателями коммуникативной компетентности.

Материалы и методы исследования

В качестве метода исследования использовался опрос (анкетирование). Его выбор был обусловлен тем, что в данной работе коммуникативная компетентность рассматривается с точки зрения диспозиционного подхода, в рамках которого диагностика феномена может производиться при помощи самоотчета [19]. Кроме того, в контексте теории использования и удовлетворения предполагается, что люди обладают достаточным уровнем самоанализа для того, чтобы сообщить о своих мотивах использования медиа, и это также позволяет исследовать мотивы использования ЭСС при помощи самоотчета [6].

Для диагностики коммуникативной компетентности применялись следующие опросники [4]: опросник социального интеллекта «тромсё», разработанный Д. Сильверой и его коллегами и адаптированный А. Д. Наследовым и А. Н. Шамаевым [20]; опросник эмоционального интеллекта «ЭмИн», созданный Д. В. Люсиным [21]; опросник аффилиативной тен-

денции и чувствительности к отвержению, разработанный А. Меграбяном и адаптированный М. Ш. Магомед-Эминовым [22]. Для измерения мотивов использования ЭСС применялся опросник «мотивы использования электронных социальных сетей», разработанный М. А. Пертегалем и его коллегами и адаптированный И. В. Ткачёвым и Г. А. Фофановой [23].

В качестве *когнитивного компонента* коммуникативной компетентности рассматриваются следующие переменные, измеряемые опросником социального интеллекта: обработка социальной информации (способность понимать поведение и предсказывать реакции других людей) и социальное осознание (социальная чувствительность, способность понимать социальные контексты и ситуации).

В *эмоциональный компонент* коммуникативной компетентности входит понимание эмоций (способность понимать и идентифицировать свои и чужие эмоции, указывающая на погруженность субъекта

в эмоциональную сферу). Данная переменная измерялась опросником эмоционального интеллекта.

Поведенческий компонент коммуникативной компетентности составляют следующие переменные, измеряемые опросниками социального и эмоционального интеллекта: социальные навыки (способность вступать в новые социальные ситуации, социальная гибкость и адаптивность) и управление эмоциями (способность к управлению своими и чужими эмоциями, отражающая навыки саморегуляции и воздействия на собеседника).

В качестве *мотивационного компонента* коммуникативной компетентности рассматриваются переменные, измеряемые опросником мотива аффилиации: стремление к принятию, или аффилиативная тенденция (позитивные ожидания от результатов коммуникации, ориентация на общение, установление социальных связей), и страх отвержения, или чувствительность к отвержению (негативные ожидания от результатов коммуникации, социальная тревожность, ориентация на избегание социальных контактов).

Опросник, измеряющий мотивы использования ЭСС, состоит из восьми шкал, соответствующих следующим мотивам: новые дружеские отношения, академические цели, социальная связность, фоллоуинг и наблюдение за другими, развлечения, социальное признание, самовыражение, а также информация. В инструкции к опроснику сообщалось, что понимается под ЭСС, и приводились примеры таких сервисов (*ВКонтакте*, *Одноклассники*, *Facebook*, *Instagram*, *Twitter*, *TikTok*). Поскольку мессенджеры не позволяют публично формировать списки своих контактов, а также в них отсутствует «лента» контента, характерная для ЭСС, данные сервисы не подлежат анализу в настоящем исследовании, что указывалось в инструкции. Кроме того, сообщалось, что утверждения опросника не относятся к узкоспециализированым ЭСС (например, *LinkedIn*). Такое решение было принято для сужения круга рассматриваемых медиа и ориентации на наиболее популярные сервисы, нацеленные на широкую аудиторию и позволяющие удовлетворять ее разнообразные потребности.

Выборку исследования составили 488 студентов, из них 249 мужчин (51,02 %) и 239 женщин (48,98 %),

обучающихся на различных факультетах учреждений высшего образования Республики Беларусь, а именно в Белорусском государственном университете, Белорусском государственном технологическом университете, Брестском государственном техническом университете и Брестском государственном университете имени А. С. Пушкина. Кроме того, 258 студентов (52,87 %) обучались на социально-гуманитарных специальностях и 230 человек (47,13 %) – на специальностях математико-технического и естественнонаучного профилей (103 первокурсника (21,11 %), 106 второкурсников (21,72 %), 115 третькурсников (23,56 %), 164 четверокурсника (33,61 %)). Возрастной диапазон составил 17–25 лет ($M = 19,03 \pm 1,37$).

Для проверки теоретической модели коммуникативной компетентности применялся подтверждающий факторный анализ (КФА). Для проверки многомерной нормальности распределения использовались тесты Дурника – Хансена и Хенце – Цирклера. Для проверки наличия мультиколлинеарности анализировались значения коэффициента множественной корреляции и толерантности при применении метода множественной регрессии [24]. Для проверки инвариантности измерений использовался мультигрупповой КФА.

Согласно ряду исследований *t*-критерий Стьюдента и дисперсионный анализ показывают хорошую надежность даже на данных, не имеющих нормального распределения [25–27], поэтому с учетом их преимуществ перед непараметрическими тестами для сравнения средних значений применялись именно эти методы. Для проверки различий средних значений двух выборок использовался *t*-критерий Стьюдента для независимых выборок и критерий Ливиня. В случаях, когда равенство дисперсий не предполагалось, учитывались результаты *t*-критерия Уэлча. Для сравнения между собой более чем двух групп применялся однофакторный дисперсионный анализ. Также высчитывалась величина эффекта Коэна (*d*). Для разделения выборки на подгруппы применялся кластерный анализ методом *k*-средних. Кроме того, рассчитывались уровень значимости (*p*), среднее арифметическое значение (*M*) и стандартное отклонение (*SD*).

Статистический анализ данных производился при помощи пакетов *SPSS Statistics 26* и *Stata 17*.

Результаты и их обсуждение

По результатам КФА в качестве показателей соответствия модели использовались следующие индикаторы: частное хи-квадрата и степени свободы ($\chi^2/df \leq 2$ – хорошее соответствие, $\chi^2/df \leq 5$ – приемлемое соответствие [28]), сравнительный индекс соответствия и индекс Такера – Льюиса ($CFI \geq 0,90$ и $TLI \geq 0,90$ – приемлемое соответствие [29], $CFI \geq 0,95$ и $TLI \geq 0,95$ – хорошее соответствие [30]), стандартизированный

корень среднеквадратического остатка ($SRMR < 0,08$ – хорошее соответствие [30]) и корень среднеквадратической ошибки аппроксимации ($RMSEA < 0,05$ – хорошее соответствие, $RMSEA < 0,08$ – приемлемое соответствие [31]).

По результатам тестов Дурника – Хансена и Хенце – Цирклера гипотеза о многомерной нормальности распределения была отвергнута ($p \leq 0,001$),

поэтому КФА проводился с поправкой А. Саттора и П. М. Бентлера [32]. Мультиколлинеарность данных не выявлена. В результате запуска модели все факторные нагрузки оказались статистически значимыми ($p \leq 0,001$). Значения соответствия модели следующие: $\chi^2/df = 14,94$, CFI = 0,84, TLI = 0,76, SRMR = 0,07, RMSEA = 0,17. Как видно из результатов, исходная модель показала плохое соответствие

эмпирическим данным, поэтому на следующем этапе были добавлены связи между ошибками измерения индикаторных переменных. Все они оказались статистически значимыми. В результате были получены следующие значения, указывающие на приемлемое соответствие модели: $\chi^2/df = 2,79$, CFI = 0,98, TLI = 0,97, SRMR = 0,03, RMSEA = 0,06. Итоговая модель представлена на рис. 1.

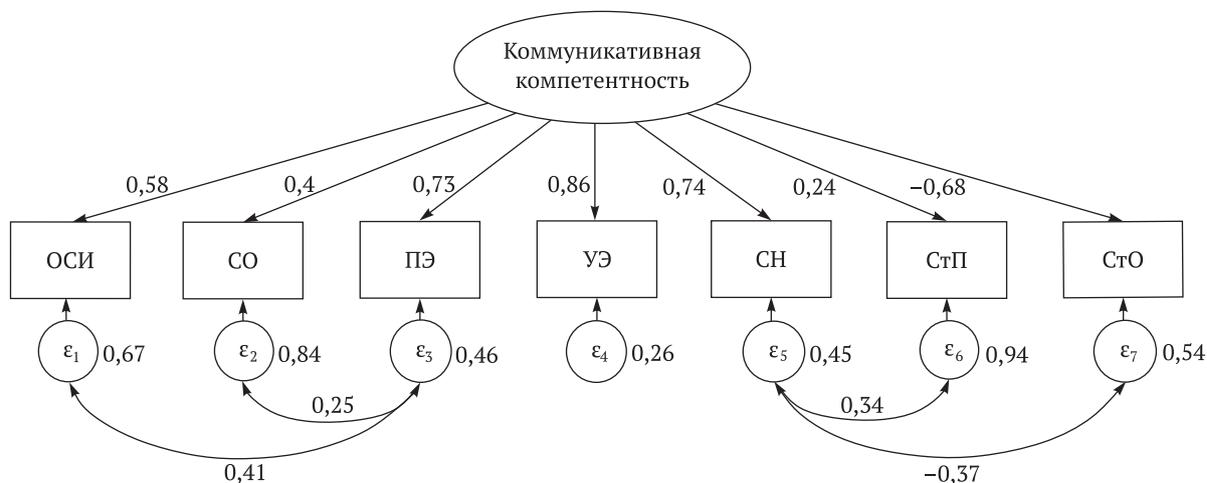

Рис. 1. Результаты конфирматорного факторного анализа:

ОСИ – обработка социальной информации; СО – социальное осознание;
 ПЭ – понимание эмоций; УЭ – управление эмоциями; СН – социальные навыки;
 СтП – стремление к принятию; СтО – страх отвержения.

Прямоугольными фигурами обозначены индикаторные переменные, округлыми фигурами – латентный фактор и ошибки измерения (ϵ). Числа у округлых фигур отражают дисперсии ошибок измерения, числа у однонаправленных стрелок – стандартизированные коэффициенты регрессии, числа у двунаправленных стрелок – величины корреляции

Fig. 1. Results of confirmatory factor analysis:

ОСИ – social information processing; СО – social awareness; ПЭ – understanding of emotions; УЭ – management of emotions; СН – social skills; СтП – the desire for acceptance; СтО – fear of rejection. Rectangular figures indicate indicator variables, rounded figures represent the latent factor and measurement errors (ϵ). The numbers next to the rounded figures represent the variances of the measurement errors, the numbers next to the unidirectional arrows are the standardized regression coefficients, and the numbers next to the bidirectional arrows are the correlation values

Как видно из рис. 1, переменная СтП, или аффилиативная тенденция, имеет невысокую факторную нагрузку. Однако она статистически значима и при ее удалении улучшение показателей модели не происходит, поэтому было принято решение ее оставить. Роль аффилиативной тенденции как составляющей мотивационного компонента коммуникативной компетентности заключается в приближении субъекта к ситуациям социального взаимодействия, а также в мотивации индивида к общению, что влияет на возможность актуализации и проявления компетентности. За счет этого происходит получение опыта и, соответственно, формирование коммуникативной компетентности [4]. В связи с этим аффилиативная тенденция может рассматриваться не только как индикатор коммуникативной компетентности, но и как потенциал к ее формированию.

Анализ инвариантности измерений производился в выборках, включающих студентов разного пола, возраста и профиля специальности. При провер-

ке инвариантности на группах разного возраста первую выборку составили студенты 17–19 лет ($M = 18,08 \pm 0,77$, $n = 288$), а вторую – респонденты 20–25 лет ($M = 20,38 \pm 0,75$, $n = 200$). При проверке инвариантности в зависимости от профиля получаемой специальности в первую выборку вошли студенты социально-гуманитарного профиля обучения ($n = 258$), а во вторую – студенты математико-технического и естественно-научного профилей ($n = 230$). Результаты анализа представлены в табл. 1. Стоит отметить, что мультигрупповой КФА проводился без поправки А. Саттора и П. М. Бентлера.

Для всех групп подтверждаются конфигурационная, метрическая и полная скалярная инвариантности, за исключением групп разного пола. Как видно из табл. 1, изменения показателя CFI превышают пороговое значение 0,01, что указывает на отсутствие полной скалярной инвариантности [33]. Однако была выявлена частичная скалярная инвариантность путем снятия ограничений с интерцептов переменных УЭ и СН.

Таблица 1

**Инвариантность модели в зависимости от пола,
возраста и специальности студентов**

Table 1

Model invariance depending on sex, age and specialty of students

Модель инвариантности	Показатели					
	χ^2/df	CFI	ΔCFI	TLI	SRMR	RMSEA
Половая инвариантность:						
конфигурационная	2,189	0,983	–	0,964	0,026	0,049
метрическая	1,969	0,982	0,001	0,971	0,037	0,045
скалярная	2,843	0,958	0,024	0,944	0,049	0,062
частичная скалярная	2,162	0,976	0,006	0,965	0,041	0,049
Возрастная инвариантность:						
конфигурационная	2,543	0,978	–	0,954	0,032	0,056
метрическая	2,346	0,975	0,003	0,960	0,045	0,053
скалярная	2,455	0,967	0,008	0,975	0,047	0,055
Профиль специальности:						
конфигурационная	2,440	0,980	–	0,957	0,037	0,054
метрическая	2,619	0,970	0,01	0,952	0,065	0,058
скалярная	2,633	0,963	0,007	0,952	0,066	0,058

Примечание. Показатель ΔCFI отражает то, насколько изменился CFI после перерасчета модели.

Ниже представлены средние значения и стандартные отклонения по каждой шкале (табл. 2).

Таким образом, результаты КФА подтвердили правомерность рассмотрения указанных конструкторов как показателей коммуникативной компетентности.

Критерием для выбора количества кластеров при делении студентов на группы являлось предположение о том, что в выборке присутствуют субъекты, обладающие наиболее высокими, средними и наиболее низкими показателями коммуникативной компетентности. Также учитывался объем наблюдений внутри каждого из кластеров. Для удобства интерпретации результатов данные были переведены в стандартную z-шкалу. В итоге было получено три кластера: в первый вошли студенты с самыми низ-

кими показателями коммуникативной компетентности ($n = 128$), во второй кластер – респонденты со средними ее показателями ($n = 248$) и в третий – индивиды с самыми высокими показателями коммуникативной компетентности ($n = 112$). По результатам дисперсионного анализа выявилось, что каждая переменная внесла вклад в процесс кластеризации ($p \leq 0,001$). Далее дисперсионный анализ был использован для проверки статистической значимости различий по переменным между каждой из групп, в результате чего было обнаружено, что все группы по всем переменным статистически значимо отличаются друг от друга. Для визуализации результатов кластерного анализа был использован метод многомерного шкалирования (рис. 2) [34].

Таблица 2

**Средние значения и стандартные отклонения
переменных коммуникативной компетентности**

Table 2

**Mean values and standard variable
of communication competency indicators**

Переменные коммуникативной компетентности	Показатели	
	М	SD
ОСИ	33,28	6,62
СО	30,28	6,95
ПЭ	41,37	8,55
УЭ	43,61	8,84
СН	30,97	9,02
СтП	115,57	24,45
СтО	121,89	25,91

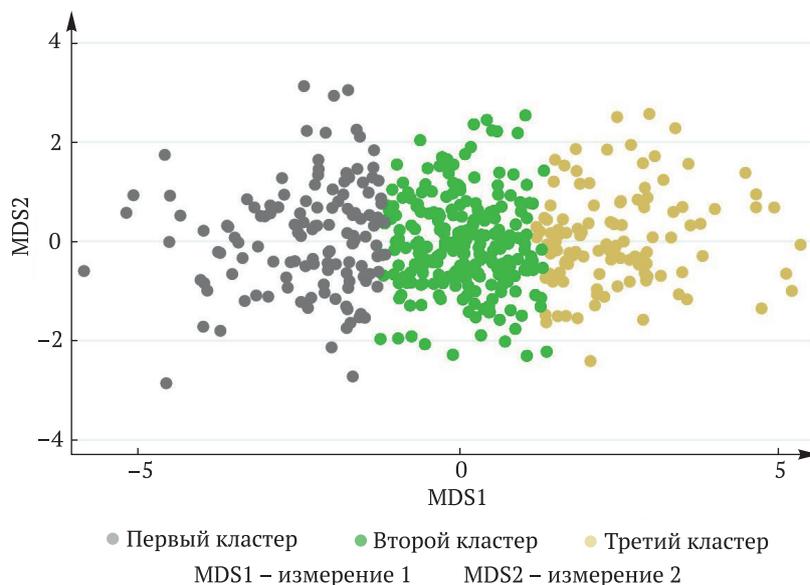

Рис. 2. Результаты кластерного анализа
Fig. 2. Results of cluster analysis

В табл. 3 представлены средние значения и стандартные отклонения по переменным для студентов с низкими (группа 1), средними (группа 2) и высокими (группа 3) показателями коммуникативной компетентности.

В результате подсчетов показателей мотивов использования ЭСС обнаружилось, что наиболее сильными у студентов являются мотивы «информация», «развлечения» и «академические цели», а наиболее

слабыми – мотивы «социальное признание» и «новые дружеские отношения». Средние значения и стандартные отклонения по каждому мотиву представлены в табл. 4.

В табл. 5 приведены средние значения и стандартные отклонения по мотивам использования ЭСС для студентов с низкими (группа 1), средними (группа 2) и высокими (группа 3) показателями коммуникативной компетентности.

Таблица 3

Средние и стандартные отклонения переменных коммуникативной компетентности в группах с низкими, средними и высокими ее значениями

Table 3

Mean values and standard deviations of the communication competency variable in the groups with low, medium and high values of it

Переменные коммуникативной компетентности	Показатели					
	М			SD		
	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 1	Группа 2	Группа 3
ОСИ	28,07	33,11	39,61	6,57	4,86	4,33
СО	25,62	30,30	35,54	6,24	6,06	5,74
ПЭ	33,21	40,98	51,54	6,30	5,20	5,82
УЭ	34,53	43,97	53,20	7,39	5,13	5,82
СН	20,97	31,95	40,25	5,80	6,06	5,71
СтП	102,04	116,69	128,56	24,95	20,83	24,45
СтО	147,55	119,01	98,95	21,72	17,59	20,21

В результате сравнения студентов с низкими и средними показателями коммуникативной компетентности было выявлено, что мотив «развлечения» сильнее в группе студентов с низкими показателями коммуникативной компетентности. Мотивы «социальное признание» и «информация» сильнее в группе со средними показателями коммуникатив-

ной компетентности. То же самое на уровне тенденции обнаружено для мотива «новые дружеские отношения». Результаты *t*-теста приведены в табл. 6. График с различиями средних значений мотивов между студентами с низкими и средними показателями коммуникативной компетентности представлен на рис. 3.

Таблица 4

Средние значения и стандартные отклонения
мотивов использования ЭСС

Table 4

Mean values and standard deviations of motives
for using electronic social networks (ESN)

Мотивы использования ЭСС	Показатели	
	М	SD
Новые дружеские отношения	9,78	5,30
Академические цели	14,66	4,43
Социальная связность	11,84	4,96
Фолловинг и наблюдение за другими	13,31	5,09
Развлечения	16,31	4,49
Социальное признание	6,75	4,19
Самовыражение	10,27	4,45
Информация	16,58	4,04

Таблица 5

Средние значения и стандартные отклонения мотивов
использования ЭСС у студентов с низкими, средними и высокими показателями
коммуникативной компетентности

Table 5

Mean values and standard deviations of motives
for using ESN among students with low, medium and high values
of communication competency indicators

Мотивы использования ЭСС	Показатели					
	М			SD		
	Группа 1	Группа 2	Группа 3	Группа 1	Группа 2	Группа 3
Новые дружеские отношения	9,02	9,98	10,22	5,17	5,24	5,54
Академические цели	14,54	14,71	14,40	4,72	4,23	4,54
Социальная связность	12,53	11,94	10,83	5,19	4,74	5,06
Фолловинг и наблюдение за другими	13,19	13,45	13,12	5,31	4,83	5,41
Развлечения	17,21	16,02	15,91	4,43	4,57	4,25
Социальное признание	6,14	7,09	6,69	3,85	4,29	4,30
Самовыражение	10,02	10,39	10,27	4,78	4,64	5,09
Информация	15,87	16,74	17,01	4,23	3,98	3,90

Таблица 6

Результаты *t*-теста для проверки различий средних значений
мотивов использования ЭСС между студентами
с низкими и средними показателями коммуникативной компетентности

Table 6

Results of *t*-test to examine the differences in mean values
of motives for using ESN between students
with low and medium communication competency indicators

Мотивы использования ЭСС	Показатели				
	Критерий Ливиня		<i>t</i> -Критерий		<i>d</i>
	<i>F</i>	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>p</i>	
Новые дружеские отношения	0,04	0,834	-1,68	0,094	0,18
Академические цели	3,69	0,056	-0,36	0,722	0,04
Социальная связность	3,45	0,064	1,10	0,271	0,12

Окончание табл. 6
Ending table 6

Мотивы использования ЭСС	Показатели				d
	Критерий Ливиня		t-Критерий		
	F	p	t	p	
Фолловинг и наблюдение за другими	3,60	0,058	-0,47	0,638	0,05
Развлечения	0,38	0,536	2,42	0,016	0,26
Социальное признание	3,11	0,079	-2,11	0,036	0,23
Самовыражение	0,14	0,704	-0,74	0,458	0,08
Информация	1,38	0,241	-1,96	0,050	0,21

Примечание. Здесь и далее в таблицах полужирным шрифтом выделены статистически значимые результаты.

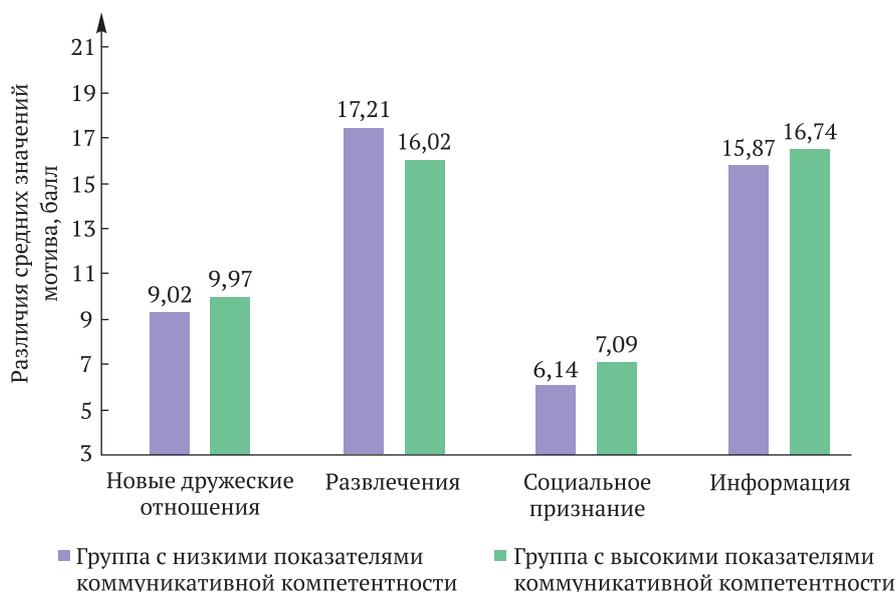

Рис. 3. Различия средних значений мотивов использования ЭСС между студентами с низкими и средними показателями коммуникативной компетентности

Fig. 3. Differences in mean values of motives for using ESN between students with low and medium communication competency indicators

При сравнении респондентов со средними и высокими показателями коммуникативной компетентности выявилось, что у студентов со средними ее показателями мотив «социальная связность» сильнее, чем у студентов с высокими ее показателя-

ми. Результаты применения *t*-теста представлены в табл. 7. График с различиями средних значений мотива «социальная связность» для студентов со средними и высокими показателями коммуникативной компетентности представлен на рис. 4.

Таблица 7

Результаты *t*-теста для проверки различий средних значений мотивов использования ЭСС между студентами со средними и высокими показателями коммуникативной компетентности

Table 7

Results of *t*-test to examine the differences in mean values of motives for using ESN between students with medium and high communication competency indicators

Мотивы использования ЭСС	Показатели				d
	Критерий Ливиня		t-Критерий		
	F	p	t	p	
Новые дружеские отношения	1,70	0,193	-0,42	0,674	0,05
Академические цели	1,15	0,283	0,03	0,979	0,00
Социальная связность	0,54	0,462	2,02	0,044	0,23

Мотивы использования ЭСС	Показатели				d
	Критерий Ливиня		t-Критерий		
	F	p	t	p	
Фолловинг и наблюдение за другими	2,80	0,095	0,59	0,557	0,07
Развлечения	0,37	0,544	0,21	0,830	0,02
Социальное признание	0,37	0,543	0,83	0,408	0,09
Самовыражение	1,65	0,200	0,23	0,815	0,03
Информация	0,45	0,503	-0,59	0,554	0,08

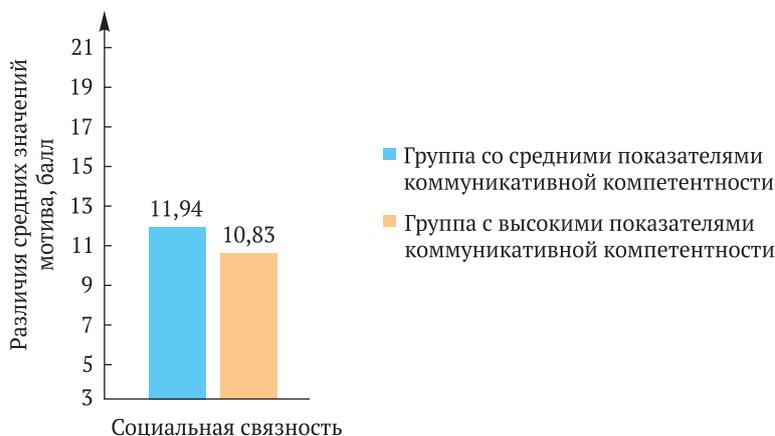

Рис. 4. Различия средних значений мотива использования ЭСС между студентами со средними и высокими показателями коммуникативной компетентности

Fig. 4. Differences in mean values of the motive for using ESN between students with medium and high communication competency indicators

В результате сравнения выборок, в которые вошли студенты с низкими и высокими показателями коммуникативной компетентности, выявлено, что у респондентов с низкими ее показателями мотивы «социальная связность» и «развлечения» сильнее, чем у индивидов с высокими ее показателями. У последних мотив «информация» сильнее, чем у респондентов с низкими показателями коммуникативной компетентности. То же самое на уровне тенденции наблюдается для мотива «новые дружеские отношения». Результаты вычислений *t*-теста приведены в табл. 8. График с различиями средних значений между студентами с низкими и высокими показателями коммуникативной компетентности представлен на рис. 5.

На основании полученных результатов можно сделать выводы для каждой группы студентов, характеризующие их мотивы использования ЭСС.

Отличительной особенностью студентов с низкими показателями коммуникативной компетентности является то, что им в большей степени свойственно использовать ЭСС для развлечения по сравнению с другими группами. Также обращает на себя внимание то, что респонденты данной группы меньше используют ЭСС для поиска новых дружеских контактов (на уровне тенденции), получения информации и чтения новостей. Все это может свидетельствовать о том, что они рассматривают ЭСС как пространство

для эскапизма, в котором можно расслабиться и получить положительные эмоции. Результаты также указывают на то, что невысокие показатели коммуникативной компетентности у данной группы студентов не приводят к более сильной мотивации использования ЭСС для удовлетворения социальных потребностей по сравнению со средними показателями коммуникативной компетентности у соответствующей группы студентов.

Исходя из установленных различий, из всех групп наиболее сильная мотивация использования ЭСС наблюдается у студентов со средними показателями коммуникативной компетентности. В большинстве случаев различия касаются мотивов, которые основываются на социальных потребностях: студенты со средними показателями коммуникативной компетентности имеют более высокие показатели по мотивам «новые дружеские отношения» (на уровне тенденции) и «социальное признание», чем респонденты с низкими показателями коммуникативной компетентности, а также имеют более высокие показатели по мотиву «социальная связность», чем субъекты из группы с высокими показателями коммуникативной компетентности. Это может указывать на то, что для студентов со средними показателями коммуникативной компетентности ЭСС представляют наибольшую ценность.

Результаты *t*-теста для проверки различий средних значений мотивов использования ЭСС между студентами с низкими и высокими показателями коммуникативной компетентности

Table 8

Results of *t*-test to examine the differences in mean values of motives for using ESN between students with low and high communication competency indicators

Мотивы использования ЭСС	Показатели				<i>d</i>
	Критерий Ливиния		<i>t</i> -Критерий		
	<i>F</i>	<i>p</i>	<i>t</i>	<i>p</i>	
Новые дружеские отношения	1,81	0,179	-1,74	0,082	0,23
Академические цели	0,43	0,511	-0,26	0,793	0,03
Социальная связность	0,75	0,387	2,56	0,011	0,33
Фоллоуинг и наблюдение за другими	0,01	0,934	0,11	0,909	0,01
Развлечения	0,01	0,998	2,31	0,022	0,30
Социальное признание	0,78	0,377	-1,04	0,300	0,13
Самовыражение	0,63	0,429	-0,39	0,693	0,05
Информация	2,44	0,119	-2,15	0,033	0,28

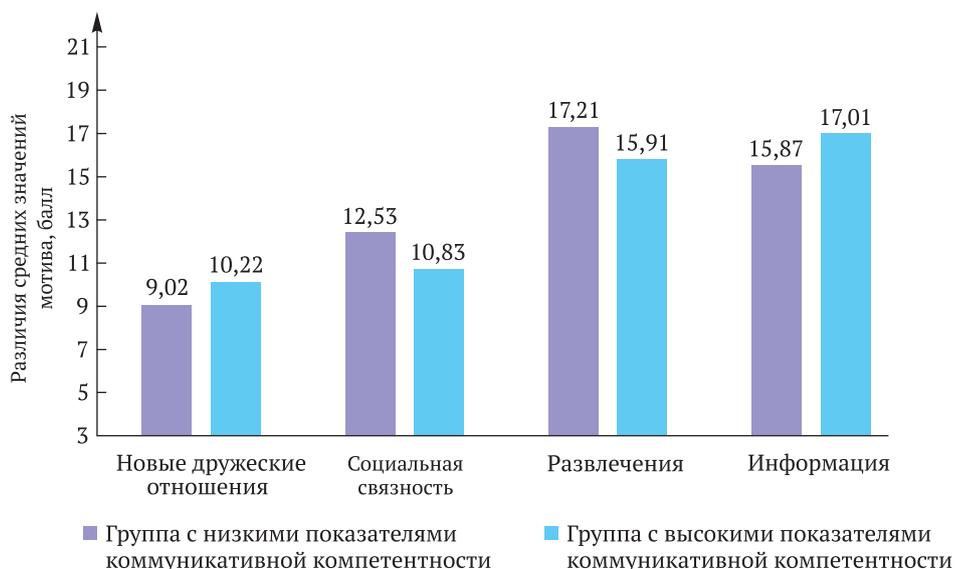

Рис. 5. Различия средних значений мотивов использования ЭСС между студентами с низкими и высокими показателями коммуникативной компетентности

Fig. 5. Differences in mean values of motives for using ESN between students with low and high communication competency indicators

Отличительной характеристикой респондентов с высокими показателями коммуникативной компетентности является то, что они в меньшей степени, чем студенты с низкими и средними показателями коммуникативной компетентности, используют ЭСС для ощущения социальной интегрированности и связности с другими людьми. Можно предположить, что за счет высоких показателей коммуникативной

компетентности эта группа респондентов удовлетворяет данную потребность в реальной жизни и меньше нуждается в таком удовлетворении в ЭСС. Однако для данных студентов в большей степени характерно использование ЭСС для установления новых дружеских отношений (на уровне тенденции) и получения информации по сравнению со студентами с низкими показателями коммуникативной компетентности.

Заключение

Наличие низких показателей коммуникативной компетентности не способствует более сильной мотивации использования ЭСС студентами для удов-

летворения социальных потребностей, однако обуславливает более гедонистическое использование ЭСС для развлечения. Все это может указывать на

то, что группа студентов с невысокими показателями коммуникативной компетентности как в реальной, так и в виртуальной жизни сталкивается со сложностями при взаимодействии с другими людьми. По этой причине ЭСС для данной группы не выступают в качестве более подходящей альтернативы для удовлетворения социальных потребностей, и, соответственно, это не приводит к более сильной мотивации использования ЭСС студентами с низкими показателями коммуникативной компетентности, чем студентами со средними ее показателями. Кроме того, студентам с низкими показателями коммуникативной компетентности в меньшей степени свойственно рассматривать ЭСС в качестве источника новостей и информации об интересующих темах, что также указывает на меньшую интегрированность данных респондентов в ЭСС, чем студентов со средними и высокими показателями коммуникативной компетентности. Так, гипотеза социальной компенсации в контексте различий в силе мотивов использования ЭСС по отношению к студентам с низкими показателями коммуникативной компетентности не подтверждается.

Можно предположить, что в интернет-пространстве студенты с низкими показателями коммуникативной компетентности находят иные, более предпочтительные для себя виды активности, которые выступают скорее способом эскапизма, чем компенсации неудовлетворенных социальных потребностей. В частности, существуют исследования, указывающие на отрицательную корреляцию коммуникативной компетентности с симптомами игрового интернет-расстройства [35].

Однако это не означает, что ЭСС не приносят никакой пользы студентам с низкими показателями коммуникативной компетентности. Исследования указывают на то, что коммуникативная компетентность при общении лицом к лицу положительно связана с компетентностью в области компьютерно-опосредованной коммуникации [36]. В исследовании Б. К. Бушильона было установлено, что использование *Facebook* положительно влияет на компетентность в сфере компьютерно-опосредованной коммуникации, при этом данная компетентность положительно воздействовала на коммуникативную компетентность при общении лицом к лицу [37]. Это указывает на то, что, несмотря на различия интернет-коммуникации и общения в реальной жизни, получение знаний и навыков социального взаимодействия в ЭСС способствует и коммуникативной компетентности в реальной жизни. Скорее всего этот эффект у студентов с низкими показателями коммуникативной компетентности будет выражен в меньшей степени, однако данное исследование свидетельствует о потенциале ЭСС для развития данного вида компетентности.

Гипотеза социального усиления в контексте различий в силе мотивов использования ЭСС по от-

ношению к студентам с высокими показателями коммуникативной компетентности также не подтверждается. На это указывает наличие более слабого мотива социальной связности у студентов с высокими показателями коммуникативной компетентности, чем у других групп, а также отсутствие более высоких показателей остальных мотивов у респондентов с высокими показателями коммуникативной компетентности, чем у студентов со средними ее показателями. Однако стоит отметить, что данная гипотеза не подтверждается в отношении мотивации использования ЭСС, а не конкретных выгод, получаемых от этого использования, которые в настоящем исследовании не рассматривались. Как отмечалось ранее, в качестве таких выгод может выступать социальный капитал в сети или, например, популярность [38], которые зависят от качества использования ЭСС. По этой причине перспективой для исследований коммуникативной компетентности в контексте ЭСС является изучение содержательных особенностей использования данных интернет-ресурсов и получаемых от этого выгод.

В результате исследования было выявлено, что мотивы, основанные на социальных потребностях, сильнее у студентов со средними показателями коммуникативной компетентности, чем у других групп. Этот результат противоречит изначальной гипотезе. Данные различия касаются мотивов «новые дружеские отношения» (на уровне тенденции) и «социальное признание» при сравнении студентов с низкими и средними показателями коммуникативной компетентности, а также мотива «социальная связность» при сравнении студентов с высокими и средними показателями коммуникативной компетентности. Можно предположить, что такой результат обусловлен следующими факторами. С одной стороны, коммуникативная компетентность студентов со средними ее показателями достаточно высока для более комфортной и эффективной реализации данных мотивов через ЭСС в отличие от коммуникативной компетентности студентов с низкими ее показателями, для которых трудности, возникающие при взаимодействии в реальной жизни, слабо нивелируются в виртуальном пространстве. С другой стороны, коммуникативная компетентность студентов данной группы недостаточно высока по сравнению с коммуникативной компетентностью студентов с высокими ее показателями, которые могут более эффективно реализовывать мотив «социальная связность» в реальной жизни и меньше нуждаются в его удовлетворении в ЭСС.

Таким образом, наиболее сильная мотивация использования ЭСС выявлена у студентов со средними показателями коммуникативной компетентности. Вопреки изначальной гипотезе студенты с низкими и высокими показателями коммуникативной компетентности не имеют более сильных мотивов использования ЭСС, в основе которых лежат

социальные потребности. Можно предположить, что для студентов со средними показателями коммуникативной компетентности ЭСС имеют наибольшую ценность в силу того, что данные студенты с большей вероятностью будут подвержены как эффекту компенсации, так и эффекту усиления за счет среднего уровня развития коммуникативной компетентности.

Библиографические ссылки

1. Шевкун АВ. Коммуникативная компетентность как средство социальной адаптации студентов первого курса. *Сибирский педагогический журнал*. 2007;3:158–164.
2. Wright KB, Rosenberg J, Egbert N, Ploeger NA, Bernard DR, King S. Communication competence, social support, and depression among college students: a model of Facebook and face-to-face support network influence. *Journal of health communication*. 2013;18(1):41–57. DOI: 10.1080/10810730.2012.688250.
3. Матяш ОИ, Погольша ВМ, Казаринова НВ, Биби С, Зарицкая ЖВ. *Межличностная коммуникация: теория и жизнь*. Санкт-Петербург: Речь; 2011. 560 с.
4. Ткачѳв ИВ. Компонентный состав коммуникативной компетентности и ее измерение. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2022;2:85–92.
5. Ellison NB, Boyd DM. Sociality through social network sites. In: Dutton WH, editor. *The Oxford handbook of Internet studies*. Oxford: Oxford University Press; 2013. p. 151–172. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199589074.013.0008.
6. Katz E, Blumler JG, Gurevitch M. Uses and gratifications research. *The Public Opinion Quarterly*. 1973;37(4):509–523.
7. Katz E, Haas H, Gurevitch M. On the use of the mass media for important things. *American Sociological Review*. 1973;38(2):164–181. DOI: 10.2307/2094393.
8. Bae M. Understanding the effect of the discrepancy between sought and obtained gratification on social networking site users' satisfaction and continuance intention. *Computers in Human Behavior*. 2018;79:137–153. DOI: 10.1016/j.chb.2017.10.026.
9. Ильин ЕП. *Мотивация и мотивы*. Санкт-Петербург: Питер; 2002. 512 с.
10. McKenna K, Bargh JA. Plan 9 from cyberspace: the implications of the internet for personality and social psychology. *Personality and Social Psychology Review*. 2000;4(1):57–75. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0401_6.
11. Kraut R, Kiesler S, Boneva B, Cummings J, Helgeson V, Crawford A. Internet paradox revisited. *Journal of Social Issues*. 2002;58(1):49–74. DOI: 10.1111/1540-4560.00248.
12. Williams D. On and off the 'Net: scales for social capital in an online era. *Journal of computer-mediated communication*. 2006;11(2):593–628. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2006.00029.x.
13. Cecilia Cheng, Hsinyi Wang, Leif Sigerson, Chorlam Chau. Do the socially rich get richer? A nuanced perspective on social network site use and online social capital accrual. *Psychological bulletin*. 2019;145(7):734–764. DOI: 10.1037/bul0000198.
14. Hassan N, Sumardi N, Aziz RA. The influence of personality traits on communication competence. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2019;13:493–505. DOI: 10.6007/IJARBS/v9-i13/6999.
15. Spitzberg BH, Canary DJ. Loneliness and relationally competent communication. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1985;2(4):387–402. DOI: 10.1177/0265407585024001.
16. Zakahi WR, Duran RL. All the lonely people: the relationship among loneliness, communicative competence, and communication anxiety. *Communication Quarterly*. 1982;30(3):203–209. DOI: 10.1080/01463378209369450.
17. Rubin RB, Martin MM. Development of a measure of interpersonal communication competence. *Communication Research Reports*. 1994;11(1):33–44. DOI: 10.1080/08824099409359938.
18. Hollenbaugh EE, Ferris AL, Casey DJ. How do social media impact interpersonal communication competence? A uses and gratifications approach. In: Desjarlais M, editor. *The psychology and dynamics behind social media interactions*. Pennsylvania: IGI Global; 2020. p. 137–163. DOI: 10.4018/978-1-5225-9412-3.ch006.
19. Spitzberg BH. Assessing the state of assessment: communication competence. In: Hannawa AF, Spitzberg BH, editors. *Communication competence*. Berlin: De Gruyter Mouton; 2015. p. 237–270. DOI: 10.1515/9783110317459-023.
20. Наследов АД, Шамаев АН. Адаптация шкалы социального интеллекта tromso для российских студентов-психологов. В: Защиринская ОВ, Шаболтас АВ, редакторы. *Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные исследования. Сборник научных трудов участников Международной научной конференции молодых ученых; 18–20 апреля 2017 г.; Санкт-Петербург, Россия. Том 2*. Санкт-Петербург: Скифия-принт; 2017. с. 296–301.
21. Люсин ДВ. Опросник на эмоциональный интеллект «ЭМИн»: новые психометрические данные. В: Люсин ДВ, Ушаков ДВ, редакторы. *Социальный и эмоциональный интеллект: от процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии РАН; 2009. с. 264–278.
22. Магомед-Эминов МШ. *Мотивация достижения: структура и механизмы* [диссертация]. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова; 1987. 343 с.
23. Ткачѳв ИВ, Фифанова ГА. Адаптация опросника «мотивы использования электронных социальных сетей» на выборке белорусских студентов. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2023;1:82–94.
24. Наследов АД. *IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных*. Санкт-Петербург: Питер; 2013. 416 с.
25. Lumley T, Diehr P, Emerson S, Lu Chen. The importance of the normality assumption in large public health data sets. *Annual review of public health*. 2002;23(1):151–169. DOI: 10.1146/annurev.publhealth.23.100901.140546.
26. Schmider E, Ziegler M, Danay E, Böhner M. Is it really robust? Reinvestigating the robustness of ANOVA against violations of the normal distribution assumption. *Methodology: European Journal of Research Methods for the Behavioral and Social Sciences*. 2010;6(4):147–151. DOI: 10.1027/1614-2241/a000016.
27. Blanca MJ, Alarcón R, Arnau J, Bono R, Bendayan R. Non-normal data: is ANOVA still a valid option? *Psicothema*. 2017;29(4):552–557. DOI: 10.7334/psicothema2016.383.
28. Hair JF, Black WC, Babin BJ, Anderson RE. *Multivariate data analysis*. 7th edition. New Jersey: Prentice Hall; 2013. 816 p.
29. Awang Z. *A handbook on structural equation modeling using AMOS graphic*. 5th edition. Kota Baru: Universiti Teknologi MARA Press; 2012. 167 p.

30. Litze Hu, Bentler PM. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: a Multidisciplinary Journal*. 1999;6(1):1–55. DOI: 10.1080/10705519909540118.
31. Browne MW, Cudeck R. Alternative ways of assessing model fit. *Sociological methods & Research*. 1992;21(2):230–258. DOI: 10.1177/0049124192021002005.
32. Satorra A, Bentler PM. Corrections to test statistics and standard errors in covariance structure analysis. In: von Eye A, Clogg CC, editors. *Latent variables analysis: applications for developmental research*. Thousand Oaks: Sage; 1994. p. 399–419.
33. Cheung GW, Rensvold R. Evaluating Goodness-of-Fit indexes for testing measurement invariance. *Structural Equation Modeling*. 2002;9(2):233–255. DOI: 10.1207/S15328007SEM0902_5.
34. Hout MC, Papesch MH, Goldinger SD. Multidimensional scaling. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. 2013;4(1):93–103. DOI: 10.1002/wcs.1203.
35. Şaliş İ, Bulut MT. Effects of communication competency and self-esteem on gaming addiction symptoms. *Addicta: the Turkish Journal on Addictions*. 2022;9(2):196–203. DOI: 10.5152/ADDICTA.2022.21097.
36. Bubaš G, Spitzberg B. The relations of communication skills in face-to-face and computer-mediated communication. In: European Communication Research and Education Association. *Communication Policies and Culture in Europe. Proceedings of the European Communication Research and Education Association 2nd European Communication Conference; 2008 November 25–28; Barcelona, Spain*. Barcelona: European Communication Research and Education Association; 2008. p. 1–19.
37. Bouchillon BC. Social networking for interpersonal life: a competence-based approach to the rich get richer hypothesis. *Social Science Computer Review*. 2022;40(2):309–327. DOI: 10.1177/0894439320909506.
38. Zywicka J, Danowski J. The faces of Facebookers: investigating social enhancement and social compensation hypotheses; predicting Facebook™ and offline popularity from sociability and self-esteem, and mapping the meanings of popularity with semantic networks. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2008;14(1):1–34. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2008.01429.x.

References

1. Shevkun AV. [Communication competency as a means of social adaptation of first-year students]. *Siberian Pedagogical Journal*. 2007;3:158–164. Russian.
2. Wright KB, Rosenberg J, Egbert N, Ploeger NA, Bernard DR, King S. Communication competence, social support, and depression among college students: a model of Facebook and face-to-face support network influence. *Journal of health communication*. 2013;18(1):41–57. DOI: 10.1080/10810730.2012.688250.
3. Mat'yash OI, Pogol'sha VM, Kazarinova NV, Bibi S, Zaritskaya ZhV. *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn'* [Interpersonal communication: theory and life]. Saint-Petersburg: Rech'; 2011. 560 p. Russian.
4. Tkachov IV. Component composition of communication competency and its measurement. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2022;2:85–92. Russian.
5. Ellison NB, Boyd DM. Sociality through social network sites. In: Dutton WH, editor. *The Oxford handbook of Internet studies*. Oxford: Oxford University Press; 2013. p. 151–172. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199589074.013.0008.
6. Katz E, Blumler JG, Gurevitch M. Uses and gratifications research. *The Public Opinion Quarterly*. 1973;37(4):509–523.
7. Katz E, Haas H, Gurevitch M. On the use of the mass media for important things. *American Sociological Review*. 1973;38(2):164–181. DOI: 10.2307/2094393.
8. Bae M. Understanding the effect of the discrepancy between sought and obtained gratification on social networking site users' satisfaction and continuance intention. *Computers in Human Behavior*. 2018;79:137–153. DOI: 10.1016/j.chb.2017.10.026.
9. Il'in EP. *Motivatsiya i motivy* [Motivation and motives]. Saint Petersburg: Piter; 2002. 512 p. Russian.
10. McKenna K, Bargh JA. Plan 9 from cyberspace: the implications of the internet for personality and social psychology. *Personality and Social Psychology Review*. 2000;4(1):57–75. DOI: 10.1207/S15327957PSPR0401_6.
11. Kraut R, Kiesler S, Boneva B, Cummings J, Helgeson V, Crawford A. Internet paradox revisited. *Journal of Social Issues*. 2002;58(1):49–74. DOI: 10.1111/1540-4560.00248.
12. Williams D. On and off the 'Net: scales for social capital in an online era. *Journal of computer-mediated communication*. 2006;11(2):593–628. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2006.00029.x.
13. Cecilia Cheng, Hsinyi Wang, Leif Sigerson, Chorlam Chau. Do the socially rich get richer? A nuanced perspective on social network site use and online social capital accrual. *Psychological bulletin*. 2019;145(7):734–764. DOI: 10.1037/bul0000198.
14. Hassan N, Sumardi N, Aziz RA. The influence of personality traits on communication competence. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2019;13:493–505. DOI: 10.6007/IJARBS/v9-i13/6999.
15. Spitzberg BH, Canary DJ. Loneliness and relationally competent communication. *Journal of Social and Personal Relationships*. 1985;2(4):387–402. DOI: 10.1177/0265407585024001.
16. Zakahi WR, Duran RL. All the lonely people: the relationship among loneliness, communicative competence, and communication anxiety. *Communication Quarterly*. 1982;30(3):203–209. DOI: 10.1080/01463378209369450.
17. Rubin RB, Martin MM. Development of a measure of interpersonal communication competence. *Communication Research Reports*. 1994;11(1):33–44. DOI: 10.1080/08824099409359938.
18. Hollenbaugh EE, Ferris AL, Casey DJ. How do social media impact interpersonal communication competence? A uses and gratifications approach. In: Desjarlais M, editor. *The psychology and dynamics behind social media interactions*. Pennsylvania: IGI Global; 2020. p. 137–163. DOI: 10.4018/978-1-5225-9412-3.ch006.
19. Spitzberg BH. Assessing the state of assessment: communication competence. In: Hannawa AF, Spitzberg BH, editors. *Communication competence*. Berlin: De Gruyter Mouton; 2015. p. 237–270. DOI: 10.1515/9783110317459-023.
20. Nasledov AD, Shamaev AN. [Adapting the Tromso Social Intelligence Scale for Russian psychology students]. In: Zashchirinskaya OV, Shaboltas AV, editors. *Psikhologiya XXI veka: sistemnyi podkhod i mezhdistiplinarnye issledovaniya. Sbornik nauchnykh trudov uchastnikov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh; 18–20 aprelya 2017 g.; Sankt-Peterburg, Rossiya. Tom 2* [Psychology of the 21st century: a systematic approach and interdisciplinary research. Collection of scientific papers of the participants of the International scientific conference of young scientists; 2017 April 18–20; Saint Petersburg, Russia. Volume 2]. Saint Peterburg: Skifiya-print. 2017. p. 296–301. Russian.

21. Lyusin DV. [«EmIn» emotional intelligence questionnaire: new psychometric findings]. In: Lyusin DV, Ushakov DV, editors. *Sotsial'nyi i emotsional'nyi intellekt: ot protsessov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: from process to measurement]. Moscow: Institute of Psychology Russian Academy of Sciences; 2009. p. 264–278. Russian.
22. Magomed-Eminov MSh. *Motivatsiya dostizheniya: struktura i mekhanizmy* [Achievement motivation: structure and mechanisms] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 1987. 343 p. Russian.
23. Tkachov IV, Fofanova GA. Adaptation of the questionnaire «motives for using electronic social networks» on a sample of Belarusian students. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2023;1:82–94. Russian.
24. Nasledov AD. *IBM SPSS Statistics 20 i AMOS: professional'nyj statisticheskij analiz dannyh* [IBM SPSS Statistics 20 and AMOS: professional statistical data analysis]. Saint Petersburg: Piter; 2013. 416 p. Russian.
25. Lumley T, Diehr P, Emerson S, Lu Chen. The importance of the normality assumption in large public health data sets. *Annual review of public health*. 2002;23(1):151–169. DOI: 10.1146/annurev.publhealth.23.100901.140546.
26. Schmider E, Ziegler M, Danay E, Bühner M. Is it really robust? Reinvestigating the robustness of ANOVA against violations of the normal distribution assumption. *Methodology: European Journal of Research Methods for the Behavioral and Social Sciences*. 2010;6(4):147–151. DOI: 10.1027/1614-2241/a000016.
27. Blanca MJ, Alarcón R, Arnau J, Bono R, Bendayan R. Non-normal data: is ANOVA still a valid option? *Psicothema*. 2017;29(4):552–557. DOI: 10.7334/psicothema2016.383.
28. Hair JF, Black WC, Babin BJ, Anderson RE. *Multivariate data analysis*. 7th edition. New Jersey: Prentice Hall; 2013. 816 p.
29. Awang Z. *A handbook on structural equation modeling using AMOS graphic*. 5th edition. Kota Baru: Universiti Teknologi MARA Press; 2012. 167 p.
30. Litze Hu, Bentler PM. Cutoff criteria for fit indexes in covariance structure analysis: conventional criteria versus new alternatives. *Structural Equation Modeling: a Multidisciplinary Journal*. 1999;6(1):1–55. DOI: 10.1080/10705519909540118.
31. Browne MW, Cudeck R. Alternative ways of assessing model fit. *Sociological methods & Research*. 1992;21(2):230–258. DOI: 10.1177/0049124192021002005.
32. Satorra A, Bentler PM. Corrections to test statistics and standard errors in covariance structure analysis. In: von Eye A, Clogg CC, editors. *Latent variables analysis: applications for developmental research*. Thousand Oaks: Sage; 1994. p. 399–419.
33. Cheung GW, Rensvold R. Evaluating Goodness-of-Fit indexes for testing measurement invariance. *Structural Equation Modeling*. 2002;9(2):233–255. DOI: 10.1207/S15328007SEM0902_5.
34. Hout MC, Papesch MH, Goldinger SD. Multidimensional scaling. *Wiley Interdisciplinary Reviews: Cognitive Science*. 2013;4(1):93–103. DOI: 10.1002/wcs.1203.
35. Şaliş İ, Bulut MT. Effects of communication competency and self-esteem on gaming addiction symptoms. *Addicta: the Turkish Journal on Addictions*. 2022;9(2):196–203. DOI: 10.5152/ADDICTA.2022.21097.
36. Bubaš G, Spitzberg B. The relations of communication skills in face-to-face and computer-mediated communication. In: European Communication Research and Education Association. *Communication Policies and Culture in Europe. Proceedings of the European Communication Research and Education Association 2nd European Communication Conference; 2008 November 25–28; Barcelona, Spain*. Barcelona: European Communication Research and Education Association; 2008. p. 1–19.
37. Bouchillon BC. Social networking for interpersonal life: a competence-based approach to the rich get richer hypothesis. *Social Science Computer Review*. 2022;40(2):309–327. DOI: 10.1177/0894439320909506.
38. Zywicka J, Danowski J. The faces of Facebookers: investigating social enhancement and social compensation hypotheses; predicting Facebook™ and offline popularity from sociability and self-esteem, and mapping the meanings of popularity with semantic networks. *Journal of Computer-Mediated Communication*. 2008;14(1):1–34. DOI: 10.1111/j.1083-6101.2008.01429.x.

Статья поступила в редколлегию 09.12.2022.
Received by editorial board 09.12.2022.

УДК 364.62

ЛИЧНОСТНЫЕ КАЧЕСТВА, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИЕ УСПЕШНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА ПО СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ

В. А. ДВОРЕЦКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассмотрена значимость профессионально-личностных качеств специалиста по социальной работе. Представлены разные позиции касательно требований к данным качествам. Анализ сущности социальной работы показал, что профессионал по социальной работе должен быть носителем этических и квалификационных стандартов, касающихся отношений между людьми, между людьми и социумом, а также отношений в семье, трудовом коллективе, общине и др. Выявлены составляющие готовности к профессиональной деятельности. Определена мотивационная сфера будущего специалиста по социальной работе, обеспечивающая развитие духовно-нравственных качеств, включающих умственную, волевую и эмоциональную стороны личности. С позиции деятельностного подхода выделены необходимые умения данного специалиста: аналитические, конструктивные, исполнительские и такие, которые учитывают профессионально-личностные качества. Изучены вопросы карьерного пути человека в сфере социальной работы.

Ключевые слова: специалисты по социальной работе; профессионально-личностные качества; духовно-нравственные качества; личностные характеристики специалиста по социальной работе; карьера; развитие карьеры.

PERSONAL QUALITIES CONDITIONING THE SUCCESS OF A SOCIAL WORK SPECIALIST

V. A. DVORETSKAYA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The importance of the professional and personal qualities of a social work specialist is considered. Different positions are presented regarding the requirements for professional and personal qualities of a social work specialist. Analysis of the essence of social work shows that a professional specialist in social work should be a holder of ethical and qualification standards regarding relations between people, between people and society, relations in the family, in the labour collective, community and other. The components of readiness for professional activity are identified. The motivational sphere of the future specialist in social work is determined, ensuring the development of spiritual and moral qualities, including the mental, strong-willed and emotional sides of the person. From the standpoint of the activity approach, the necessary skills of a specialist in social work are distinguished: analytical, constructive, performing, taking into account professional and personal qualities. Issues of a person's career path in the field of social work are being studied.

Keywords: specialists in social work; professional and personal qualities; spiritual and moral qualities; personal characteristics of a specialist in social work; career; career development.

Введение

Не каждый человек пригоден для социальной работы. Основным фактором здесь является система ценностей кандидата, которая в итоге определяет его

профессиональную пригодность и эффективность практической деятельности. В социальной работе представление об абсолютной ценности каждого

Образец цитирования:

Дворецкая ВА. Личностные качества, обуславливающие успешность деятельности специалиста по социальной работе. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2023;3:83–88. EDN: XYLDIG

For citation:

Dvoretzkaya VA. Personal qualities conditioning the success of a social work specialist. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2023;3:83–88. Russian. EDN: XYLDIG

Автор:

Виктория Александровна Дворецкая – старший преподаватель кафедры социальной работы и реабилитации факультета философии и социальных наук.

Author:

Victoria A. Dvoretzkaya, senior lecturer at the department of social work and rehabilitation, faculty of philosophy and social sciences. dvoreckayavika@mail.ru

человека переходит из философского понятия в категорию базисного психологического убеждения как основы всей ценностной ориентации индивида. Многие из тех, кто собирается стать специалистом в этой области, могут обнаружить серьезные расхождения между установками личности и системой ценностей социальной работы как профессии и как призвания. Карьерный рост происходит на всех этапах жизни человека (самоопределение, самоорганизация и персонализация), а также обуславливается саморефлексией.

Роль личностных качеств социального работника в его профессиональной деятельности велика. Среди них можно выделить следующие: обостренное чувство справедливости, гуманистическая направленность индивида, личная и социальная ответственность, чувство собственного достоинства и уважение достоинства другого человека, терпимость, вежливость, порядочность, эмпатичность, готовность помочь других и прийти к ним на помощь, эмоциональная устойчивость, адекватная самооценка и т. д.

Карьера реализуется под влиянием факторов, которые определяют то, каким образом, с какой скоро-

стью и с помощью каких методов будут достигаться цели. В научной литературе отсутствует единый взгляд на совокупность факторов как на систему.

В Беларуси такие исследования проводились в рамках изучения внешних и внутренних (личностных) факторов профессиональной карьеры и возрастных особенностей руководителей (Е. Г. Молл, А. Я. Кибанов, Дж. Г. Гринхаус, В. Р. Веснин и др.). Однако авторы, выделяя детерминанты карьеры, не всегда указывают на то, как тот или иной фактор влияет на карьеру. Не все детерминанты, которые упоминались вышеперечисленными исследователями, входят в структуру карьеры личности. Некоторые из них формируют склонность к карьере определенного типа. Для того чтобы выделить среди всего многообразия факторов именно те, которые вошли бы в перечень карьерных ресурсов личности, автор настоящей работы сравнил и проанализировал разные подходы. Так, профессор Санкт-Петербургского международного института менеджмента ИМИСП (сейчас Бизнес-школа ИМИСП) Е. Г. Молл выделила четыре группы факторов формирования карьеры (табл. 1).

Таблица 1

Группы факторов формирования карьеры (по Молл)

Table 1

Group of career formation factors (by Moll)

Группа факторов	Составляющие группы факторов
Общие факторы	Предусматривают активное усвоение нового опыта, т. е. способность к обучению и коммуникативность, в противоположность которым выделяются консерватизм и ригидность
Социально-экономические факторы	Включают расслоение общества, динамичность экономики, возникновение организаций и структурных единиц, расширяющих возможность должностного продвижения
Кризисные факторы	Предполагают криминализацию общества, повышенную угрозу для жизни и здоровья человека, неопределенность и нестабильность в развитии общества, порождающие неуверенность в близком будущем. При активном формировании таких факторов возрастает значимость личных связей и отношений, усиливается роль протекций в должностном продвижении
Кадровые факторы	Характеризуются сложившимися в обществе представлениями о карьере и ее традициями: системой найма, устойчивыми представлениями о служебной иерархии, ценностями квалификации и опыта работы, традиционными системами планирования карьеры, уважением к возрасту личности и повышением квалификации

Примечание. Разработано на основе данных публикации [1].

По мнению Е. Г. Молл, на развитие карьеры могут влиять ситуационные, институционализированные и индивидуальные факторы развития личности. Английские консультанты по бизнесу М. Вудкок и Д. Фрэнсис, которые придерживаются «поведенческого направления в современной управленческой науке, выделяют факторы, сдерживающие личный рост и успех». Они считают, что «любой сотрудник организации действует в соответствии с присущими ему ограничениями» и его карьерный успех зависит от того, насколько четко и результативно будет сделана его работа по их преодолению [1, с. 9].

К ограничениям авторы относят неумение управлять собой, наличие размытых личных цен-

ностей, смутных личных целей, остановленное саморазвитие, отсутствие творческого подхода, неумение влиять на людей, а также неполное понимание особенностей своего труда и неумение решать проблемы. Классификация, разработанная Е. Г. Молл, не отражает «в полной мере существующий перед человеком выбор решений в поле карьерных факторов» [1, с. 10]. По данной причине Л. В. Милякова и П. С. Рюхов предложили свою классификацию, в которой все факторы разделены на пять групп в зависимости от возможности влияния человека на них, включая даже самые обобщенные, описывающие глобальные тенденции развития карьеры людей (табл. 2).

Таблица 2

Группы факторов формирования карьеры (по Милияковой и Рюхову)

Table 2

Group of career formation factors (by Milyakova and Ryukhov)

Группа факторов	Составляющие группы факторов
Международные факторы	Охватывают мировые, финансовые и экономические кризисы, вооруженные конфликты, деятельность международных правительственных и общественных организаций, развитие техники и технологии
Факторы страны и национального рынка труда	Предусматривают наличие переломных моментов в экономике, резкую нехватку специалистов экономического профиля на рынке, ориентацию страны на развитие определенных отраслей
Факторы организации	Включают традиции, структуру и область деятельности компании, переломные моменты в деятельности организации, наличие в фирме системы планирования карьеры
Факторы поведения человека	Включают поведение человека при приеме на работу, переводе на другую должность, повышении должности и увольнении, взаимоотношения между начальником и подчиненными, между коллегами, между личностью и его друзьями или знакомыми
Личные качества человека	Предполагают профессионализм, коммуникабельность, уровень образования. В условиях перехода к цифровой экономике стаж работы может рассматриваться потенциальными работодателями не как набор должностей, а как совокупность выполненных работ

Примечание. Разработано на основе данных публикации [1].

В данной классификации рассмотрены как прямые, так и косвенные факторы, влияющие на карьерный путь человека. О. А. Богатырева, например, писала о зависимости карьеры от внешних и внутренних факторов, связанных с организационными и личностными качествами соответственно. Более широкую классификацию факторов карьерного успеха предложил Дж. Г. Гринхаус [2, с. 7]. Он обобщил семь групп характеристик, относящихся к профессиональному успеху: стратегии карьеры, межличност-

ные отношения, семейные отношения, инвестиции в человеческий капитал, мотивационные факторы, организационные характеристики и свойства личности. Американский специалист Э. Шейн разработал концепцию карьерных «якорей». Он утверждал о необходимости определения своего карьерного «якоря» (интереса или ценности), от которого человек ни за что не откажется, если ему придется делать выбор в пользу той или иной работы. Психолог выделил семь карьерных «якорей» (табл. 3).

Таблица 3

Карьерные «якоря» (по Шейну)

Table 3

Career anchors (by Schein)

Карьерный «якорь»	Характеристика
Профессиональная компетентность	Люди стремятся быть мастерами своего дела, они особенно счастливы, когда достигают успеха в профессиональной сфере, но быстро теряют интерес к работе, которая не позволяет развивать свои способности
Управленческая компетентность	Личности демонстрируют большое желание стать управленцами, менеджерами, их опыт позволяет полагать, что они владеют навыками, которые необходимы для следующей ступени карьерного роста
Автономия и независимость	Индивиды стремятся быть независимыми, свободными от всех связей, возникающих при работе в больших организациях. Повышение в должности, перевод на другую работу и получение заработной платы делают их зависимыми от всего, что их окружает
Стабильность	Люди заинтересованы в долгосрочной надежности и стабильной работе. В первом случае человек претендует на работу в организации, которая обеспечивает определенный срок службы, имеет хорошую репутацию, выглядит более надежной в своей отрасли и перекладывает ответственность за управление карьерой на работодателя. Индивид будет совершать любые географические перемещения, если того потребует компания. Во втором случае человек связывает себя с определенным географическим регионом и меняет работу или организацию в данной местности

Карьерный «якорь»	Характеристика
Интеграция стилей жизни	Человек хочет, чтобы в его жизни семья, карьера и саморазвитие были сбалансированы. Он больше ценит свою жизнь в целом (то, где живет, как совершенствуется), чем конкретную работу
Вызов	Основная ценность индивида – конкуренция, победа над другими, преодоление препятствий, решение трудных задач. Он ориентирован на то, чтобы бросать вызов другим
Служение	Человек не будет работать в организации, которая враждебно настроена по отношению к его целям и ценностям. Он откажется от карьерного продвижения или перевода на другую работу, если это не позволит реализовать главные ценности жизни: работать с людьми, помогать людям, делать мир лучше и т. д.

Материалы и методы исследования

Целью исследования является анализ таких личностных особенностей специалистов по социальной работе, которые способствуют или препятствуют карьерному росту.

Выборочную совокупность составили 100 социальных работников территориальных центров социального обслуживания населения г. Минска в возрасте 25–40 лет.

Эмпирическое исследование выполнялось в два этапа. На первом этапе формулировались цель, за-

дачи, объект и предмет исследования, проводился теоретический анализ и обобщалась психолого-педагогическая литература по проблеме исследования, определена база исследования и группы испытуемых, осуществлялись подбор необходимого психодиагностического инструментария и организация эмпирического исследования. Второй этап состоял из проведения исследования, обработки и интерпретации полученных данных и формулирования выводов.

Результаты и их обсуждение

Развитие карьеры происходит эффективно только тогда, когда человек максимально использует внутренние ресурсы и учитывает возможное влияние внешних факторов профессионального продвижения к намеченной цели. Внутренние ресурсы индивида определяют его способ достижения этой цели. С возрастом люди связывают понятие «жизненный путь» со степенью включенности в систему производства и наличием статуса экономической и правовой самостоятельности. Каждый этап жизни имеет специфическое содержание и влияет на последующие события [3, с. 162]. По данной причине существенным признаком карьеры является ее характеристика как процесса развития человека в трудовой деятельности. Любое развитие предполагает целенаправленное изменение во времени, выраженное в количественных, качественных и структурных преобразованиях. Развитие в процессе карьеры может быть многосторонним, а значит, основаниями для выделения стадий служат разные аспекты карьеры [4, с. 9].

Границы возрастной локализации работников являются подвижными и зависят от множества индивидуальных и социальных факторов, обычно влияющих на состояние и изменение трудового потенциала специалиста [5, с. 4]. Возрастная периодизация деловой жизни человека, стремящегося продвинуться по служебной лестнице, встречается и в зарубежной литературе. М. Вудкок и Д. Фрэнсис рассматривали следующие этапы карьеры [6, с. 11]:

- начало карьеры (20–24 года);
- приобретение компетентности (около 30 лет);

- анализ достижений и поиск возможностей для перемен (около 40 лет);
- мастерство (около 50 лет);
- подведение итогов карьеры (около 60 лет).

В данной периодизации обращает на себя внимание достаточно большая для современных условий длительность каждого этапа – около 10 лет. Традиционный подход к описанию профессионального развития человека предполагает выделение этапов карьеры по критерию возраста, однако этап профессионального роста не всегда связан с ним.

В современной концепции карьеры ведущим фактором, определяющим границы того или иного ее этапа, является не биологический возраст, а так называемый карьерный возраст. В основе этого положения лежат ставшие принципиальными различия между понятиями «опыт» и «стаж». В настоящих условиях нередко достаточно пяти лет стажа работы по конкретной специальности, чтобы приобрести опыт, адекватный середине карьерного пути. Современный карьерист должен обладать не конкретным набором длительно приобретаемых навыков, а универсальными умениями, к важнейшим из которых относятся способность адаптироваться к меняющимся условиям среды и эффективное самообучение.

Разнообразие подходов к выделению этапов и стадий карьеры позволяет выявить при их сравнении общие закономерности развития карьеры и обобщить их в типичных моделях [7, с. 12].

Таким образом, карьера, как сложное социально-экономическое явление, формируется под влиянием ряда факторов: экономического, социально-психологического, социально-экономического, социально-демографического, культурного и возрастного.

Экономический фактор. Карьера сотрудника развивается в той мере, в какой это необходимо для организации, поскольку в каждый момент времени структура производства и структура занятости должны оптимально отражать потребности рынка.

Социально-психологический фактор. Развитие работников в организации и достижение карьерного успеха происходят за счет их хороших результатов в профессиональной деятельности. Эти результаты, в свою очередь, отражают природный потенциал сотрудника, его способности, а также знания, навыки и умения, приобретенные в процессе обучения в учреждении высшего образования и предыдущего трудоустройства.

Социально-экономический фактор. Процесс становления и развития карьеры во многом определяется так называемыми стартовыми условиями: исходными уровнями образования и жизни, квалификацией работника и его материальным обеспечением.

Социально-демографический фактор. Характер и содержание карьеры тесно связаны с социальным происхождением работника, его возрастом, полом и т. д. Эти факторы существенно воздействуют на скорость карьерного роста.

Культурный фактор. Стереотипы, культурные нормы и ценности, общепринятые в данном обществе, влияют на карьерный рост.

Возрастной фактор. Особую роль играет как биологический, так и профессиональный возраст человека.

Таким образом, в современном мире до сих пор нет единого подхода к выявлению факторов карьерного пути человека. Это связано с тем, что большинство авторов выдвигают разные критерии. Каждая карьера индивидуальна, поэтому трудно выделить универсальные факторы ее определения.

Личностными качествами, обеспечивающими успешность выполнения профессиональной деятельности специалиста по социальной работе, являются аккуратность, терпеливость, чистоплотность, общительность и вежливость. Кроме того, он должен знать нормативно-правовую документацию, иметь способности устанавливать контакт с людьми, сохранять в памяти информацию длительное время, а также сосредоточиваться на одном объекте и долго удерживать на нем внимание.

К качествам, препятствующим эффективности профессиональной деятельности, относятся неумение общаться с людьми, брезгливость, рассеянность, быстрая утомляемость, порывистость и резкость движений.

Обобщая сказанное, можно отметить, что специалист по социальной работе – это человек, который должен владеть соответствующими его квалификации методиками, знать нормативно-правовые особенности деятельности, понимать психологию людей, с которыми он работает, и уметь организовывать общение с любым клиентом. Такой специалист должен доброжелательно относиться к клиенту, быть вежливым, коммуникабельным, аккуратным, иметь опрятный внешний вид, стремиться к повышению квалификации и дальнейшему совершенствованию своей деятельности.

Заключение

Личность – это сформировавшийся индивид определенной эпохи с социально-психологическими свойствами. Во все времена людей разделяли по классам, т. е. каждый человек занимал конкретную ступень в обществе. В такую структуру входило как материальное, так и политическое положение субъекта общественной организации, его род занятий, нравственное сознание и др. Автор настоящей работы условно разделил современные теории личности на два основных класса: теории личности, в которых она рассматривается как индивидуальность (А. Маслоу, Э. Эриксон, Дж. Келли), и теории личности, изучающие классы людей (К. Юнг, Г. Айзенк, Г. Олпорт).

У специалистов, стремящихся к карьерному росту, достаточно высокий уровень профессионального самосознания, состоящего из соответствующих знаний, мотивации и эмоциональной сферы. Профессиональное самосознание специалистов по социальной работе характеризуется высоким уровнем профессиональной компетентности, профессиональным мотивационным профилем (ценностью таких моти-

вов, как общая активность, творческая активность и общественная полезность), способностью к самоуправлению (преимущественно выражены шкалы целеполагания и критериев оценки качества), самоуверенностью, высокой степенью принятия социальных норм, высоким уровнем субъективного контроля и коррекции, а также адекватной оценкой себя и своих профессионально важных качеств.

В структуру карьерного потенциала человека входят психофизические характеристики личности (психофизиологические и психологические задатки и способности, здоровье, работоспособность), личностные особенности (потребности, интересы, мотивы, индивидуальные качества), профессиональные характеристики компетенций (уровень образования, специальность, квалификация, объем и качество знаний, умений и навыков, и т. д.), а также жизненно-карьерная ориентация (социальные и профессиональные ценности, уровень притязаний). Эти составляющие карьерного потенциала человека взаимосвязаны. Карьерный потенциал определяет наличие

сформированности мотивации к профессиональной деятельности и имеющихся способностей, а также их соотношение с необходимыми компетенциями для успешной профессиональной самореализации – набором личных положительных и отрицательных качеств, влияющих на успех карьеры, и умением конструировать цели будущей профессиональной карьеры.

Специалист по социальной работе профессионально помогает людям, поэтому он должен иметь педагогические навыки. Знания и умения, необходимые для социальной работы, составляют фундамент педагогической культуры специалиста социальной сферы. К числу ее структурных элементов также относятся психолого-педагогическую направленность личности, педагогические способности и мастерство, искусство делового общения и культуру служебного поведения.

Предпосылкой для формирования педагогической культуры социального работника выступают его педагогические способности. Их задатки считаются врожденными. Они обнаруживаются в склонности че-

ловека работать с людьми, проявлять к ним интерес, терпение, выдержку и т. д. Однако задатки представляются еще не способностями, а лишь анатомо-физиологическими особенностями, лежащими в основе их развития. Как и другие способности личности, они могут стать ее сформировавшимися качествами, если над ними постоянно работать. Педагогическая способность предполагает такую черту, как педагогическая наблюдательность, которая выражается в умении дать характеристику объекту, выявить его сильные и слабые стороны, предположить реакцию клиента на оказываемое на него воздействие и т. д. Хорошо развитая педагогическая наблюдательность сильна в сочетании с педагогическим предвидением, поскольку точная диагностика состояния клиента – лишь начальный этап коммуникации. Специалист по социальной работе обязан понимать последствия своей деятельности и заранее спрогнозировать их. Педагогическое предвидение помогает смоделировать этапы работы, а также учесть основные проблемы и возможные противоречия.

Библиографические ссылки

1. Рюхов ПС, Милякова ЛВ. Карьера и определяющие ее факторы. *Вестник МГТУ. Труды Мурманского государственного технического университета*. 2015;2:3–18.
2. Тихомандрицкая ОА, Рикель АМ. Социально-психологические факторы успешности карьеры. *Психологические исследования*. 2015;2:2–10.
3. Дёмин АН, Седых АБ, Седых БР. Стандартизация методики измерения карьерного самоопределения. *Российский психологический журнал*. 2017;14(2):151–170. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.9.
4. Батракова ЛГ. Эволюция научных взглядов на понятие «человеческие ресурсы» и его современная специфика. *Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина*. 2015;2:9–11.
5. Шаталова НИ. Психофизиологические особенности трудового поведения работника. *Вестник НГУЭУ*. 2015;1:2–6.
6. Соколова АС. Профессиональная карьера и подходы к ее исследованию отечественными и зарубежными авторами. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2013;3:8–15.
7. Цариценцева ОП. Потенциал карьеры личности: структура и опыт диагностики. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета* [Интернет]. 2017 [протитировано 12 мая 2023 г.];4. Доступно по: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30731825>.

References

1. Ryukhov PS, Milyakova LV. [Career and factors that determine it]. *Vestnik of MSTU. Scientific journal of Murmansk State Technical University*. 2015;2:3–18. Russian.
2. Tihomandritskaya OA, Rikel AM. Socio-psychological factors of career success. *Psikhologicheskie Issledovaniya*. 2015;2:2–10. Russian.
3. Diomin AN, Sedykh AB, Sedykh BR. Standardization of the technique for measuring career self-determination. *Russian Psychological Journal*. 2017;14(2):151–170. Russian. DOI: 10.21702/rpj.2017.2.9.
4. Batrakova LG. Evolution of scientific viewpoints on notion «human resources» and the modern specificity of the notion. *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2015;2:9–11. Russian.
5. Shatalova NI. Psychophysiological features of labour behaviour of employee. *Vestnik NSUEM*. 2015;1:2–6. Russian.
6. Sokolova AS. [Professional career and approaches to its research by domestic and foreign authors]. *Historical and Socio-Educational Idea*. 2013;3:8–15. Russian.
7. Tsaritsentseva OP. [Personal career potential: structure and experience of diagnostics]. *Uchenye zapiski. Elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Internet]. 2017 [cited 2023 May 12];4. Available from: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30731825>. Russian.

Статья поступила в редакцию 12.05.2023.
Received by editorial board 12.05.2023.

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DESPOSITED IN BSU

УДК 614.253(075.8)+172(075.8)

Беляева Е. В. Биоэтика [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец.: 1-23 01 04 «Психология», 1-23 01 15 «Социальная коммуникация» / Е. В. Беляева, З. М. Мухамедова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2023. 164 с. Библиогр.: с. 160–163. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/300238>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.06.2023, № 006830062023.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по учебной дисциплине «Биоэтика» предназначен для студентов специальностей 1-23 01 04 «Психология» и 1-23 01 15 «Социальная коммуникация». В ЭУМК содержатся базовые учебные материалы: фрагменты учебника, тематика семинарских занятий, ситуационные задания (кейсы), тематика контрольных и рефератов, учебная программа, вопросы к зачету, список рекомендуемой литературы.

Адресуется студентам факультета философии и социальных наук, а также всем, интересующимся биоэтикой.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

<i>Рубанов А. В.</i> Мудрость золотого века ислама.....	4
<i>Сидоренко И. Н., Сайганова В. С., Легчилин А. А. К. Маркс: человек и общество</i>	13
<i>Сарычева А. В.</i> Формирование прагма-диалектической модели разумности как основы рациональности	20

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

<i>Терёхин Е. Л.</i> Проблема самопроверяемости: возможен ли последовательный релятивизм?.....	26
--	----

СОЦИАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Похомова А. А.</i> Народные традиции и обычай взаимопомощи как культурные детерминанты феномена волонтерства в современном обществе	33
<i>Дедолко Ю. В.</i> Концепция социального капитала в контексте постнеклассической науки.....	42
<i>Жешко Е. И.</i> Особенности цифровой этнографии как разновидности этнографии в социологии.....	51

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ксёнда О. Г., Марченко А. Э.</i> Личностные предикторы переживания одиночества в подростковом возрасте.....	59
<i>Ткачёв И. В.</i> Характеристика мотивов использования электронных социальных сетей студентами с различными показателями коммуникативной компетентности	67
<i>Дворецкая В. А.</i> Личностные качества, обуславливающие успешность деятельности специалиста по социальной работе	83
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	89

CONTENTS

HISTORY OF PHILOSOPHY

<i>Rubanau A. V.</i> The wisdom of the golden age of islam.....	4
<i>Sidorenko I. N., Saiganova V. S., Liahchylin A. A.</i> K. Marx: man and society	13
<i>Sarycheva A. V.</i> The formation of a pragma-dialectical model of reasonableness as the basis of rationality	20

EPISTEMOLOGY

<i>Terekhin E. L.</i> The problem of self-refutation: is consistent relativism possible?	26
--	----

SOCIAL RESEARCHES

<i>Pokhomova A. A.</i> Folk traditions and customs of mutual assistance as cultural determinants of the phenomenon of volunteering in the modern society	33
<i>Dedolko J. V.</i> Projections and parameters of social capital	42
<i>Zheshka Y. I.</i> Features of digital ethnography as a variety of ethnography in sociology	51

PSYCHOLOGICAL RESEARCHES

<i>Ksionda O. G., Marchenko A. E.</i> Personal predictors of loneliness in adolescents.....	59
<i>Tkachov I. V.</i> Characteristics of motives for the use of electronic social networks by students with different indicators of communication competency.....	67
<i>Dvoretskaya V. A.</i> Personal qualities conditioning the success of a social work specialist	83
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	89

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по философским, психологическим и социологическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета.
Философия. Психология.
№ 3. 2023**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск, Республика Беларусь.
Тел. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Философия. Психология»
издается с 2007 г.

До 2017 г. выходил под названием
«Философия и социальные науки»
(ISSN 2218-1385).

Редактор *М. А. Журо*
Технический редактор *Н. Ю. Окунеvec*
Корректор *М. Д. Баранова*

Подписано в печать 29.09.2023.
Тираж 60 экз. Заказ 882.

Республиканское унитарное предприятие
«СтройМедиаПроект».
ЛП № 02330/71 от 23.01.2014.
Ул. В. Хоружей, 13/61, 220123,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2023

**Journal
of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology.
No. 3. 2023**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

Correspondence address: 4 Niezaliezhnasci Ave.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.
Tel. (017) 259-70-74, (017) 259-70-75.

E-mail: jpsychol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philosophy>

«Journal of the Belarusian State University.
Philosophy and Psychology»
published since 2007.

Until 2017 named
«Filosofiya i sotsial'nye nauki»
(ISSN 2218-1385).

Editor *M. A. Zhuro*
Technical editor *N. Y. Okunevets*
Proofreader *M. D. Baranova*

Signed print 29.09.2023.
Edition 60 copies. Order number 882.

Republic Unitary Enterprise
«StroiMediaProekt».
License for publishing No. 02330/71, 23 January, 2014.
13/61 V. Haruzhaj Str.,
Minsk 220123, Republic of Belarus.

© BSU, 2023